

Часть I

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТЕМЫ. ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследуемая тема находится на стыке изучения русской истории и византиноведения. Это обуславливает «двуединный» характер анализа историографии темы: с одной стороны, изучение историками-русистами материалов византийских источников, с другой — разработка византинистами проблем, связанных с русской историей. Такая постановка вопроса справедлива при изучении двухсторонних национальных и государственных контактов, политических, торговых, культурных и других связей, в частности русско-византийских. Не случайно в имеющихся исследованиях взаимоотношений Руси и Византии анализ историографии этих проблем дан именно в таком аспекте.¹ Однако не историю изучения русско-византийских отношений предполагается сейчас рассмотреть, поскольку этим сюжетом

¹ Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 5 и сл.; Удальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, с. 10⁹ и сл., 127 и сл., 228 и сл.

не исчерпывается поставленная задача работы. Представляется необходимым определить пути источниковедческого освоения византийского историографического и литературного наследия для решения проблем истории Руси и народов на территории Восточной Европы.

Рассмотрение всей истории изучения темы — самостоятельная историографическая задача.² В данном же случае основное внимание сосредоточено на этапе, начинающемся с конца XIX в., времени, когда в разработку проблем истории России и народов нашей страны включились непосредственно профессиональные византилисты. Именно к этому времени относят возникновение византиноведения как самостоятельной отрасли исторического знания.³

Задача настоящей работы — в процессе историографического исследования вскрыть современные цели и требования источниковедческого анализа, определить выбор методики.

² Традиция освоения византийского наследия на Руси прослеживается с XII—XIII вв. См.: Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973, с. 120 и сл.

³ Dölger F. Karl Krumbacher. — In: ΧΑΛΙΚΕΣ. München, 1958. S. 123 ff.; Moravcsik Gy. Einführung in die Byzantinistik. Budapest, 1976, S. 27 ff.

Глава 1

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ ИЗУЧЕНИЯ ВИЗАНТИЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ РУСИ, СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ, КАВКАЗА

Историографические очерки по рассматриваемой теме, как правило, начинаются с довольно позднего времени — с конца XVIII в.¹ или даже с конца XIX в.² Однако как в русской историографии, так и в византиноведении утвердился принцип историографических исследований, требующий охвата значительно более отдаленных времен, вскрывающий самые глубокие корни новейших исторических концепций. Такой подход лежит в основе исследования нашей, омежной, темы, им обусловлено выявление основных этапов эволюции обработки и исследования византийских материалов в историографии отечественной истории.

Невозможно строго определить хронологическую грань «начала» освоения византийских сочинений в России. Эта традиция прослеживается уже в древнерусских исторических памятниках.

¹ Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 5 и сл.

² Moravcsik Gy. *Byzantinoturcica*. Berlin, 1958. Bd. 1; Итоги и задачи изучения истории древнейших государств нашей страны. — История СССР, 1974, № 2, с. 90 и сл.

Предпосылкой использования материалов византийских источников явились древнерусские переводы отдельных греческих памятников, поэтому русская переводная литература может считаться первым направлением в истории освоения византийских памятников на Руси. Причем не следует ограничиваться вниманием к переводам только исторического жанра, но стоит учитывать и естественнонаучную (например, перевод «Шестоднева» Василия Великого), антикварно-занимательную («Пчела», переводы Стобея), житийную литературу. Исследователями отмечались цели идеологического воздействия переводной христианской книжности на Руси, значение переводной литературы в расширении познавательного горизонта русского читателя, усвоении норм человеческого общежития, морали.³ Наряду с этим подчеркиваем особенности освоения этого материала: неоднократные редакционные изменения, переработка переводимых памятников в соответствии с местными потребностями и задачами — все это включало иноязычную литературу в общий поток древнерусской словесности.⁴

Другое направление в истории освоения византийских текстов в древнейшей историогра-

³ История русской литературы. М.; Л., 1948, т. 1, с. 41.

⁴ *Соболевский А. И.* Особенности русских переводов домонгольского периода. СПб., 1910, с. 36 и сл.; *Орлов А. С.* Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв. Л., 1934; *Кузьмина В. Д.* Девгенево деяние. М., 1962; и др.

фии — переработка византийских памятников в исторической литературе Руси. Византийские хроники Иоанна Малалы, Георгия Синкелла, Георгия Амартола, патриарха Никифора и других использовались составителями «Повести временных лет», «Еллинского и Римского летописца», Хронографов, «Хронографической Толковой Палей» в качестве источника сведений по древнейшим периодам всемирной истории, раннему христианству, расселению и обычаям различных народов.⁵ Основное место занимали компилятивные сюжеты, относящиеся к отдаленным мифологическим и историческим временам. Современная же Древней Руси византийская литература оставалась почти неизвестной: так, из авторов XII в. привлекались лишь Иоанн Зонара, Константин Манасси, Михаил Глика, компиляции которых, в свою очередь, хронологически не доходят до современных им событий. Исследователями отмечалось значение византийских памятников для развития русской исторической мысли: составителями русских летописей утверждались идея христианства, концепция мировой истории с ее периодизацией, представления об истории других народов мира и тем самым четче очерчивалось место самой Руси в мировой истории.⁶

Особым направлением использования византийских источников в Древней Руси можно счи-

⁵ Творогов О. В. Древнерусские хронографы. М., 1975.

⁶ Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973, с. 127.

тать рецепцию статей византийского права в древнерусской юридической литературе. Новейшие исследования византийского правового наследия на Руси не только установили факты и пути его освоения, но и определили его формы и методы.⁷

Если переводные сочинения и хронографические памятники опираются в основном на византийские компиляции, причем на материалы, относящиеся главным образом к событиям далекого прошлого, то иная тенденция стала основой еще одного направления освоения византийских произведений — публицистического. К этим памятникам относятся церковнополемические сочинения (например, «Слово Феодосия Печерского о вере крестьянской и о латыньской»), риторическая и мемуарно-публицистическая литература («Повесть о взятии богохранимого Константинограда от фряг», «Повесть Симеона Суздальского об осьмом соборе. Исидоров собор и хождение его» и др.). Они связаны с актуальными проблемами политики своего времени⁸ и опираются на

⁷ Шапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978. Литература проблемы: с. 13—33.

⁸ Попов А. Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875; Павлов А. С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878; Мещерский Н. А. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 году. — Тр. Отд. древнерус. лит. М.; Л., 1954, т. 10, с. 120—135.

современную им византийскую литературу (в той мере, в какой удастся фиксировать византийский субстрат отдельных положений).

В XVI—XVII вв. можно отметить сближение летописной и публицистической традиций в привлечении византийских материалов. Полемические установки, связанные с задачами укрепления Русского централизованного государства, обосновываются примерами исторического прошлого, на основе чего возникают религиозно-политические теории «Москва — третий Рим», концепции мировой истории в «Сказании о Вавилонеграде», «Сказании о князьях Владимирских», «Повести о Новгородском белом клобуке», идеи о происхождении московских князей от императора Августа. В то время как «византийский состав» авторов в русских хронографах XVI—XVII вв. в целом остается прежним, к концу XVI—XVII вв. на Руси широко распространилась византийская полемическая литература. Переводческая деятельность греков-эмигрантов (Максим Грек, братья Лихуды), источники формирования собрания рукописей Патриаршей библиотеки в Москве (Арсений Суханов, посылка книг от иерусалимского патриарха Досифея)⁹ способствовали в большей степени изучению и переводам

⁹ Синицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977; Фонкич Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв.: (Греческие рукописи в России). М., 1977, с. 205 и сл.

патристической литературы, антилатинских полемических сочинений, канонических книг.

XVII в. считается временем становления русской исторической науки, когда осмысление исторического материала проникалось элементами рационализма и целесообразности.¹⁰ Задачи избирательно-критического, целенаправленного подхода к источнику отразились и на использовании византийских памятников. Византийский материал (наряду с античным) лег в основу «Василиологиона» Н. Г. Спафария-Милеску,¹¹ цель которого — доказать преимущества монархии, что обосновывалось историческим опытом Византии, а идеалы абсолютизма питались византийскими политическими идеями. Нашли свое место византийские источники и в «Учении историческом», созданном по повелению царя Федора Алексеевича с целью «изо всех историков, древних и новых, не токмо словенских и русских летописцев, но и еллинских, и латинских, и польских собрати во единой исторической книге...» материалы по отечественной истории.¹² Особое значение автор «Учения» придавал теоретико-историческим взглядам Евстафия Солунского, о котором он знал как о комментаторе Гомера.

¹⁰ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955, т. 1, с. 104.

¹¹ Спафарий Н. Г. Книга Василиологион (ГБЛ, Рум. 413). Об этом см.: Урсул Д. Т. Николай Гаврилович Милеску Спафарий. М., 1980, с. 64.

¹² Замысловский Е. Царствование Федора Алексеевича. СПб., 1871, прилож., с. XLIII.

Таким образом, события древнейшей русской истории не только ставились в один ряд с фактами всемирного исторического развития, но их оценка подчас обосновывалась последними. И действительно, проблема освоения иностранных, в частности византийских, исторических свидетельств о России стояла на пороге превращения в самостоятельную изыскательскую задачу. В конце XVII в. было создано первое произведение, непосредственной целью которого стало собрание древнейших свидетельств по истории юга России: это написанная в 1682 г. (изданная значительно позже Н. И. Новиковым) «Скифская история» А. Лызлова.¹³ Свод А. Лызлова, где рассматриваемая нами тема впервые становится непосредственным объектом труда, как бы завершает большой первый, начальный, период освоения византийских источников с целью изучения истории России.

Зарождение византистики в Западной Европе связывается с развитием классических штудий в XIV—XV вв.¹⁴ В эпоху гуманизма исследователи занимаются филологическими изысканиями, текстологическими наблюдениями. Важное значение имели в Италии переводы Леонардо, Бруни, Аретино и Христофоро Персона источни-

¹³ Лызлов А. Скифская история [1-е изд.]. СПб., 1776. Ч. 1; 2-е изд. М., 1787. Ч. 1, 2, 3.

¹⁴ См.: *Pertusi A. Storiographia umanistica e il mondo bizantino.* — In.: *Quaderni dell'Instituto siciliano di studi bizantini e neoellenici.* Palermo, 1967. Vol. 5; Курбатов Г. Л. История Византии: (Историография). Л., 1975, с. 13 и сл.

ков по истории народов Восточной Европы — сочинений Прокопия и Агафия; издательская деятельность венецианских гуманистов (издания Альда Мануция). В XV в. появляются первые опыты изучения византийских источников по истории тюркских народов. Публикация таких работ, как «О происхождении и деяниях турок» Николо Сагундино,¹⁵ объяснима интересом того времени к истории и судьбам турецких завоевателей Византии. Работы немецких гуманистов XV—XVII вв. посвящены сравнительному историко-культурному исследованию римско-византийского и франко-германского (варварского) государств.¹⁶ Продолжением «византийской» тюркологии стала восьмитомная «Туркогrecия» Мартина Крузия.¹⁷ В XVI в. проблема турок в истории Восточной Европы — одна из кардинальных в европейской науке. Огромное значение имела и издательская деятельность немецких, голландских и французских гуманистов XV—XVI вв.,¹⁸ а издание Иеронимом Вольфом серии трудов византийских историков — Никиты Хониата, Никифора Григоры, Лаоника Халкокондила — открывало путь исследованиям материа-

¹⁵ *Nicolaus Sagundino. De origine et rebus gestis Turcarum. Venetiis, 1475.*

¹⁶ Например: *Cuspidani Ioannis De caesaribus atque imperatoribus Romanis... Francofurti, 1561.*

¹⁷ *Kraus Martin (Crustus). Turcograeciae libri octo... Basiliae, 1584.*

¹⁸ *Corpus universalis historiae praesertim Byzantinae. Paris, 1567.*

лов этих основных византийских источников по истории Руси и народов Кавказа, Причерноморья, Азии.¹⁹

Таким образом, западноевропейская гуманистическая наука создала основу и положила начало изучению по византийским источникам проблем истории интересующих нас народов и государств; были изданы и переведены на европейские языки и важнейшие памятники; вызванная актуальностью османской проблемы, начата разработка истории тюркских народов; интерес к восточноевропейскому миру обуславливался и сравнительным изучением византийской и «варварской» цивилизаций.

Эти традиции были развиты учеными эрудитской школы в конце XVI—XVII в.²⁰ Издательская и исследовательская деятельность «мавристов» (Ж. Мабильон, М. Буке, Б. Монфокон), а также «болландистов» (Д. Пето, Ж. Болланд), крупнейшее событие — выход с 1645 по 1711 г. под руководством Ф. Лаббе 42 выпусков Парижского корпуса византийских историков (*Corpus Byzantinae Historiae* — Иоанн Кантакузин, Кедрин, Симокатта, Никита Хониат; впервые были опубликованы Феофан, Георгий Синкелл, Михаил Глика) подготовили условия для источниковедческих занятий в XVIII в. с целью изучения русских

¹⁹ См.: *Beck H.-G. Die byzantinische Studien in Deutschland vor Karl Krumbacher.* — In: ХΑΛΙΚΕΣ, S. 77.

²⁰ *Pertusi A. Le siècle d'érudition.* — *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft*, 1966. Bd. 15.

древностей. Эти издания в дальнейшем легли в основу русских сводов византийских источников по национальной истории.²¹

Таким образом, традиция привлечения византийских материалов в русской и зарубежной литературе и историографии прослеживается задолго до XVIII в. Постепенно эти разыскания, прежде всего в России, выделяются в самостоятельный объект исторических трудов. В западноевропейской науке особым сюжетом исследований становится история тюркских народов и их места в судьбах Европы. Была собрана и издана значительная часть важнейших источников. В целом же русская и западноевропейская историографии Византии, касающиеся проблем истории нашей страны, развивались пока независимо друг от друга и в разных сферах. С одной стороны, гуманистические и эрудитские филологические студии, издательская деятельность, накопление суммы фактов (пока еще без критической их оценки), с другой — отбор и привлечение отдельных (нередко случайных) византийских источников для создания в памятниках общественно-политической мысли образа России как наследницы византийской цивилизации, а также для укреп-

²¹ Например: *Periculum antiquitatis russicae graecis collustratae luminibus. Petropoli, 1764; Stritter I. G. Memoriae populorum olim ad Danubium, Pontem Euxinum... e scriptoribus historiae byzantinae... erutae. Petropoli, 1771—1779. Vol. 1—6; Стриттер И. Известия византийских историков, объясняющих русскую историю древних времен. СПб., 1770—1775. Т. 1—4. Подробнее см. ниже.*

ления идеи защиты православия, утверждения самодержавия. Значение этого периода — в создании предпосылок научных изысканий в области византийского источниковедения отечественной истории в XVIII в.

Глава 2

ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ПРОБЛЕМАТИКИ

Русская историография XVIII в.

XVIII в. считается веком становления русской исторической науки. На XVIII в. приходится и начало научного исследования византийских источников в России.¹ Задача изучения истории России приобретает в условиях развития Российского абсолютистского государства особый характер: работа над созданием академической «Истории Российской» предполагала охват этнической, политической, экономической истории всей территории России, начиная с древнейшего периода, т. е. с учетом истории византийских владений в Северном Причерноморье, государств Кавказа, судеб славянских племенных расселений. Такая постановка проблемы, с одной стороны, развивала начинание А. Лызлова, с другой — оказывалась прообразом современных задач.

¹ Курбатов Г. Л. Иг
Л., 1975, с. 48.

Уже в подготовленном в 1715 г. А. И. Манкиевым труде «Ядро Российской истории» (опубликован позже Г. Ф. Миллером под именем автора — князя А. Я. Хилкова)² четко поставлен вопрос о развитии русской истории в русле мирового исторического процесса. Византийский материал привлекается в отдельных случаях,³ в большем объеме приводятся античные и западноевропейские историки. Принципиально же концепция отечественной истории, развернутой на фоне мировых событий, попытка выделения законченных периодов исторического развития, движение от провиденциализма к прагматизму и в объяснении событий, первые приемы исторической критики — все это отличало «Ядро...» А. И. Манкиева от предшествующих работ.

Для сбора и анализа свидетельств античных и средневековых источников по русской истории Академией наук был приглашен немецкий филолог и историк Г. З. Байер. На основе изучения византийских источников им был подготовлен ряд статей,⁴ представляющих собой историко-географические этюды, использовавшие не только нарративные источники, но и данные эпиграфики, нумизматики, языка. Обоснование положений норманнской теории строилось Г. З. Байе-

² Ядро Российской истории... М., 1770.

³ Там же, с. 92.

⁴ О происхождении Руси; О первом походе руссов против Константинополя; Русская география по Константину Порфирородному и др. См.: Черепнин Л. В. Русская историография до XIX века. М., 1957, с. 190.

ром в основном на скандинавском материале. Продолжателем дела Байера стал Г. Ф. Миллер, публиковавший работы по русской истории на основе византийских источников в «Сборнике по русской истории».⁵ Им же были изданы труды Манкиева, Байера, Татищева. В методическом отношении интересны установки Г. Ф. Миллера, касающиеся использования иностранных источников: им отвергалось некритическое, поверхностное, основанное лишь на внешнем созвучии сопоставление древних этнонимов, топонимов, гидронимов с современными названиями, направленное на их отождествление с целью установления несуществующего сходства данных литературных источников и современных географических и исторических знаний.⁶

Расширение источниковедческой базы и постановка острых научных и политических проблем русской истории позволили широко использовать византийские материалы для решения сложных спорных вопросов. В. Н. Татищев в «Истории Российской» опирается на таких крупных византийских авторов XII в., как Иоанн Цец, Зонара, Евстафий, Никита Хониат, Михаил Глика. Их свидетельства даны в сопоставлении с русскими летописными известиями, что позволило создать обширную сводку данных источников, опровергающую выводы Байера и Миллера по

⁵ Sammlung Russischer Geschichte. SPb., 1732—1765.

⁶ Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937, т. 1, с. 187.

норманнской проблеме. Труд В. Н. Татищева рассматривается как новый тип исследования в русской историографии, критически разбирающий собранный богатый материал источников на основе логического подхода. Отметим, например, дифференцированный подход к этническим наименованиям иностранных авторов при четкой постановке исследовательских задач и обосновании методики.⁷ Самостоятельные разделы «Истории Российской» по истории скифов, сарматов, гетов, готов и других народов составляют материалы античных и византийских писателей, связанных с отечественной историей.

Ведя полемику с норманнистами, М. В. Ломоносов для доказательства славянского происхождения русской государственности, выяснения места и роли славян и варягов в истории русской культуры рассмотрел ранние свидетельства византийских источников о славянах.⁸ При этом им была утверждена методика исторического исследования, расчленяющая факты источника и его оценку, не пересказывающая, а анализирующая источник.⁹

⁷ Черепнин Л. В. Указ. соч., с. 164 и сл.

⁸ Замечания к диссертации Г. Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского»; Древняя Российская история...; Замечания к I тому Истории Российской Вольтера; и др. См.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 6.

⁹ Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971, с. 147.

Острая полемика о происхождении русского народа и государства определила задачу дальнейшего расширения источниковедческой базы и углубления ее изучения. В 1764 г. А. Л. Шлецером была подготовлена для Академии наук записка («Обзор русских древностей в свете греческих материалов»)¹⁰ о необходимости создания свода древнейших иноязычных свидетельств по истории Руси для сравнения и проверки летописных данных. После этого, в период с 1771 по 1779 гг., вышло пятитомное издание эксцерптов византийских источников, подготовленное И. Штриттером.¹¹ Этот свод до сих пор остается наиболее объемным трудом такого рода, куда включены известия византийцев за весь период существования Византийской империи — с IV до середины XV в. Обширен и географический охват собранных материалов: в издании освещена история всех народов, живших к северу от Дуная и распространявшихся далеко на восток. Причем прослеживались судьбы отдельных групп кочевников, ушедших с нашей территории в другие области Европы вплоть до Пиренейского полуострова. Основная часть свода И. Штриттера была

¹⁰ *Periculum antiquitatis russicae graecis collustratae luminibus*. Petropoli, 1764.

¹¹ *Stritter I. G. Memoriae populorum olim ad Danubium, Pontem Euxinum, Paludem Maeotidem, Caucasum, mare Caspium et inde magis ad septemtriones incolentium e scriptoribus historiae byzantinae... erutae*. Petropoli, 1771—1779. Vol. 1—5.

тогда же переведена на русский язык В. Световым.¹²

Материалы этих изданий использовали М. М. Щербатов в «Истории Российской от древнейших времен» (1770—1791) и И. Н. Болтин в «Примечаниях на „Историю древняя и нынешняя России“ г. Леклерка» (1788). Однако в целом, пожалуй, такой объемистый свод не повлек за собой ощутимых качественных результатов. И даже сам И. Штриттер в «Истории Российской» (1802) не обращался к собранным им же материалам, за исключением свидетельств четырех-пяти ранее хорошо известных византийских авторов (Зонара, Прокопий, Кедрин и др.).

Более целенаправленным привлечение византийских материалов для обоснования общеполитических концепций русской истории оказалось в многотомном труде И. И. Голикова о царствовании Петра I.¹³ Создавая идеальный образ Петра-самодержца, И. И. Голиков сравнивает с его начинаниями деяния императора Константина, почерпнутые из Жития Константина. Это позволяет автору обосновать принципы само-

¹² *Штриттер И.* Известия византийских историков, объясняющих русскую историю древних времен. СПб., 1770—1775. Т. 1—4.

¹³ Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Собранные из достоверных источников и расположенные по годам. В 12-ти т. СПб., 1788—1789; Дополнения к Деяниям Петра Великого. В 18-ти т. СПб., 1790—1797.

державной власти. Таким образом, здесь проблемы истории России не просто рассматриваются на фоне мировых событий, но решаются на материале византийских источников. Древнейшие исторические сюжеты оказались связанными с актуальными проблемами современного развития России.

Основоположник революционного направления русской общественно-политической мысли А. Н. Радищев также привлекал данные византийской истории для обоснования своих общественных и историко-философских принципов.¹⁴

Итак, в XVIII в. в России была проведена большая работа по сбору, публикации и переводам византийских свидетельств, относящихся к русской истории. Утверждался новый метод критического исторического источниковедения, что определило в это время становление как русской исторической науки,¹⁵ так и византиноведения.¹⁶ В исследование самых острых полемических вопросов, конкретно-исторических и общеполитических, вовлекался в большом объеме собранный фактический материал.

¹⁴ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1938, т. 1, с. 86 и сл.

¹⁵ Пештич С. А. Русская историография XVIII в. Л., 1961, ч. 1, с. 45; ср.: Историография истории СССР. М., 1971, с. 63 и сл.

¹⁶ Успенский Ф. И. Из истории византиноведения в России. — В кн.: *Анналы*. Пг., 1921, с. 115.

Зарубежная историография XVIII в.

В Западной Европе век Просвещения ознаменовался выходом обобщающих оценочных трудов по византийской истории Ш. Монтескье,¹⁷ М. Ф. А. Вольтера,¹⁸ Ш. Лебо,¹⁹ Э. Гиббона.²⁰ С фактической стороны эти работы имели косвенное отношение к истории народов России (лишь в плане вопросов внешней политики, церковных, торговых, брачных связей Византии, а также взаимоотношения Рима с «варварами»), однако с методической точки зрения они знаменовали собой новый этап источниковедческих исследований: определился переход от пересказа фактов, почерпнутых из хроник, к оценке и рациональному освоению материала.²¹

В XVIII в. получает дальнейшее развитие издание источников, содержащих важные для нас свидетельства. Это вышедшие четырнадцать томов «Греческой библиотеки» (1705—1728) А. Фабрициуса, итальянская серия Л. А. Мура-

¹⁷ *Montesquieu Ch.* Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence. Paris, 1734.

¹⁸ *Voltaire M. F. A.* Essay sur l'histoire générale et sur les moeurs et l'esprit des nations. Paris, 1756.

¹⁹ *Lebeau Ch.* Histoire du Bas-Empire. Paris, 1757—1784. Vol. 1—27.

²⁰ *Gibbon E.* The History of the Decline and the Fall of the Roman Empire. London, 1776—1788. Vol. 1—6.

²¹ *Guillou A.* Le siècle des Lumières. — Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft, 1966. Bd. 15, S. 30.

тори,²² Венецианский корпус византийских источников (1722—1733)²³ и свод соборных актов И. Манси.²⁴ Эти публикации стали основой дальнейших исследований и изданий (в том числе и И. Штриттера) византийских материалов по истории народов России.

Итак, в Западной Европе в XVIII в., как и в России, утверждаются новые принципы исторических исследований, происходит становление ряда сложных проблем, таких, как судьбы древнейшего славянского населения и государств, задачи изучения которых рассматриваются в комплексе историко-филолого-культуроведческих вопросов. Конкретно-исторические изыскания тесно переплетаются с актуальными проблемами общественно-политической жизни того времени и непосредственно влияют на их решение, помогая в оформлении и историческом обосновании теорий социального развития.

Русская историография XIX — начала XX в.

Традиции конкретно-исторического изучения византийских источников по русской истории были продолжены в начале XIX в. российскими

²² *Fabritius A. Bibliotheca Graeca. Hamburg, 1705—1728. Vol. 1—14; Muratori L. A. Rerum Italicarum Scriptores. Mediolani, 1723—1751. Vol. 1—27.*

²³ *Byzantinae Historiae Scriptores. Venetiis, 1722—1733.*

²⁴ *Mansi I. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio. Florentiae et Venetiis, 1757—1798. Vol. 1—31.*

академиками-немцами И. Ф. Кругом и А. А. Кунником.²⁵ Тематика их творчества в конечном счете не выходила за рамки норманнской проблемы. Этим, видимо, было обусловлено то, что многочисленные конкретные наблюдения Круга и Кунника, которые могли бы дать новый толчок источниковедческим изысканиям, не имели, подобно корпусу И. Штриттера, особого резонанса в общих трудах по истории России.

Проблемный стержень изучения русской истории к этому времени сместился. Вопрос о пути развития России, его традициях в связи с альтернативой «западного» и «восточного» — российского — миров стал живым нервом русской историографии с первой половины XIX в.²⁶ Идеи национальной самобытности Руси, общности развития византино-русского «Востока» в противоположность «Западу», сближение на этом основании судеб Византии и России были выдвинуты в обобщающей «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.²⁷ Развитие славянофильских устремлений укрепления национальной самобытности находили опору в идеализированном «византинизме», понимаемом как мистически-созерцательное начало в противоположность аналитически-рассудочной западной куль-

²⁵ *Krug J. Ph. Forschungen in der alteren Geschichte Rußlands. St.-Ptb., 1848.*

²⁶ Историография истории СССР. М., 1971, с. 107 и сл.

²⁷ *Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1818—1829. Т. 1—12.*

туре.²⁸ Таким образом, вопрос о византийском наследии на Руси вновь стал предметом полемики о путях, историческом опыте и перспективах развития России — проблемы, непосредственно связанной с живыми вопросами общества. Но как славянофилы, так и их противники абсолютизировали художественно-созерцательную сторону византийской культуры и ее традиций на Руси. Общая философская концепция, не столько направленная на углубленное изучение прошлого, сколько обращенная в будущее, и построенная в соответствии с этим модель опиралась лишь в той степени и на те византийские источники, в какой могла подтвердить себя.

Такое оживление национальных проблем в русской исторической мысли отразилось и на источниковедческих работах. Пристальный интерес вызвали именно славянские переводы византийских источников.²⁹ Началась систематическая публикация полных переводов важнейших византийских источников, содержащих сведения и о Руси, и о ближайших ее соседях: так, в середине XIX в. вышли десять томов переводов византийских историков.³⁰ Заметим, что с 1841 г. началось и издание Полного собрания русских летописей. Таким образом, популяризация в общественно-

²⁸ См.: Курбатов Г. Л. Указ. соч., с. 72—73.

²⁹ Например, обнаруженный М. П. Строевым славянский перевод Георгия Амартола, работы П. Успенского.

³⁰ Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1858—1863. Т. 1—10.

политическом и историческом планах «византийской проблемы» («Крест над Святой Софией!»), возросшее внимание к присоединенным после русско-турецких войн областям России, имеющим давнюю историческую и культурную традицию, — Крыму, где с 20-х гг. начинаются систематические археологические раскопки,³¹ и Кавказу (в середине XIX в. появляется целый ряд новых исследований по истории народов Кавказа)³² — вновь вызвали к жизни постановку вопроса о создании корпуса источников по древнейшей истории России.

В 1853 г. на заседании отделения Русского Археологического общества Р. И. Минцлов сделал доклад о проекте плана «соединить все сведения, рассеянные в писателях греческих и римских, до времен византийских, о народах, обитавших по северным берегам Черного моря, в области нынешней России»,³³ и составить свод древнейших источников по отечественной истории наподобие уже устаревшего корпуса И. Штриттера. В том, что такую работу собиралось возглавить Археологическое общество, был особый смысл: первые результаты археологических работ на юге России, начало эпохи «великих археологических открытий» в Европе побуждали исследователей обра-

³¹ Курбатов Г. Л. Указ. соч., с. 74—75.

³² Подробнее об этом см. в кн: Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья. М., 1980, с. 58 и сл.

³³ См.: Латышев В. В. Scythica et Caucasica. СПб., 1890, т. 1, с. III—IV.

таться к письменным источникам как вспомогательным.³⁴ Весь план не был претворен в жизнь, однако в «Записках Одесского общества истории и древностей» появились некоторые переводы (в том числе из Константина Багрянородного, житий херсонских святых и др.).³⁵ Вопрос о необходимости составления свода всех известий древних источников о Северном и Восточном Причерноморье вновь и вновь обсуждался на археологических съездах 80-х—начала 90-х гг.³⁶

Первым откликом на эти desiderata стала публикация К. Гана «Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе», второй том которой посвящен византийским писателям.³⁷ Приведенные свидетельства территориально не ограничиваются Кавказом, а охватывают весь восточноевропейский регион от Дона до Волги. В основу труда положена публикация И. Штриттера. Византийский раздел представляет собой перечисление в хронологическом порядке событий и фактов, почерпнутых из византийских источников, причем указание на используемый источник отсутствует; дан лишь перечень авторов, «писавших об иберах» (в том

³⁴ См.: Ган К. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. Тифлис, 1884, ч. 1, с. 4.

³⁵ См. Записки Одесского общества истории и древностей, 1844, т. 1, с. 3—114; 1848, т. 2, с. 118—130, 232—244; 1853, т. 3, с. 130—143; 1877, т. 10, с. 75—100, 139—163.

³⁶ См.: Латышев В. В. Указ. соч., т. 1, с. IV—V.

³⁷ Ган К. Указ. соч. Тифлис, 1890. Ч. 2.

числе Зонара, Киннам, Глика, Пахимер, Григора), исторические сведения не выделяются из мифологических и легендарных. Но начинание К. Гана, особенно античный раздел, вызвав живой научный интерес, побудило вновь обратиться к составлению свода.

Издание полного собрания греческих и латинских свидетельств о народах, населявших территорию России, было задумано В. В. Латышевым. Итогом большой работы стал выпуск античной части «Скифики и Кавказики».³⁸ Византийский раздел автор подготовить не успел (правда, в т. 1 помещены комментарии Евстафия и Цеца к античным авторам). Однако и выпущенные материалы способствовали определению репертуара используемых фрагментов, уточнению территориального охвата, установлению принципов составления подобных сводов.

В самом конце XIX в. появилась и собственно византиноведческая работа по рассматриваемой теме. Ю. Кулаковский собрал данные классических, главным образом византийских, источников о народах Северного Кавказа.³⁹ Судьбы аланов представляются автору неотделимыми от древнейшей русской истории. Ю. Кулаковским используются византийские свидетельства вплоть до XV в. Цель работы — показать автохтонность

³⁸ Латышев В. В. Указ. соч. Т. 1. Ср. переиздание: Вестник древней истории, 1947—1950. Т. 19—30; 1952. Т. 40.

³⁹ Кулаковский Ю. А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.

аланского, индоевропейского, населения Северного Причерноморья, определить значение христианства для него, исследовать международные связи Аланского государства. Методика работы ограничивается изложением одного основного источника; вместе с тем в порядке констатации отмечаются противоречия в сведениях, критически оцениваются некоторые данные (о расстояниях и т. п.). Но уже можно заметить попытки имманентного подхода к источнику (например, с. 2: «...не поправлять (Геродота. — М. Б.), а лишь стараться наглядно представить себе его картину»).

Если первые замыслы подобных сводов (от Минцлова до Гана) были в основном завершением разработки вопросов, поднятых в русской историографии в начале XIX в., то издание Ю. Кулаковского связано с другими условиями развития исторической науки. Примерно с 70-х гг. отмечается становление основ современной византиноведческой науки.⁴⁰ Русская школа византистов была создана В. Г. Васильевским. Его ранние работы⁴¹ посвящены вопросам русско-византийских отношений, истории кочевников, международной политической жизни средневековой Европы. В. Г. Васильевский не столько проводил детальный анализ данных введенной им в

⁴⁰ См.: Курбатов Г. Л. Указ. соч., с. 86.

⁴¹ Васильевский В. Г. Византия и печенеги. — В кн.: Васильевский В. Г. Труды. СПб., 1908. Т. 1; Он же. Варяго-русская и варяго-английская дружины в Константинополе XI—XII вв. — Там же.

научный оборот массы новых источников,⁴² но на этой основе решал крупные проблемы русской истории. Он проследил судьбы русского наемного корпуса в Византии, рассмотрел историю печенегов в их отношении к Руси, Византии и другим государствам, вскрыл проблемы междоусобиц русских князей в свете политических взаимоотношений княжеств Руси и государств Европы.⁴³ Итак, важно, что к вопросам, непосредственно связанным с историей Руси, обратились профессиональные византилисты.

Немалое место рассматриваемая проблематика заняла в творчестве другого русского византиста — Ф. И. Успенского. Проблемы государственности в славянских странах, участие куманов и русских в борьбе за освобождение Болгарии от византийского государства,⁴⁴ византийские традиции на Руси, которые рассматривались им с позиций панславизма и православия,⁴⁵ история Трапезунда,⁴⁶ вопросы монгольского завоевания

⁴² *Васильевский В. Г.* Введение в житие св. Стефана Сурожского. — В кн.: *Васильевский В. Г.* Труды. Пг., 1915. Т. 3; *Он же.* Советы и рассказы византийского боярина XI в. — Журн. М-ва народного просвещения, 1881, июнь—август, с. 215—216 и др.

⁴³ *Васильевский В. Г.* Из истории Византии в XII в. — В кн.: Труды. Л., 1930. Т. 4.

⁴⁴ *Успенский Ф. И.* Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879, с. 35 и сл.

⁴⁵ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. СПб., 1913. Т. 1, ч. 1, 2; Л., 1927. Т. 2, ч. 1; М.; Л., 1948. Т. 3.

⁴⁶ *Успенский Ф. И.* Очерки по истории Трапезундской империи. Л., 1929.

Азии и Юго-Восточной Европы⁴⁷ решались в специальных работах. Внешнеполитическим аспектам взаимоотношений Византии, Венгрии, Галича, Киева посвящена монография К. Я. Грота.⁴⁸

Помимо общих работ русских византинистов по вопросам русско-византийских отношений, места Руси и народов степи и Кавказа в международной жизни, во второй половине XIX в. печатаются многочисленные статьи по частным вопросам изучения отдельных памятников, конкретным проблемам русско-византийских отношений.⁴⁹ Обобщению этих наблюдений посвящены работы В. С. Иконникова и Ф. Терновского. Первая из них⁵⁰ построена на сопоставлении общих характеристик византийской и древнерусской культуры. Труд Ф. Терновского⁵¹ соотносим с подготовляемыми в то время компендиумами античных и византийских источников по Кавказу. События византийской истории рас-

⁴⁷ Успенский Ф. И. Византийские историки о монголах и египетских мамлюках. — Византийский временник, 1926. Т. XXIV.

⁴⁸ Грот К. Я. Из истории Угрии и славянства в XII в. Варшава, 1889.

⁴⁹ Ласкин Г. Сочинения Константина Порфирородного «О фемах» и «О народах» (1892); Миллюков П. Н. Время и место действия «Записки греческого топарха» (1897); Геденов С. А. Варяги и Русь (1876).

⁵⁰ Иконников В. С. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869.

⁵¹ Терновский Ф. Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение к древней Руси. Киев, 1875—1876. Т. 1—2.

смаstrиваются с точки зрения их значения для Руси. Эта сводка дополняется данными о путешествиях русских в Византию и греков на Русь. С целью обобщения данных о русско-византийских отношениях была написана и работа Х. Лопарева «Греки и Русь»,⁵² где в хронологическом порядке перечислялись события, связанные с историей Византии и Руси. Интерес к югу России, Крыму, вызванный интенсивными археологическими работами там, отразился и на византистике. В трудах Ф. К. Бруна,⁵³ М. М. Ковалевского⁵⁴ анализировались археологические материалы, сопоставляемые с византийскими документами и историческими свидетельствами. Изучалось византийское наследие в Московской Руси XV—XVI вв.,⁵⁵ русско-византийские церковные взаимоотношения.⁵⁶

⁵² Лопарев Хр. М. Греки и Русь. СПб., 1898.

⁵³ Брун Ф. К. О поселении итальянцев в Газарии. М., 1873; Он же. Черноморье. — В кн.: Сборник исследований по исторической географии Южной России. Одесса, 1879—1880. Т. 1—2.

⁵⁴ Ковалевский М. М. К ранней истории Азова. — В кн.: Труды XII Археологического съезда. М., 1905. Т. 2.

⁵⁵ Савва В. Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901.

⁵⁶ Барсов Т. В. Константинопольский патриарх и его власть над русской церковью; Попов А. Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875; Павлов А. С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878; Бенешевич В. Н. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г. СПб., 1905.

Развитию источниковедческих исследований способствовали новые публикации византийских источников, появившиеся в конце XIX—начале XX в. В это время в России начинается издание афонских актов (П. Успенский, Т. Флоринский).⁵⁷ Начало сводным публикациям архивов Афона было положено изданием в 1873 г. актов Русского монастыря,⁵⁸ а с 1903 по 1913 г. в приложениях к «Византийскому временнику» Л. Пти, В. Регелем, Э. Курцем и Б. Кораблевым издаются акты шести афонских монастырей, что составило серию «Акты Афона».⁵⁹ В. Регель издал также сочинения византийских риторов, содержащие интересные нас сведения,⁶⁰ и специальную публикацию по русско-византийским отношениям.⁶¹

Зарубежная историография XIX—начала XX в.

В центре западноевропейской науки начала XIX в. оказалась проблема нации, ее развития,

⁵⁷ Порфирий [Успенский], епископ. Восток христианский: История Афона. Киев, 1877. Т. 3 и др.; Флоринский Т. Афонские акты и фотографии с них в собраниях П. И. Севастьянова. СПб., 1880.

⁵⁸ Акты Русского на св. Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеимона. Киев, 1873.

⁵⁹ Акт. Ксен.; Акт. Пант.; Акт. Хил.; Акт. Зогр.; Акт. Фил. и др. (все византийские источники указываются в принятых сокращениях. Ключ см. в Приложении).

⁶⁰ Regel W. Fontes rerum byzantinorum. SPb., 1892—1917. Т. 1, р. 1, 2.

⁶¹ Analecta byzantino-rossica. SPb., 1891.

национального государства и культуры.⁶² Идея историзма связывается теперь с задачей критики источников, фонд которых значительно пополняется в это время. В Германии начинается систематическая публикация источников по немецкой истории.⁶³ Византинисты и филологи-классики школы Б. Г. Нибура с 1829 по 1897 г. выпускают пятидесятитомный Боннский корпус писателей византийской истории — серийное издание, которым византинисты пользуются и поныне.⁶⁴ Издаются и фрагменты текстов византийских историков.⁶⁵ С 1839 г. выходят первые тома Реальной энциклопедии классической древности (*Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*), содержащей и византийские материалы. Одновременно в немецкой историографии разрабатываются и общеисторические концепции, например, исторического развития Востока и Запада, изучается место славян в истории Византии.⁶⁶

⁶² Историография нового времени стран Европы и Америки. М., 1967, с. 15.

⁶³ Так, общество по изучению древней немецкой истории в 1839 г. начало серийную публикацию «*Monumenta Germaniae Historica*».

⁶⁴ *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*. Bonnae, 1829—1897. Bd. 1—50.

⁶⁵ *Müller C. Fragmenta Historicorum Graecorum*. Bonnae, 1841—1870. Vol. 1—5.

⁶⁶ *Fallmerayer J. Ph. Fragmente aus Orient*. Stuttgart; Tübingen, 1830—1836. Bd. 1—2.

В Италии издаются тексты из рукописных ватиканских коллекций.⁶⁷ Во Франции в первой половине XIX в. также появляются целые серии публикаций византийских источников К. Б. Газе,⁶⁸ Э. Миллера,⁶⁹ Ж. А. Бюшона,⁷⁰ а с 1857 г. начинает выходить «Патрология» Ж. П. Миня — самое объемное (166 томов) серийное издание текстов византийских авторов.⁷¹ На основе материалов этих изданий проводятся источниковедческие изыскания вплоть до сегодняшнего дня.

В это время намечается изучение византийских источников по истории народов нашего региона: так, в 1824—1835 гг. переиздается «История» Ш. Лебо (см. выше) с дополнениями по истории Грузии и Армении.⁷² Публикуются и от-

⁶⁷ *Mal A. Scriptorum veterum nova collectio. Romae, 1825—1838. Vol. 1—10; Idem. Spicilegium romanum. Romae, 1839—1844. Vol. 1—10; Idem. Nova Patrum Bibliotheca. Romae, 1852—1857. Vol. 1—7; Pittra J.-B. Juris ecclesiastici Graecorum historia et monumenta. Romae, 1864—1868. Vol. 1, 2; Idem. Analecta sacra et classica... 1891. Vol. 6 (7).*

⁶⁸ *Leonis Diaconi... Historia. / Rec. C. V. Haase. Paris, 1819.*

⁶⁹ *Miller E. Recueil des Historiens des Croisades. Historiens Grecs. Paris, 1875. Vol. 1; Idem. Poèmes historiques de Théodore Prodrome. — Revue archéologique, 1878. Vol. 26.*

⁷⁰ *Buchon J. A. Chroniques étrangères relatives aux expéditions françaises pendant le XIIIe siècle. Paris, 1840.*

⁷¹ *Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series Graeca. Paris, 1857—1866. Vol. 1—166.*

⁷² *Lebeau Ch. Histoire du Bas-Empire. / Ed. Saint-Martin J.-A., Brosset M. F. Paris, 1824—1835. Vol. 1—21.*

дельные статьи по русско-византийским отношениям в русле норманнской теории, проблем культурного влияния.⁷³

В начале XIX в. завершается становление национальной исторической науки в балканских странах.⁷⁴ Характерная особенность их историографии: с самого зарождения исторической мысли в южнославянских странах в XVII—XVIII вв. активно используются византийские материалы, поскольку эти территории составляли часть Византийской империи. Эти традиции развиваются историографией XIX в. (Сп. Палаузов в Болгарии,⁷⁵ сербские, хорватские и словенские историки при изучении проблем славянской колонизации Балкан, судеб тюрков, вторгавшихся с севера из-за Дуная).

Новые важнейшие издания источников появляются во второй половине XIX в.: это фундаментальные публикации актов Ф. Миклошича и И. Мюллера,⁷⁶ а также К. Э. Цахарие-Лингенталя.⁷⁷ С 1870 г. издаются тома Тойбнеров-

⁷³ *Wilken F. Über die Verhältnisse der Russen zum byzantinischen Kaiserthum in dem Zeitraum vom 9. bis zum 12. Jh. — Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Berlin, hist.-phil. Klasse. Berlin, 1832.*

⁷⁴ *Курбатов Г. Л. Указ. соч., с. 66 и сл.*

⁷⁵ *Палаузов Сп. Век болгарского царя Симеона. СПб., 1852 и др.*

⁷⁶ *Miklosich F., Müller J. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1860—1890. Vol. 1—6.*

⁷⁷ *Zachariae a Lingenthal K. Jus graeco-romanum. Lipsiae, 1856—1884. Vol. 1—7.*

ской серии (*Bibliotheca Teubneriana*) в Лейпциге, включившей отдельных византийских авторов. Большая часть новых памятников публикуется греческими учеными К. Сафой и Сп. Лампросом,⁷⁸ некоторые из этих изданий не заменены новыми и по сей день.

В Германии в традициях школы Л. Ранке⁷⁹ проводится изучение византийского государственного аппарата, политической структуры, затрагиваются и отдельные интересующие нас вопросы (Г. Ф. Герцберг⁸⁰ и др.). Внешнеполитическое положение Византии перед Крестовыми походами стало темой специального исследования К. Ф. Неймана.⁸¹ Византийские источники использовал и Й. Маркварт в тюркологических изысканиях.⁸² Для работ немецких исследователей этого времени характерен взгляд на изучаемый источник, отраженный в обобщающем труде по византийской литературе, К. Крумбахера:⁸³ сам памятник не представлял источниковедче-

⁷⁸ *Sathas K. Bibliotheca graeca medii aevi. Venezia — Paris, 1872—1894. Т. 1—7; Lampros Sp. Μιχαήλ Ἀκομινάτου χωνιάτου τὰ σωζόμενα. Athenai, 1879. Т. 1, 2.*

⁷⁹ *Von Ranke N. Weltgeschichte. Leipzig, 1887. Bd. 8, S. 156 ff.*

⁸⁰ *Herzberg G. F. Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reiches. Berlin, 1883.*

⁸¹ *Neumann C. F. Weltstellung des byzantinischen Reiches vor den Kreuzzuges. Berlin, 1894.*

⁸² *Marquart J. Über das Volkstum der Kumanen. Leipzig, 1914.*

⁸³ *Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Litteratur. München, 1897 (3. Aufl. — New York, 1963).*

ской проблемы; задача заключалась в максимальном сборе фактических данных о нем, их «каталогизации» и подробном описании.

Специальной работой, посвященной изучению византийских источников по истории государств и народов средневековья, стал труд К. Дитериха.⁸⁴ Стремясь представить богатый материал византийских памятников, главным образом по географии и этнографии мира, автор подготовил немецкий перевод около 400 фрагментов почти 60 писателей за тысячелетний период византийской истории (с V по XV в.). Прикладное значение работы (отчасти в ущерб научным требованиям) не скрывалось издателем. Он охватил весь orbis terrarum. Специальные разделы посвящены кочевникам (гуннам, аварам, булгарам, хазарам, печенегам, куманам, татарам, османам и др.), славянам, в том числе и Руси. Показательна тенденция немецкого автора: подчеркивая значение для консервативной Византии столкновения с «юношески сильным германским Севером» во имя обретения чувства необходимости «возрождения крови», он противопоставлял византийскому традиционализму молодую культуру западного (т. е. «северного») мира.⁸⁵ Источниковедческие проблемы решаются с шовинистических позиций пангерманизма. Исследователь коснулся и неко-

⁸⁴ *Dieterich K. Byzantinische Quellen zur Länder und Volkskunde. Leipzig, 1912. Bd. I—II.*

⁸⁵ *Dieterich K. Byzantinische Charakterköpfe. Leipzig, 1909. S. 35 ff.*

торых источниковедческих вопросов — проблемы этнонимов византийских источников, традиционализма географических представлений. В основном К. Дитерих ориентировался на хронистов, представляя в каждом случае опять-таки «главный» источник по определенному разделу. Несмотря на фрагментарность и естественную неполноту данных, многочисленные неточности, труд немецкого исследователя дает представление о самостоятельном значении византийских памятников как источников по национальным историям народов мира.

Во Франции изучение Византии как целостного политического и культурного организма включало и оценку роли иностранного элемента (кавказцев, тюрков, славян) в структуре византийского общества и культуры (А. Рамбо,⁸⁶ Ш. Диль).⁸⁷ Специально исследовались события внешнеполитических и военных взаимоотношений империи с государствами окружающего ее мира (Ф. Шаландон).⁸⁸ В итальянской историографии анализу данных византийских источников о международном положении Византии, ее отношениях с соседями, внешнеполитической де-

⁸⁶ *Rambaud A. L'Empire grec au dixième siècle.* Paris, 1870.

⁸⁷ *Diehl Ch. L'Afrique byzantine (533—709).* Paris, 1896.

⁸⁸ *Chalandon F. Les Comnènes.* Paris, 1900—1912. Vol. 1—2.

тельности Исаака II Ангела посвятил исследование Ф. Каньяссо.⁸⁹

Важнейшее место в разработке проблем национальных историй византийские материалы заняли в работах болгарских, сербских и румынских историков. Отдельные вопросы их статей и монографий связаны и с русской историей (М. Дринов).⁹⁰ Публикации источников по югославянской истории,⁹¹ разработка вопросов международного положения в Восточной Европе (Н. Радойчич,⁹² К. Иречек⁹³) по своим целям и методическим принципам соответствовали направленности подобного рода трудов русских и западноевропейских историков. Самостоятельным разделом румынской науки еще с XIX в. стало освоение византийских источников по национальной истории.⁹⁴

⁸⁹ *Cognasso F.* Un imperatore bizantino della decadenza: Isacco II Angelo. — In: Bessarione, 1915. Т. 19.

⁹⁰ *Дринов М. С.* Заселение Балканского полуострова славянами (1872); Южные славяне и Византия (1875). — В кн.: *Дринов М. С.* Съчинения. София, 1909—1911. Т. 1, 2.

⁹¹ Например, *Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium...* Zagrabiae, 1868—1893. Vol. 1—33.

⁹² *Radojčić N.* Dva poslednja Komnena na carigradskom prijestolu. Zagreb, 1907.

⁹³ *Jireček C.-J.* Istorija Srba. Belgrad, 1911—1923. Т. 1, 2.

⁹⁴ *Micu S.* Scurta cunoștința a istoriei Romînilor. București, 1963.

В начале XX в. уже выходят крупные специальные работы по этой теме,⁹⁵ обобщающие труды, каким стала «История румынского народа» Н. Йорги.⁹⁶ Все эти работы не только содержат отдельные факты, касающиеся нашей истории (этнический состав населения Подунавья, границы южнорусских княжеств, военная история кочевников), но, главное, утверждают принципы изучения византийских свидетельств, разрабатывают методiku их анализа.

Своеобразным итогом (как с фактической, так и с методической стороны) работы специалистов конца XIX—начала XX в. стало международное издание «Кембриджской средневековой истории»,⁹⁷ в которой были собраны и рассмотрены многочисленные свидетельства, в том числе византийских источников, по истории народов Восточной Европы.

Подводя итоги второму периоду в истории изучения византийских источников применительно к рассматриваемому региону, отметим, что к началу XX в. в результате большой публикаторской работы в России и за рубежом была создана обширная источниковедческая база для фундаментальных исследований в нашей области. Постановка задачи изучения византийских и античных

⁹⁵ Russo D. Studii byzantino-romine. Bucarest, 1907. Vol. 1, 2.

⁹⁶ Jorga N. Geschichte des rumänischen Volkes im Rahmen seiner Staatsbildung. Gotha, 1905. Bd. 1, 2.

⁹⁷ Cambridge Medieval History. Cambridge, 1911—1913. Vol. 1, 2.

источников по истории народов мира была обусловлена во многом актуальными социально-политическими и идеологическими проблемами того времени — панславянской, черноморской, церковноправославной. Вследствие вовлечения в научный оборот большого нового фактического материала во многих странах, в том числе и в России, к созданию трудов по национальной истории обращаются профессиональные византилисты, решая ряд сложных проблем на материале византийских источников. Разрабатываются и утверждаются научные методические принципы источниковедческого анализа.

Глава 3

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД ИЗУЧЕНИЯ ТЕМЫ

Советская историография

Изучению советского периода историографии Руси и Византии посвящено немало специальных работ, в которых дан конкретный анализ вышедших исследований и определены основные направления развития отечественной науки.¹ Рассмотрим в общем виде факторы этого развития в соответствии с поставленными нами задачами.

¹ *Удальцова З. В.* Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, с. 6—7; *Курбатов Г. Л.* История Византии: (Историография). Л., 1975, с. 133 и сл.

Утверждение новой методологии в истории определило основные пути изучения рассматриваемой проблемы как в византиноведении, так и в области истории феодальной России.² Это обусловило становление проблемного подхода к анализируемым фактам, тенденцию привлечения массового исторического материала.³ Качественно новым в исторической науке стал классовый подход к источнику, основанный на постижении классовой природы государства, политики и идеологии.

Вместе с тем продолжались исследования и в традиционном русле византиноведения.⁴ Ряд работ А. А. Васильева был посвящен средневековой истории Крыма, русско-византийским отношениям, международному положению Европы.⁵ Некоторые вопросы русско-византийско-половецких взаимоотношений в свете восточных источников анализировались в статьях А. Ю. Якубовского.⁶

² См.: *Вайнштейн О. Л.* История советской медиевистики. Л., 1968, с. 27 и сл.

³ См.: *Курбатов Г. Л.* Указ. соч., с. 135.

⁴ Например: *Соколов И. И.* Земельные отношения в Турции до танзимата. — *Новый Восток*, 1924. Т. 6; и др.

⁵ *Васильев А. А.* Византия и крестоносцы. Пг., 1922; *Он же.* Готы в Крыму. — *Известия Русского археологического института в Константинополе*. 1921. Т. 1, 1927. Т. 5; ср.: *Vasiliev A.* The Goths in the Crimea. Cambridge (Mass.), 1936; *Idem.* History of the Byzantine Empire. Madison, 1952.

⁶ *Якубовский А. Ю.* Ибн-Мискавейх о походе Русов в Бердаа. — *Византийский временник*, 1926. Т. XXIV; *Он же.* Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. — *Византийский временник*, 1928. Т. XXV.

Обобщающие труды Ф. И. Успенского⁷ затрагивают многие важные вопросы истории населения Кавказа, причерноморских степей, южной окраины Руси. Ф. И. Успенский стал инициатором и создателем в 1918 г. Комиссии по изучению сочинений Константина Багрянородного с целью извлечения данных по истории русско-византийских связей, сведений о Руси, Причерноморью, Кавказу, Балканам. Таким образом, задача изучения византийских материалов по отечественной истории оказалась важным направлением развития советской науки с самых первых ее шагов.⁸ В 1924 г. на заседании Отделения общественных наук АН СССР было решено «приступить к работе по подготовке и изданию памятников византийских, западноевропейских и арабских, имеющих отношение к истории древнейшего периода Руси».⁹ Необходимость создания такого труда диктовалась и оживлением к этому времени дискуссий по вопросу о Тмутараканском княжестве,¹⁰ походах русских на Константинополь,¹¹ русско-византийских экономических и культурных свя-

⁷ Успенский Ф. И. История Византийской империи. Л., 1927. Т. 2; и др.

⁸ См.: Пашуто В. Т., Рыбаков Б. А. О корпусе древнейших источников по истории народов СССР. М., 1974, с. 4.

⁹ Там же.

¹⁰ Веселовский Н. И. К истории открытия тмутараканского камня. Пг., 1917.

¹¹ См.: Истрин В. М. Летописное повествование о походах русских князей на Царьград. — В кн.: Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук, 1916. Т. 21; и др.

зях.¹² Другой важной областью изучения византийских источников по русской истории стала проблема славянской колонизации Балкан (работы С. А. Жебелева, Е. Э. Липшиц, А. В. Мишулина, М. В. Левченко, Б. Т. Горянова).¹³ Разрабатываются и проблемы происхождения имени «Русь».¹⁴ Одновременно расширяется источниковедческая база исследований в области археологии, эпиграфики, нумизматики, сфрагистики (труды Г. Д. Белова, М. К. Каргера, В. В. Латышева, А. Н. Зографа, М. М. Иващенко, Н. П. Лихачева и др.).¹⁵

Осмысление на новой методологической основе исторического пути России, а также конкретно-исторические наблюдения позволили историкам провести исследования процессов феодального развития России, используя и материалы византийских источников.¹⁶ Труды Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, С. В. Юшкова, вскрывая внутренние закономерности процессов этнической, политической и культурной истории Руси, анализи-

¹² *Приселков М. Д.* Русско-византийские отношения в IX—XII вв. — Вестник древней истории, 1939, № 3.

¹³ См.: *Удальцова З. В.* Указ. соч., с. 108 и сл.

¹⁴ *Брим В. А.* Происхождение термина «Русь». — В кн.: *Россия и Запад.* Пг., 1923. Т. 1.

¹⁵ См.: Советское источниковедение Киевской Руси: Историографические очерки. Л., 1979, с. 72 и сл.

¹⁶ *Греков Б. Д.* Киевская Русь [1-е изд.]. М.; Л., 1939; 2-е изд. М., 1953; *Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939; *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1946.

руют используемые источники для доказательства несостоятельности трактовки вопроса о развитии славянской государственности в духе норманнской теории. Византийские источники широко используются и кавказоведами, создающими первые марксистские работы по истории Грузии и Армении.¹⁷ Начинается издание сводов византийских источников по истории народов Кавказа.¹⁸

Своеобразным итогом первого (1917—начало 1940-х гг.) этапа развития советской исторической мысли стала I Всесоюзная византиноведческая сессия (Москва, 1944 г.), на которой в докладах, посвященных вопросам изучения византийского наследия на Руси, места Византии в политической жизни славян, других народов (Е. А. Косминский, Н. В. Пигулевская, В. И. Пичета, М. Н. Тихомиров), были подведены итоги многолетней работы и определены направления дальнейших исследований.¹⁹

Таким образом, первый этап советской историографии характеризуется становлением и ут-

¹⁷ См.: Кечакмадзе Н. Н. Византиноведение в советской Грузии в 1917—1957 гг. — Византийский временник, 1959. Т. 15; Арутюнян Ш. Р. Армянская советская историография за 40 лет. — Вопросы истории, 1960, № 1.

¹⁸ Сведения византийских писателей о Грузии. Тбилиси, 1934—1952. Т. 2—4.

¹⁹ См.: Косминский Е. А. Византия и Запад; Пичета В. И. Византия и славяне; Пигулевская Н. В. Византия и Восток; Тихомиров М. Н. Византия и Московская Русь. — Вестник АН СССР, 1944, № 7, 8.

верждением новой методологии истории и источниковедения, созданием на этой основе фундаментальных трудов по русской истории с привлечением византийских материалов. Анализ данных византийских источников вызвал острую критику ряда зарубежных концепций истории России (норманнская теория, идея византийской политической супрематии на Руси и т. п.). Были созданы организационные предпосылки для издания свода древнейших источников по истории народов СССР, началась работа по его подготовке.

Новый этап советской историографии приходится на 40-е—начало 70-х гг.²⁰ Продолжаются исследования кардинальных проблем истории феодальной России, изучение источников, привлекаемых для разработки этих проблем. В результате новых работ Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, А. Н. Насонова, Л. В. Черепнина, В. В. Мавродина, С. В. Бахрушина была создана общая картина политического и культурного развития Руси и народов, входивших в ее состав, выявлены международные связи Древнерусского государства, рассмотрены различные аспекты русско-византийских отношений.²¹ Новое

²⁰ См.: Удальцова З. В. Указ. соч., с. 41 и сл.; Курбатов Г. Л. Указ. соч., с. 191 и сл.

²¹ См.: История СССР. М., 1941. Т. 1; Очерки истории СССР, период феодализма. М., 1953. Т. 1, 2; Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948; Насонов А. Н. Тмутарокань в истории Восточной Европы. — Исторические записки, 1940. Т. 6; Мавродин В. В. Древнерусское государство. Л., 1950; и др.

развитие получили также конкретно-исторические исследования: в статьях П. О. Карышковского, Е. Э. Липшиц, М. В. Левченко проблемы датировок отдельных исторических событий, атрибуции некоторых памятников связаны с общими вопросами исторического развития Руси, образования Древнерусского государства, критики норманнской теории.²²

Многочисленные работы М. В. Левченко по истории русско-византийских отношений²³ были сведены в его «Очерках по истории русско-византийских отношений».²⁴ Эта работа представляет собой первый обобщающий труд по многочисленным направлениям русско-византийских отношений, привлекающий большое количество источников и систематизирующий их данные. Решая конкретные проблемы, «Очерки» имеют полемическую направленность против теорий византийского влияния на Русь, политической зависимости русских князей от Константинополя, неравенства двухсторонних взаимоотношений. Однако компилятивный принцип составления

²² Карышковский П. О. К истории Балканских войн Святослава. — Византийский временник, 1953. Т. 7; Липшиц Е. Э. О походе Руси на Византию ранее 842 г. — Исторические записки, 1948. Т. 26; и др.

²³ Записка греческого топарха. — Византийский временник, 1951. Т. 4; Русско-византийские договоры 907—911 гг. — Византийский временник, 1952. Т. 5; Константин Порфирородный и Русь в первой половине X в. — Византийский временник, 1953. Т. 6; и др.

²⁴ Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.

«Очерков» привел к ряду противоречий и неточностей.

Своеобразие восприятия византийского культурного наследия на Руси, изучению активного освоения, переработки его в соответствии с местными условиями посвящены послевоенные работы историков древнерусской литературы и культуры.²⁵ Результаты исследований места византийского культурного наследия на Руси были обобщены в коллективной «Истории культуры Древней Руси».²⁶

Анализу новых данных византийских источников по истории Руси, русско-византийским отношениям, проблемам места степных кочевников в истории связей Византии и Руси посвящены работы Г. Г. Литаврина, В. Л. Янина, Н. Н. Воронина, З. В. Удальцовой.²⁷ Нашими исследова-

²⁵ Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси. М.; Л., 1945; Он же. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947; Он же. Возникновение русской литературы. М.; Л., 1952, с. 119 и сл.; Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947; и др.

²⁶ История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948—1951. Т. 1—2.

²⁷ Янин В. Л., Литаврин Г. Г. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха. — В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962; Литаврин Г. Г. Неизвестное свидетельство о Боспоре Киммерийском во время Алексея I Комнина. — В кн.: VII Всесоюз. конф. византинистов. Тбилиси, 1965; Воронин Н. Н. Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в. — Византийский временник, 1965. Т. 26; Litavrin G. G. A propos de Tmutorokan. — Byzantion, 1965. Т. 35.

телями был сделан коллективный доклад об отношениях Древней Руси и Византии на XIII Международном византиноведческом конгрессе в Оксфорде (1966).²⁸ Эти работы ввели в научный оборот новый ценный материал по рассматриваемой проблеме. Вместе с тем в них формировались современные научные принципы источниковедческого анализа, основанного на стремлении к адекватному подходу к источнику, выявлению внутренней логики памятника и оценке на этой основе получаемой информации. Проблемный подход к теме чрезвычайно расширил и сюжетную сторону изысканий: если раньше работа нередко ограничивалась рассмотрением внешних двухсторонних военных, посольских, брачных связей, то теперь ставятся проблемы раскрытия внутренних процессов, обуславливающих характер тех или иных форм взаимоотношений, рассматриваемых в развитии и в системе целого ряда дополнительных факторов.

На основе новых источниковедческих работ византинистов и проблемных разработок отдельных сторон общественно-политической структуры Руси²⁹ появилась возможность создать синтетические труды, раскрывающие место Древнерусского государства (в его сложной этнической

²⁸ Отношения Древней Руси и Византии в XI—первой половине XIII в. — In: XIII International Congress of Byzantine Studies. Main Papers, Oxford, 1966. Vol. 3.

²⁹ См. материалы сборников: Международные связи России до XVII в. М., 1961; Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1952; и др.

структуре) в средневековой истории, роль народов, вошедших в его состав, в его экономической, политической и культурной жизни и связях (В. Т. Пашуто, Я. Н. Шапов, А. П. Новосельцев³⁰ и др.).

Зарубежная историография

Разработка рассматриваемых проблем со второго десятилетия XX в. проходила на фоне интенсивного освоения новых источников. Заканчивается период становления целой научной отрасли — византийской дипломатики, основа которой была заложена публикацией в России афонских актов. Теперь же изданием некоторых афонских документов занялись М. Гудас, Х. Ктенас, затем В. Мошин, Ф. Дэльгер.³¹ Французские ученые во главе с Г. Мийе начали систематиче-

³⁰ Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965; Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968; Шапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XV вв. (Кормчие книги): Автореф. дисс... д-ра ист. наук. М., 1975.

³¹ Goudas M. Βυζαντιακὰ ἔγγραφα τῆς ἐν Ἄθῳ Ἱερᾶς Μονῆς τοῦ Βατοπεδίου. — Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας τῶν Βυζαντινῶν Σπουδῶν. 1926. Τ. 3; 1927. Τ. 4; Ktenas Ch. Χρυσόβουλλοι λόγοι τῆς ἐν Ἄθῳ Ἱερᾶς Μονῆς τοῦ Δοχειαρίου. — Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας τῶν Βυζαντινῶν Σπουδῶν. 1927. Τ. 4; 1929. Τ. 6; Mosin V., Soure A. Dodatki h grskim listinam Hilandarja. Ljubljana, 1948. Мошин В. Акты из светогорских архивов. — Споменик Србске АН, Београд, 1939. Т. 91.

ское издание афонских актов в серии «Архивы Афона»: уже вышедший в 1937 г. том «Актов Лавры» дал богатый материал по истории Руси и кочевников.³² Разрабатывается новый вид источникововедческих сводок: Ф. Дэльгер с 1924 г. начинает издание регест императорских постановлений, писем, посольств.³³ Появились и тома регест патриарших документов.³⁴ Общество «болландистов» продолжает издавать агиографические источники в двух сериях («*Analecta Bollandiana*», «*Subsidia Hagiographica*»).

Специальным изучением византийских источников по истории народов Восточной Европы занимаются болгарские, венгерские и румынские ученые. Фундаментальным исследованием такого рода стала «История болгарской державы» В. Н. Златарского.³⁵ С дальнейшими разысканиями в этой области связаны труды П. Мутафчиева и И. Дуйчева.³⁶ В этот же период выходят работы Н. Йорги, касающиеся истории Подунавья и При-

³² Акт. Лавр. Р. К.

³³ *Dolger F. Regesten der Kaiserurkunden des Ostromischen Reiches von 565—1453.* Munchen; Berlin, 1924—1961. Bd. 1—4.

³⁴ *Grumel V. Les Regestes des actes du patriarcat de Constantinople.* Paris, 1932—1937, vol. 1, f. 1—3; *Laurent V. Les Regestes...* Paris, 1971, vol. 1, f. 4.

³⁵ *Златарски В. И. История на Българската държава през средните векове.* София, 1918—1940. Т. 1—3 (София, 1970—1972).

³⁶ См. *Мутафчиев П. Избрани произведения.* София, 1973. Т. 1, 2; *Дуйчев И. Проучване върху българското средновековие.* София, 1945; и др.

черноморья в свете византийских данных, новых археологических открытий.³⁷ В Румынии начинается выходить многотомная серия «Источников по истории румын»,³⁸ включившая ряд произведений византийских авторов. В Венгрии византисты занимаются изучением византийских источников по истории Венгрии, а затем шире — по истории тюркских народов: были созданы первые своды Д. Моравчика³⁹ и М. Дьони.⁴⁰ Характерной особенностью их является не только попытка максимального привлечения имеющихся источников, но и разработка, классификация и сопоставление всех их данных, составление специальных терминологических словарей. Вопросы византино-славянских связей изучают и чехословацкие ученые (Я. Бидло, Ф. Дворник).⁴¹ Следует при этом отметить, что ученые этого времени в оценке данных по национальной истории занимали нередко националистическую позицию.⁴²

³⁷ *Jorga N. Formes byzantines et réalités balkaniques*, Bucarest; Paris, 1922.

³⁸ *Popa-Lisseanu G. Izvoarele istoriei Românilor*. Bucarest, 1935—1939. Vol. 1—15.

³⁹ *Moravcsik Gy. A magyar tortenet bizánci forrásai*. Budapest, 1934.

⁴⁰ *Gyoni M. Magyarország és a magyarság a bizánci források tükrében*. Budapest, 1938.

⁴¹ *Dvornic F. Byzantine Political Ideas in Kievan Russia*. Cambridge, 1956; *Bidlo J. Slovanstvo*. Praha, 1912.

⁴² Например, *Amantos K. Βορείους γείτονες τῆς Ελλάδος*, Athenai, 1923; *Zakythinos D. Οἱ Σλάβοι ἐν Ελλάδα*. Athenai, 1945, S. 102; *Brattianu G. I. Vlaques et Bulgares*. Bucarest, 1935.

Особое место в зарубежной довоенной историографии занимают труды византинистов — выходцев из России. Ими преимущественно разрабатываются сюжеты, связанные с русской историей, о месте Руси и связанных с ней народов во всемирной истории. Актовые материалы исследовали А. Соловьев и В. Мошин.⁴³ Русско-византийские политические отношения изучает Г. Вернадский.⁴⁴ Целая серия работ по истории печенегов, торков и половцев выпускается Д. А. Расовским.⁴⁵ Эти исследования решали сложные источниковедческие проблемы, сыграв важную роль в освоении прежде всего фактического материала источников.

Итак, особенностью довоенного этапа зарубежной историографии проблемы изучения византийских материалов по истории народов Руси, Причерноморья, Кавказа была разработка специалистами-византологами капитальных проблем национальной истории балканских государств, а в связи с этим и вопросов рассматриваемой нами темы; издание нескольких типов

⁴³ *Soloviev A. Histoire du monastère Russe au Mont-Athos. — Byzantion, 1933. Vol. 8; Idem. Le nom byzantine de la Russie. S.-Gravenhage, 1957; Мошин В. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI—XII вв. — Byzantinoslavica, 1947. Т. 9; 1950. Т. 11.*

⁴⁴ *Vernadsky G. Relations byzantino-russes au XIIe s. — Byzantion, 1927—1929. Vol. 4; Idem. Byzantium and Southern Russia. — Byzantion, 1941. Vol. 15.*

⁴⁵ *Расовский Д. А. Половцы. — In: Seminarium Kondakovianum, 1935—1940. Т. 7—11.*

сводов византийских источников по истории народов Европы, в частности, тюркских народностей.

Однако полемика, развернувшаяся по ряду сложных проблем, носила подчас националистический характер.

После второй мировой войны во многих странах широко развернулась работа по подготовке и изданию корпусов византийских источников по национальной истории. В Польше выходят сборники такого же характера.⁴⁶ Г. Сойтер издает византийские материалы по истории германцев.⁴⁷ Выходят многотомные аналогичные своды в Югославии⁴⁸ и Болгарии,⁴⁹ подготовленные коллективами авторов (И. Калич, Б. Ферьянчич, Н. Радошевич-Максимович и П. Тивчев, Ст. Лишев, В. Тыпкова-Заимова, Г. Цанкова-Петкова, Ст. Маслев, И. Дуйчев и др.). Появляется расширенное и дополненное издание «Бизантинотурцики» Д. Моравчика.⁵⁰

⁴⁶ Греческие (в т. ч. византийские) и латинские источники по древнейшей истории славян были изданы в 1952 г. В 1954 г. вышел новый сборник фрагментов.

⁴⁷ *Soyter G. Germanen und Deutsche im Urteil byzantinischer Historiker.* Paderborn, 1953.

⁴⁸ Византијски извори за историју народа Југославије. Београд, 1955—1971. Т. 1—4.

⁴⁹ Гръцки извори за българската история. София, 1954—1974. Т. 1—9.

⁵⁰ *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica.* Berlin, 1958. Bd. 1, 2.

В последнее десятилетие появились новые серии подобных выпусков.⁵¹

Наряду с этим продолжается разработка отдельных вопросов истории народов Восточной Европы в свете византийских данных. Славянским политическим и этническим проблемам посвящены исследования болгарских ученых — И. Дуйчева, Д. Ангелова, В. Тыпковой-Заимовой.⁵² Работы Г. Острогорского по византино-русским и византино-славянским отношениям, изучению места Руси в византийской «иерархии государств» составили сборник его трудов.⁵³ В румынской историографии история печенегов и половцев освещается в работах П. Диакону,⁵⁴ взаимоотношения Руси и Византии — в разысканиях

⁵¹ *Szádeczky-Kardoss S.* Ein Versuch zur Sammlung und Chronologischen Anordnung der Griechischen Quellen der Awarengeschichte nebst einer Auswahl von anderssprachigen Quellen. Szeged, 1972; *Lakatos P.* Quellenbuch zur Geschichte der Gepiden. Szeged, 1973; Glossar zur frühmittelalterlichen Geschichte in ostlichen Europa. Serie B, Lief. 1 etc. Wiesbaden, 1973, etc.

⁵² *Дуйчев И.* Славяни и първобългари. — Известия на Институт за българска история, 1951, № 1, 2; *Ангелов Д.* Образуване на българската народност. София, 1972; *Тыпкова-Заимова В.* Нашествия и етнически промени на Балканите. София, 1966.

⁵³ *Ostrogorsky G.* Byzanz und die Welt der Slawen. Darmstadt, 1974.

⁵⁴ *Diaconu P.* Les Petchénègues au Bas-Danube aux IXe—XIe siècles. Bucarest, 1970; *Idem.* Les Coumans au Bas-Danube aux XIe et XIIe siècles. Bucarest, 1978.

И. Барня.⁵⁵ Этим проблемам посвящены исследования специалистов и других стран, в частности, ученых Б. Видера, И. Ирмшера и др.⁵⁶ Политические отношения Византии с народами других стран были рассмотрены в докладах о принципах и методах византийской дипломатии на Международном конгрессе византинистов в Охриде (Д. Оболенский и Д. Моравчик).⁵⁷ Западноевропейские византинисты занимаются как общими вопросами взаимоотношений Византии с окружающим миром, в том числе Русью и кочевниками Причерноморья,⁵⁸ так и проблемами критики источников, уточнения их данных (И. Шевченко, Г. Арвейлер, Л. Мюллер).⁵⁹

⁵⁵ *Barnea I. Byzance, Kiev et l'Orient sur le Bas-Danube du Xe au XIIe siècles. — Nouvelles études d'histoire. Bucarest, 1955.*

⁵⁶ *Widera B. Byzanz und Beziehungen zwischen Grossfürsten der Russ, Staufen und den Papsten. 1157—1207. — Studia Byzantina, Halle; Wittenberg, 1966.* О некоторых аспектах истории русско-византийских взаимоотношений см. также в кн.: *Byzantinistische Beiträge. Berlin, 1964; Irmscher J. Das Nikaische Kaisertum und Russland. — Byzantion, 1970. Т. 40.*

⁵⁷ *Obolensky D. The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy. — Actes du XIIe Congres International d'Etudes byzantines. Beograd, 1963, t. 1, p. 45—61. Moravcsik Gy. The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy. — Ibid., p. 301—341.*

⁵⁸ *Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. London, 1971; Оболенский Д. Связи между Византией и Русью в XI—XV вв. М., 1971.*

⁵⁹ *Bulletin d'Information et Coordination, 1971. Т. 5; Ahrweiler H. Les relations entre les Byzantins et les Russes*

В целом можно сказать, что за послевоенный период значительно расширилась источниковедческая база изысканий. Традиционные темы получили новый разворот, возникли новые аспекты исследований (сопоставление различных типов государственной структуры на основе сравнительно исторического анализа, формы общественно-производственного синтеза и др. Создание капитальных сводов древнейших источников, в том числе и византийских, по национальным историям стало важным направлением исторической науки в большинстве зарубежных стран. Вместе с тем не всегда в этих изданиях были учтены достижения конкретно-исторических исследований, не использованы новые современные издания источников. В ряде случаев не преодолен иллюстратизм; нередко сами источники как система не являются проблемой — лишь их *свидетельства* оказываются таковой.

au IXe siècle; *Ševčenko I.* The Date and Author of the so-called Fragments of Toparcha Gothicus; *Muller L.* Russen in Byzanz und Griechen im Rus-Reich. Cp.: *Hösch E.* Byzanz und die Byzanzidee in der russischen Geschichte. — In: *Saeculum*, 1969. Vol. 20, S. 6 ff.

Глава 4

ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассмотрение истории изучения поставленной темы позволяет определить главные периоды ее развития у нас в стране и за рубежом.

На первый период (до XVIII в.) становления исторической науки в целом приходится постановка рассматриваемой проблематики в рамках общеисторических задач. Выпускаются первые издания памятников; публикуются суммарные сводки источников о народах и государствах изучаемого региона.

Второй период (XVIII—начало XX в.) связан с возникновением и разработкой научных принципов исторического исследования в большинстве национальных исторических школ; публикуются и обследуются богатейшие материалы источников на основе методики сравнительно-критического анализа данных. Появляются первые опыты издания сводов древнейших источников по отечественной истории. Собранный фактический материал вовлекается в острые дискуссии по актуальным проблемам общественно-политической жизни.

Третий период (XX в.) характеризуется утверждением новых принципов методики и методологии исторических исследований в отечественной науке и науке других стран, созданием фундаментальных трудов по отечественной истории

с привлечением материалов византийских источников, обобщенных в работах специалистов-византологов. В свете новых задач исторических исследований (изучение типологии государственного строительства, общественной структуры Руси, форм синтеза и т. п.) вопрос о систематическом изучении древнейших источников, в том числе византийских, по отечественной истории становится важнейшей научной задачей.¹ Вырабатывается методика комплексного изучения исторических источников на основе имманентного подхода к анализируемым данным, систематизации привлекаемого материала; не только данные источника, но и сам он становится исследовательской проблемой.

Главное же, к настоящему времени изменился взгляд на средневековый текст в целом. Фактологическое, «потребительское» отношение к источнику уступило место восприятию культуры прошлого в категориях, адекватных представлениям изучаемого времени. Перед специалистом встает проблема не выборки из источника нужных ему отдельных фактов, а критического постижения сложности, многоплановости самого факта,² самого средневекового слова, передающего сообщение о событии. При таком подходе воз-

¹ Основные направления развития естественных и общественных наук на 1976—1980 гг. М., 1975, с. 342; Итоги и задачи изучения древнейших государств нашей страны. — История СССР, 1974, с. 83 и сл.

² Барз М. А. Исторический факт: структура, форма, содержание. — История СССР, 1976, № 6, с. 54 и сл.

возможным становится выявление субъективной позиции информатора, его оценки, т. е. встает задача постижения мировидения создателя памятника прошлого в целом, определяющего частные суждения. С этим связаны попытки воссоздать *систему* воззрений иностранного автора на политические, этнические, географические и другие вопросы, представляющие обычно первостепенный интерес в плане рассматриваемой проблематики.

В соответствии с этими принципами ставится и задача настоящей работы: не столько дать фактологическую сводку собранного материала, сколько постараться соединить *массовость* используемого материала с *проблемно-источниковедческим* подходом к нему. Имманентный подход к анализируемому материалу заключается не в простом, по большей части фрагментарном извлечении интересующих нас свидетельств, а в попытке уловить внутреннюю динамику данных, установить *причину* появления именно тех, а не иных сведений, того, а не иного отражения в иноязычных памятниках событий, связанных с отечественной историей.

Работа не ограничена привлечением какого-либо одного вида исторических источников, в ней рассматриваются данные произведений самых различных жанров — исторических трудов, хроник, речей, стихов, писем, актов, легенд печатей, литературных комментариев и др. Вместе с тем своеобразие жанра изучаемого материала диктует и методику его обработки, которая предусматри-

вает комплексное освещение получаемых данных. Например, анализ сведений императорских хрисовулов строится на сочетании исторического, дипломатического, палеографического и лингвистического (ономастика и стилистика) подходов к источнику.

Часть II

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ. ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ

Глава 1

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ И ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Помимо определения основных задач и принципов работы, необходимо уточнить региональные и хронологические границы собственно источниковедческих изысканий. В соответствии с принятым по программе изучения древнейших государств на территории нашей страны делением, условно выделяются четыре региона: Европейский, Закавказский, Среднеазиатский и Сибирский.¹ Объектом настоящего исследования является Европейский регион, включающий Северно-

¹ Итоги и задачи изучения истории древнейших государств нашей страны. — История СССР, 1974, № 2, с. 73 и сл. Пашуто В. Т., Рыбаков Б. А. О корпусе древнейших источников по истории народов СССР. М., 1974, с. 6.

причерноморский, Северокавказский и Древнерусский подрегионы.² Каждому из них посвящена определенная часть монографии. Отмечая известную условность такого деления, укажем на некоторые особенности территориальных разграничений.

При изучении Древнерусского подрегиона привлекаются не только сведения о русских княжествах центра, но и других областей, например, о крымско-таманской территории, которая принадлежала в свое время русским княжествам (Тмутаракань), а затем, став объектом претензий Византии и кочевников, переходила во власть то одних, то других. Для некоторых периодов, в том числе и XII в., политическая принадлежность этих земель является до сих пор предметом дискуссий. В связи с изучением Древнерусского подрегиона прослеживаются и судьбы экспатриальных групп русского населения — военного наемного корпуса в Византии и Русского монастыря на Афоне.

В рамках изучения Севернопричерноморского подрегиона рассматриваются проблемы истории тюркских кочевников. Сразу следует отметить, что наши источники в основном освещают события, связанные с вторжениями печенегов и половцев в Подунавье и на Балканы, однако источниковедческий анализ этих данных показывает важность их и для истории печенегов, торков, половцев на территории нашей страны. Одновре-

² Итоги и задачи..., с. 79 и ст.

менно возникает возможность проследить общую взаимосвязь вытеснения кочевников из русских земель с их набегами на области Юго-Восточной Европы.

Исторические судьбы Северокавказского под-региона неотделимы от истории выделяемых Причерноморского и Закавказского регионов. В настоящей работе освещаются проблемы изучения средневековой Алании. Вместе с тем в более широком аспекте рассматриваются вопросы этнического состава населения Северного Кавказа. Бытование многочисленных теорий по этногеографии средневековой Алании, построенных на основе данных письменных, в том числе византийских, памятников, порой еще обусловлено недостаточно строгой конкретной разработкой анализируемых сведений источников.

Рассматриваемый период ограничен XII—первой половиной XIII в. Конечный рубеж соответствует примерно дате, принятой для исследований по программе создания Свода древнейших источников по истории народов СССР, — 1240 г., — монголо-татарскому завоеванию Европы. Особенностью работы является привлечение памятников, главным образом *современных*, к изучаемым событиям. Поэтому основной объем исторических свидетельств компиляций XII в. (Зонара, Глика) о IV—XI вв. (о гуннах, аварах и т. п.) не анализируется, а использование их материалов по более ранним периодам носит спорадический характер. По этой же причине не используются во всем объеме и мемуары XII в. о событиях предшествующего

столетия (например, Анна Комнина). Но как дополнительные источники привлекаются и они, и сочинения конца XIII в.

Однако принятый здесь хронологический срез, XII—первая половина XIII в., оправдан и исторически. Действительно, к началу—середине XII в. современные специалисты относят завершение раннефеодального периода в истории Руси и начало периода развитого феодализма.³ Одновременно в рамках большого периода развитого феодализма в России (XII—начало XVII в.) выделяется первый его этап, ограниченный как раз началом XII—серединой XIII в.⁴ В истории движения кочевых племен по югу нашей страны XII—начало XIII в. тоже представляет собой определенную эпоху: на это время приходится конец подчинения (первая половина XII в.) Русью печенегов и торков (узов)⁵ и основные этапы борьбы с половцами.⁶ История самостоятельного общественно-

³ Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. О периодизации истории России эпохи феодализма. — Вопросы истории, 1951, № 2, с. 78 и сл.; Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972, с. 194. Ср.: Черепнин Л. В. Основные этапы развития феодализма в России: (Докл. на X Междунар. конгр. ист. наук). М., 1955, с. 13.

⁴ Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. О периодизации..., с. 78.

⁵ Расовский Д. А. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии. — *Seminarium Kondakowianum*, 1933, т. 6, с. 62; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 107 и сл.

⁶ Плетнева С. А. Половецкая земля. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 263 и сл.

политического развития половцев завершается в середине XIII в. признанием вассалитета по отношению Руси или подчинением монголо-татарским завоевателям.⁷ Для целого ряда северокавказских народов XII—начало XIII в. также представляет собой особый период их общественно-политического развития: к этому времени относят оформление адыгских племен в народность и завершение становления у них классового общества;⁸ в XII в. создаются первые раннефеодальные политические объединения тюркоязычных народов на территории Северного Кавказа;⁹ в истории народов Абхазии, Чечено-Ингушетии, Дагестана этот период связывается с оформлением их политической зависимости (или непосредственного инкорпорирования) от феодальных государств Закавказья (Грузинское царство) и Прикаспия (Дербентский эмират);¹⁰ наконец, в Алании XII—

⁷ Пашуто В. Т. Внешняя политика... с. 204 и сл.; ср.: Расовский Д. А. Половцы, IV. Военная история половцев. — Annales de l'Institut Kondakov, 1939, t. 11, с. 96.

⁸ Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957, т. 1, с. 71; История Кабарды. М., 1957, с. 24; История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967, т. 1, с. 74 и сл.; Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967, т. 1, с. 86 и сл.; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967, т. 1, с. 37 и сл.; История Дагестана. М., 1967, т. 1, с. 181 и сл.

⁹ История Кабарды, с. 27 и сл.; Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1961, с. 21 и сл.

¹⁰ Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957, т. 1, с. 59 и сл.; История Дагестана, с. 181 и сл.

начало XIII в. считается временем завершения оформления раннефеодальной государственности и начала периода феодальной раздробленности.¹¹ Таким образом, рассматриваемое время представляется особым этапом в развитии большинства северокавказских народов, характеризующимся становлением феодальных отношений и развитием форм феодальных государств.¹²

Вместе с тем в истории Византии к XII в. относят расцвет феодального строя,¹³ причем в рамках большого периода феодального развития империи с VII до начала XIII в. особо выделяют XII—начало XIII в. — период от правления Комнинов после смерти Алексея I (1118) до латинского завоевания Константинополя в 1204 г.¹⁴ Таким образом, возникает возможность рассмотреть проблему отражения в византийских источниках черт общественно-политической жизни Руси и народов Восточной Европы в плане синхро-стадиального сопоставления феноменов социального и культурного развития как Византии, так и государств и народов рассматриваемого региона нашей страны.

¹¹ История Осетии. Орджоникидзе, 1954, ч. 1, с. 61 и сл.; История Северо-Осетинской АССР. М., 1959, т. 1, с. 55 и сл.; Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, с. 33 и сл., 237 и сл.

¹² См.: Анчабадзе З. В., Робакидзе А. И. К вопросу о природе кавказского горского феодализма. Тбилиси, 1971.

¹³ Удальцова З. В. Проблемы типологии феодализма в Византии. — В кн.: Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975, с. 124 и сл.

¹⁴ История Византии. М., 1967, т. 2, с. 312.

Глава 2

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ
ИЗУЧАЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

Произведения византийских историков XII—начала XIII в. — Иоанна Киннама и Никиты Хониата традиционно являются важнейшими источниками по нашей теме. В историческом труде Иоанна Киннама, сохранившемся в единственной рукописи,¹ повествование начинается от смерти Алексея I в 1118 г.; текст сочинения обрывается на описании событий накануне битвы при Мориокефале (1176). Неоднократные ссылки на якобы описанные факты, в действительности отсутствующие в тексте, давно вызывали подозрение, что мы располагаем лишь выдержками из подлинника произведения историка² или текстом, сокращенным и отредактированным переписчиком, а может быть, просто незавершенной работой Киннама.³ Важность личных наблюдений Киннама — непосредственного участника военных и политических событий того времени, вероятное использование им официальных доку-

¹ Vat. gr. 163. См.: *Moravcsik Gy.* Συμβολαὶ εἰς τὴν χειρόγραφον Παράδοσιν τῆς Ἐπιτομῆς Ἰωάννου τοῦ Κιννάμου. — In: *Εἰς μνήμην Σπ. Λάμπρου.* Athenai, 1935, p. 312.

² *Neumann C.* Griechische Geschichtschreiber und Geschichtsquellen im 12. Jh. Leipzig, 1888, S. 80 ff.

³ *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Litteratur. München, 1897, S. 280.

ментов⁴ обусловили привлечение его труда в качестве важнейшего исторического источника.

Произведение Никиты Хониата посвящено времени от начала царствования Иоанна Комнина вплоть до 1206 г. В настоящее время установлено, что вопреки утверждению Хониата о своей полной авторской самостоятельности, он знал и использовал «Историю» Киннама в первых своих книгах.⁵ Осведомленность в современных ему событиях, интересная манера подачи материала, значительность и яркие характеристики определили оценку исторического произведения Никиты Хониата в науке как памятника выдающегося. К настоящему времени появилось новое издание «Истории» Хониата, основанное на результатах большой археографической работы Я. ван Дитена и порой существенно отличающееся от текста, доступного специалистам до сих пор.

Анализ данных этих произведений строится с учетом их жанровой специфики: обе «Истории» не являются анналистическими хрониками. И рационалистичный труд Киннама, и более беллетристичное сочинение Хониата оцениваются как литературные художественные произведения. Литературная романизированная окраска исторически исследуемых данных этих источников

⁴ *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Berlin, 1958, Bd. 1, S. 325—326.

⁵ *Hunger H.* Die hochsprachliche profane literatur der Byzantiner. Munchen, 1978, Bd. 1, S. 431.

должна постоянно находиться в поле зрения исследователя.

В отличие от исторических трудов византийские *риторические сочинения* лишь с конца прошлого столетия стали привлекать особое внимание историков.⁶ Действительно, сложность языка речей, передача информации в форме иносказаний, цитат, поэтических тропов затрудняют их анализ как исторических источников. Но именно в них в последние десятилетия обнаружены интересные сведения. Например, выясняется, что за общими словами «северный», «далекие варвары» и другими скрывается упоминание об участниках конкретных событий современной политической жизни. При бедности прямой информации на уровне фактологии эти памятники поддаются анализу в интересующем нас аспекте именно при выявлении их внутренних идейно-художественных авторских тенденций. И в настоящей работе конкретно-историческое исследование данных византийской риторики позволило использовать многочисленные их материалы, относящиеся к нашей теме: это сочинения Феодора Продрома, Михаила Италика, Никифора Васибеки, Михаила-ритора («Солунского»), другого ритора Михаила («Анхимальского»), Иоанна Диогена, Михаила Хониата, Никиты Хониата, Евстафия Солунского, Сергия Коливы, Иоанна Сиропула, Никифора Хрисоверга, Николая Месарита, мит-

⁶ *Regel W. Fontes rerum byzantinarum. Petropoli, 1892, p. 1, p. III sq.*

рополита Георгия Торника, Димитрия Торника, Георгия Торника-ритора, Константина Стилва, Иоанна Апокавка и др. Большинство из них еще вообще не рассматривались в обобщающих работах по отечественной истории, другие оказались теперь доступными в новейших изданиях, дополняющих и уточняющих старые чтения текстов.⁷

Риторичность писем византийских авторов также нередко затрудняет их исторический анализ. Элементы деконкретизации, стереотипы образов и выражений, традиционность тематики и стиля таких посланий связывается с принадлежностью византийской эпистолографии к одному из жанров литературы, имеющих свои законы.⁸ И вместе с тем письмо — акт непосредственного сиюминутного общения, передачи информации — в аллюзиях и аллегориях, стандартных формулах клише содержит интересные актуальные свидетельства.⁹ Но при анализе данных эпистолярных памятников важно уловить необходимый материал в синтезе непосредственно отражаемого факта

⁷ Это прежде всего издания Я.-Л. ван Дитена (*Н. Хон. Речи*), П. Готье (*М. Ит.*), А. Гарсия (*Н. Вас. Облич., Пис., Энкомии*), Р. Браунинга (*М. Анх.*), Ж. Дарпузе (*Д. Торн., Г. Торн. м-т*) и др.

⁸ Karlsson G. *Idéologie et cérémonial dans l'épistolographie byzantine*. Uppsala, 1962, p. 14 sq.

⁹ См., например: *Любарский Я. Н.* Пселл в отношениях с современниками: (Опыт характеристики личности). — *Византийский временник*, 1976, т. 37, с. 100 и сл.

и традиционности, «этикетности» рассказа о нем: задача — не препарировать источник, расчлняя его и отбрасывая все литературное, этикетное, стереотипное и оставляя для исторического исследования фактологическую часть, но попытаться понять значение такой формы выражения как способа мышления, исследовать эти категории формул как адекватное выражение оценки и самосознания автора.

Подобным же сложным характером обладают и *стихотворные* сочинения византийских риторов. Написанные по поводу тех или иных событий общественной жизни так называемые исторические стихотворения являются также важным источником по военной и политической истории, просопографии, международным связям.¹⁰

Необходимость исследовательской установки на осмысление жанровых особенностей источника в той же мере приложима к анализу *агиографии, византийского романа, комментариев, схолий, мемуаров, полемических трактатов XII в.*, содержащих данные по нашей теме. Для рассматриваемого периода большинство этих сведений по истории нашей страны используется впервые. То же можно сказать и о филологических *комментариях и схолиях* к античным авторам, где обнаружены интересные данные для изучения этнических и географических представлений визан-

¹⁰ Бибиков М. В. Рец. на кн.: Horandner W. Theodoros Prodromos. Historische Gedichte. — Византийский временник, 1977, т. 38, с. 234—237.

тийцев. Используются и материалы византийской *сигиллографии*. Некоторые тексты изучались в рукописях.¹¹

Наряду с нарративными источниками работа предусматривает и обследование *актов*. Объем сведений византийских актов XII—XIII вв. по нашей теме возрастает по сравнению с более ранним временем: с этого периода документы — императорские хрисовулы, простагмы, патриаршие послания, синодальные постановления, описи и купчие грамоты — постепенно с конца XIII в. становятся важнейшим источником исследований историков. К рассматриваемому периоду относятся многочисленные акты богородичного монастыря Лемвиотисы близ Смирны, св. Павла на Латрской горе, Патмосского монастыря, хиосского Неа Мони, греческие грамоты монастыря св. Марии в Мессине. Интересный материал представляют и акты, хранящиеся в афонских архивах: Русского монастыря, монастырей Ксенофонта, Пантократора, Хиландаря, Эсфигмена, Зографа, Филофея, Ивирского и др. Акты до начала XIII в. представ-

¹¹ См.: Бибиков М. В. Опыт кодикологического анализа греческого рукописного полемического сборника против латинян (ГИМ № 240). — В кн.: XXXIII Студенческая научная конференция: Секция классической филологии (тезисы). Тбилиси, 1971, с. 5 и сл.; *Он же*. Московская рукопись Комментариев Евстафия Солунского к «Илиаде» Гомера. — В кн.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974, с. 267 и сл.

¹² Акт. Лавр., 1—69 (896—1196 гг.) + Append., I—IV; Акт. Эсф., 1—5 (1034—1095); Акт. Ксир., 1—8 (956—ок.

ляют собой древнейший пласт афонского архива.¹² Для исследования данных греческих документов Афона этого времени по истории Руси, тюркских народностей, кавказцев и славян привлекаются материалы и до XII в., что позволяет проследить эволюцию самого источника и на этой основе — его сведений по нашим проблемам.

Вместе с тем, занимаясь исследованием данных византийских актов по истории народов, населявших территорию СССР, мы должны учитывать, что количество сохранившихся документов нашего периода не может характеризовать степень интенсивности общения Византии с Русью и соседними с ней народами; сохранность византийских документов XII—первой половины XIII в. по отдельным отрезкам этого периода неравномерна, что необходимо учитывать при анализе количественной стороны византийских актов. Так, например, единичны документы патриархов Льва Стипа, Косьмы II Аттика, Николая IV Музалона, Василия II Каматира, Никиты II Мундана, зато известно сравнительно большое количество документов императорской канцелярии при Мануиле Комнине, патриарших актов Луки Хрисоверга, Михаила III, Германа II. Именно в документах архивов, сохранившихся в большем объеме, находим мы интересующие нас сведения; каждый из выявленных актов тогда может быть

1200); Акт. Дион., 1 (1056); Акт. Росс., 1—7, 19 (1030—1166); Акт. Хил., 1—5 (1009—1199); Акт. Ксен., 1 (1083); Акт. Пант., 1 (1107); Акт. Зогр., 1—5 (980—1142); Акт. Фил., 1 (1087); Акт. Пр., 1—10 (883—1178/9).

понят во внутреннем его содержании, когда рассматривается не изолированно, а на фоне других источников.¹³ Такой подход несколько нейтрализует и фрагментарность сведений по нашей теме.

Наконец, следует указать, что полученные данные в некоторых случаях сопоставляются в работе с результатами изысканий нумизматов, археологов и топонимистов.

Итак, перед исследователем встает проблема содержания и формы в историческом источнике. Риторичность, дискретность, традиционализм формы произведения или документа как бы нивелируют черты активной, лично окрашенной политической тенденции, идеологических установок авторов. Однако методика внутреннего, имманентного анализа структуры источника как раз предполагает выявление в застывших литературных и формулярных «вечных» образах данных личного опыта, конкретных наблюдений по истории интересующего нас общества.

¹³ См. также: Бибиков М. В. К изучению материалов византийских актов XII—первой половины XIII в. по истории народов, населявших территорию СССР. — В кн.: Проблемы социально-экономической и политической истории СССР. М., 1975, с. 144 и сл.

Глава 3

ЛИЧНЫЙ ОПЫТ И ТРАДИЦИОННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВИЗАНТИЙСКИХ АВТОРОВ

Основную массу византийских источников XII—первой половины XIII в. по истории изучаемого региона составляют свидетельства современников. Казалось бы, это обуславливает особую непосредственность и достоверность сообщаемых фактов, которые должны бы принципиально отличаться от сведений компиляторов, например, об общественном строе изучаемых государств, о быте и нравах их населения. Более того, некоторые византийские авторы были связаны с народами на территории нашей страны. Так, не случаен, видимо, пристальный интерес к Причерноморью, «Скифии» византийского эрудита XII в. Иоанна Цеца: в одном из писем и в «Историях» он сообщает о своем кавказском происхождении.¹ По материнской линии его род восходил к Марии «Аланской», дочери грузинского царя Баграта IV. По словам Цеца, считавшего себя «знатным ивиrom», кровной родственницей Марии была его прабабка — абхазка. Характерна при этом щепетильность Цеца в отношении этнических дефиниций: он утверждает, что Мария «Аланская» была не аланкой (как это было за-

¹ Цец. Пис., 9.21—10.6; Цец. Ист., V. 585 и сл.

креплено традицией), а «авасгиной», т. е. абхазской. В другом произведении — в эпилоге «Теогонии» — Цец приводит известные ему иноязычные приветствия, среди которых, наряду с аланским, тюркским и другими, есть и русское: «Здравствуй, брате, сестрица; добрый день!», воспроизведенное в греческой транслитерации и снабженное переводом на греческий.² Это не единственный языковой факт, обнаруженный в источниках, свидетельствующий о возможном личном общении с носителями языка авторов, сообщающих их. Например, Никита Хониат упоминает об изображении на фреске водящегося в «тавроскифских» лесах огромного зверя — ζοῦμλρος,³ т. е. зубра, а Цец рассказывает о рыбе из Крыма, называемой βερζίτικα,⁴ в чем содержится намек на Берзилию.

О военных столкновениях с кочевниками, кампаниях с участием русских князей византийские историки также повествуют на основании личного опыта. Так, Киннам принимал участие в войнах Мануила с середины 60-х гг.,⁵ в основе рассказов Никиты Хониата о событиях конца XII—начала XIII в. лежат его собственные впечатления,⁶ мемуары Евстафия Солунского написаны в память о пережитых им событиях.⁷ Мы

² Цец. Теог., 26—28.

³ Н. Хон., Ист., 433.7—434.5.

⁴ Цец. Ист., XIII. 85.

⁵ Кинн., 238.6 и сл.

⁶ Н. Хон., Ист., 815.8.

⁷ Евст. Сол., Взят., 152.6—14.

находим и письма византийцев, отправленные из захваченных половцами городов⁸ или адресуемые чиновникам на северном побережье Черного моря.⁹ Таким образом, личный опыт, наблюдения наших авторов об изучаемых землях и их населении являются немаловажными источниками информации. Вместе с тем она в большинстве случаев подается по литературным законам жанра в соответствии с этикетными требованиями читателей или слушателей. Конкретность исторического факта как бы опосредуется литературной средой передачи информации. В результате наблюдаемые события описываются с использованием ряда определенных формул, например: вторжения кочевников-«варваров» начинаются с «опустошения огромных пространств»; указываются «мириады» вторгшихся; они быстро продвигаются на лошадях, используя в войнах луки, применяя определенные приемы атаки и т. д. Традиционны в этих случаях не только сами факты, но и словоупотребление. Поэтому описание войн с половцами в XII в. нередко идентично рассказам о битвах ромеев, например, с болгарами в X в.¹⁰

Не меньшее значение для отмеченного опосредования нашей информации в византийских источниках имели сюжеты античной традиции.

⁸ Цец. Пис., 94.1 и сл.; Ф. Ал.

⁹ М. Хон., I.312.5; II.5.11 и сл.; Н. Вас., Энк. Адр. Комн., 80 и сл.

¹⁰ Зон., 527.5 и сл.

Мотивы «скифского снега», «северных ветров»,¹¹ негостеприимства и жестокости «тавроскифов»,¹² перекочевав из произведений Геродота или Еврипида, оказывали влияние на современные византийцам XII—XIII вв. представления, формируя их. Для авторов рассматриваемого периода актуальны географические описания Страбона и Дионисия Периегета, античные данные о вооружении кочевников, их образе жизни. Эта традиция создает тот социально-художественный фон, в диалоге с которым византиец соотносит непосредственные наблюдения, создавая и систему знаков для их передачи.

Итак, на уровень информативности наших источников влияют литературные принципы жанров произведений, традиции, законы выражения в соответствии с требованиями общественного и художественного этикета. Однако в каждом конкретном случае набор клише, стереотипов фактов, слов, образов не обуславливает непременно книжную основу сообщаемых данных, не исключает личное, непосредственное наблюдение.

Такое явление вызывает необходимость рассмотреть проблему системы византийских этнических, этнонимических и географических представлений.

¹¹ М. Хон., I.186.5; 195.19; 215.10; 214.10; II.144.14 и сл.; Н. Вас., Энк. Ал. Ар., 90 и сл.; Н. Кат., Ж., 383.

¹² Евст. Сол., Соч., 74.85 и сл.; Н. Хон., Ист., 405.17—19.

Глава 4

ПРОБЛЕМА ЭТНОНИМОВ, ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ НАИМЕНОВАНИЙ

Многочисленные дискуссии при изучении этнического состава населения восточноевропейских областей, определении народности кочевых племен, изучаемых в связи с событиями отечественной истории, вызваны различиями в толковании этнонимов привлекаемых византийских источников. Так, например, по сообщению Никиты Хониата, восстание под руководством Петра и Асеня было поднято «скифами и влахами».¹ В соответствии с определением этнического содержания терминов восстание Петра и Асеня рассматривалось то как болгарское (для восточной части Подунавья), то как влашское; в «скифах» видели то половцев, то влахов; этнонимы, отнесенные к участникам движения, атрибутировали болгарам, влахам, куманам и русским. Отсюда — споры о ведущей роли того или иного народа в освобождении Болгарии от византийского господства, в образовании и становлении Второго Болгарского царства. Из этого видно, насколько трудным является раскрытие содержания этника «скифы» византийских источников.

¹ Н. Хон, Ист., 518.19—20; ср.: «мисов» и «болгар» в К. Ст., 106 и сл.

Различия в толковании этнонимов вызваны тем, что в изучаемых памятниках принятые, современные для XII—XIII вв., названия народов и государств встречаются редко. Например, термины «русские», «Русь» (в различных вариантах) *систематически* употребляются только в актах и легендах печатей.² Характерно, что в грекоязычных печатях русских князей употребляется исключительно тот же термин.³ Других наименований для Руси эти два типа источников практически не знают. Совсем иная картина наблюдается при анализе нарративных сочинений: самоназвания народов или актуальная терминология — скорее исключение, чем правило. Можно привести лишь немногочисленные случаи их употребления.⁴ Основная же масса этнонимов — архаические наименования, утерявшие свой настоящий этнический смысл: «тавры», «тавроскифы», «скифы», «киммерийцы», «гипербореи» и т. п.⁵

Архаизация употребляемой терминологии — явление, характерное в анализируемых источни-

² Акт. Ис., 35.32; Акт. Герм.; Акт. Росс., 6; ср.: *Нил Докс.*, 1105.

³ Печ. И.; Печ. Мих; Печ. Вас.

⁴ *Н. Хон.*, Ист., 122.17; 168.18; 691.18; *М. Хон.*, II. 356.16; *Г. Торн. м-т.*, 215.12; *Г. Торн. рит.*, Пис., 425.21; ср. в стихах *Ф. Пр. И. Ст.*, LIX.189; *Код. Вен.*, 153₂.3; *Цец. Ист.*, XII.898; *Цец. Теог.*, 26.

⁵ *Цец. Ист.*, XI.872 и сл.; *Евст. Сол.*, Взят., 58.25; *Цец. Комм. Лик.*, 1374; *М. Хон.*, II. 144.22; *М. Сол.*, 142.10,13; *Кинн.*, 115.16; *Н. Хон.*, Ист., 168.18—19; *Ф. Пр. Речи*, 531.7; *Н. Мес.*, Диал., 24.34; *М. Хон.*, II. 4,5; ср.: *Ман. Сар.*, 269.20 и др.

ках не только по отношению к народам рассматриваемого региона. Это элемент системы словоупотребления византийских авторов вообще. Как известно, турки-сельджуки в текстах оказываются «персами», венгры называются не только «уграми», но чаще «пеонцами», «гепидами», «гуннами», «мисийцами», «скифами», «паннонцами» и т. д., жители Адриатического побережья — «трибаллами», «далматами», «иллирийцами», «сербами», «даками», а население Подунавья — «гетами», «даками», «скифами», «влахами» и т. д. Этническое содержание употребляемых названий редко соответствует принятому этнониму. Во многих случаях не устанавливается единственная корреляция между этниконом и этносом: один термин имеет расширенное значение, распространяясь одновременно на несколько народностей,⁶ или для целого ряда наименований находится лишь один и тот же реальный этнический коррелят.⁷

Следует отметить и другую особенность византийских наименований народов: риторическому стилю повествования присуща замена этнонимов описательными выражениями, например, «северный» может обозначать русских,⁸ «западные»

⁶ *М. Анх.*, 199.439; *К. Ман.*, Речь., 182.320—321; *И. Ал.*, 292.33; Тип. Пант., 2—13.

⁷ Код. Вен., 44.23; *Ф. Пр. И. Ст.*, I.85 и сл.; *М. Анх.*, 199.440 и сл.; *Евф. Торн.*, 173.34 и сл.

⁸ *М. Сол.*, 152.2—3; *Евст. Сол.*, Речи., 4.14; 81.9; 103.31; ср.: *Евст. Сол.*, Соч., 200.67; *М. Анх.*, 191.157—158; ср.: *Ф. Пр.*, Манг., VI.342; *Н. Мес.*, Сообщ., 11.9.

племена — тюркских кочевников, болгар, влахов,⁹ «миксоварвары» — нижнедунайское население,¹⁰ употребителен общий термин «кавказцы»¹¹ и т. п.

Таким образом, в употреблении этнических названий византийскими авторами, с одной стороны, наблюдается тенденциозный отказ от самоназваний современных народностей, точных этниконов, с другой — тяготение к архаической терминологии, к описанию вместо этнонима. Оценивая такое явление, К. Дитерих назвал его «литературным атавизмом».¹² Казалось бы, отнесение особенностей византийского словоупотребления на счет литературной традиции — наиболее простое, а потому и распространенное объяснение.¹³ Однако только констатация самого факта существования такой традиции еще не объясняет причин ее поддержания и системной жесткости для наших случаев. Поэтому для понимания поставленной проблемы целесообразно вновь обратиться к упоминавшейся выше категории этикет-

⁹ *Иак. Болг.*, 86.25 и сл.; *И. Ант.*, 1148 С; *Гр. Ант.*, Речи., 453; *И. Суп.*, 17.15; *Г. Торн. рит.*, Речь. 272.4—12.

¹⁰ *Tărkova-Zaimova V.* Les μιξοβάρβαροι et la situation politique et ethnique au Bas-Danube pendant la seconde moitié du XIe s. — In: *Actes du XIVe Congrès International des Etudes Byzantines.* Bucarest, 1975, vol. 2, p. 615 sq.

¹¹ *Цец. Ист.*, VIII.761; *Цец. Пис.*, 62.16.

¹² *Dieterich K.* Byzantinische Quellen zur Länder- und Völkerkunde. Leipzig, 1912, Bd. 1, S. XVII—XVIII.

¹³ *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinische Litteratur. München, 1897, S. 229; *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica, Berlin, 1958, Bd. 1, S. 198.

ности средневекового мировосприятия.¹⁴ Применительно к этнонимике это оборачивается созданием сетки этнических представлений, основанных на авторитете античных свидетельств и составивших систему, элементы которой — этнонимы — непосредственно или в определенных ипостасях наложены на карту современного византийцу мира. Соответственно на название народа, обитающего в той или иной области, переносится этникон античного племени, обитавшего здесь. Это — принципиальная модель рассматриваемого явления; определение же генетической стороны должно решаться в каждом случае конкретно. Так же конкретно определяется и данный «вид» этикета, выясняется причина его утверждения, закрепления традицией.

В дальнейшем необходим более детальный анализ форм отмеченной «этикетности» в отношении этнических названий. Например, отказ от употребления самоназваний можно объяснить, используя принятое в литературоведении понятие «чужое слово» (или «чужая речь»)¹⁵. Применяя этнический термин современного чужого языка, автор отдаляется, отчуждается от объекта, лежавшего в сфере традиционного мировосприятия (в данном случае — система этнических пред-

¹⁴ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970, с. 35 и сл., 52 и сл., 100 и сл.; Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972, с. 184 и сл.

¹⁵ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975, с. 126 и сл.

ставлений), и происходит противопоставление авторской речи как вышедшей из рамок общепринятой, «этикетной» системы и «нормальной» литературной речи подразумеваемого читателя. Достижение такого эффекта в условиях разноречия словесной ткани произведения — особая художественная задача; обычное же, «нормальное» повествование не разрывает связей элементов системы. Отсюда — традиционность набора терминов, в данном случае — этнических.

Такое стремление византийцев ко все большему включению этниконов в «свою» систему словесного выражения прослеживается на фактах этимологического толкования и смысловых отождествлений этнонимов в анализируемых источниках. Например, имя «тавры» воспринимается Евстафием Солунским как омонимичное названию животного — «бык»,¹⁶ а в «Катомиомахии» наблюдается игра слов между *ποῦτκοί* — «мыши» и термином «понтійцы».¹⁷ Характерный пренебрежительный оттенок подобных этнических отождествлений прослеживается и в этимологических заметках. Например, «скифы» производятся от *σκύζεσθαι* — «сердиться», «гневаться».¹⁸ Так, этнический термин дополняется особой этнической нагрузкой.

Все сказанное относится преимущественно к плану выражения объекта исследования. В изу-

¹⁶ *Евст. Сол.*, Комм. Ил., 259.7 и сл.

¹⁷ *Ф. Пр.*, Кат., 80.12.

¹⁸ *Евст. Сол.*, Комм. Ил., 723.42 и сл.

чении плана содержания византийской этнической терминологии в последние десятилетия сделаны важные выводы. Например, на материале анализа этнонимии Анны Комниной было показано, что средневековые наименования не являются категорией, обозначающей только этническую принадлежность, но содержат в себе общее, закрепленное традицией представление о месте поселения, образе жизни, деятельности, быте, нравах народа.¹⁹ Такое понимание вопроса побуждает остановиться далее на географических представлениях и этническом портрете в источниках.

Пока же отметим, что современные нашим авторам этнические термины и самоназвания народов встречаются систематически только в двух типах рассматриваемых источников: в актах и легендах печатей. В нарративных источниках они крайне редки; основу этнонимии византийских повествовательных сочинений составляют архаические античные имена, употребление которых закреплено традицией на основе выработанных этикетных норм словоупотребления; самоназвания представляются «чужим словом» в текстах; наименования народов в византийских памятниках не являются этнонимами в узком и строгом смысле слова, а включают в себя обшир-

¹⁹ Gyoni M. Le nom de Βλάχοι dans l'Alexiade d'Anne Comnène. — Byzantinische Zeitschrift, 1951, Bd. 43, S. 247.

ную область географо-культурно-бытовых характеристик.

Таким образом, при анализе византийских этнических терминов необходимо обращать внимание на их десигнативное значение, не ограничиваясь денотативным.

Глава 5

ЭТНОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Известная безотносительность характера свидетельств византийских источников к данным личного, непосредственного опыта еще больше обнаруживается при рассмотрении географических представлений наших авторов.

Так, Цец — ивир, по его утверждению, дает такую картину расположения населения в северном Причерноморье. У «Тавра» (Крыма) и «Меотиды» (Азовского моря) живут киммерийцы, где находится озеро «Сиака»,¹ вероятно Сиваш. Все пространство к северу от Черного моря и к востоку от Каспийского занимает одна из трех «скифских» ветвей — «меотские скифы». Другая часть — «кавказские» — граничит с «Гирканией» (Каспийским морем), «узами» и «гуннами». Наконец, третья группа — «оксианские скифы» — локализуется в отдалении «индийских

¹ Цец. Ист., XII.835 и сл., 851; ср.: Цец. Алл., XIII.8.

гор». ² Среди народов, населяющих северные земли, указываются агафирсы, гелоны, меоты, исидоны. ³ Очевидно, насколько далеки эти сведения от данных исторической географии Восточной Европы XII в. и насколько близки античным свидетельствам. Само деление географических зон в соответствии с направлениями ветров ⁴ — тоже дань античной традиции. Текстуальные сопоставления ⁵ наших источников с произведениями античных авторов обнаруживают их прямую зависимость от последних. Включение отдельных современных этнических терминов («Росы» — русские) ⁶ не меняет общей традиционной картины расположения «варварских» народов на окраинах ойкумены. Таковы же географические экскурсы и Евстафия Солунского, и Никифора Влеммида, построенные на античном материале. ⁷

Таким образом, если принимать этникины византийских источников в прямом значении, не

² *Цец. Ист.*, VIII.760 и сл.

³ *Цец. Пис.*, 62.15—16; *Цец. Ист.*, VII.675 и сл.; VIII.752 и сл.

⁴ *Цец. Ист.*, VIII.646 и сл.

⁵ Например: *Цец. Ист.*, VIII.760 и сл. — *Страб.*, — XI.498; *Ptol.*, *Geogr.*, VI, 14; XII.835 и сл.; ср.: *Plut.*, *Mar.*, 11,6 sq. 8; *Schol. Aesch. Prom.*, 830; *Sch. Hom.*, к 86; *Цец. Ист.*, XII.887 и сл. — *Ctes. fr.* 8 а *Jac. (Fr. Gr. Hist.*, III C, 688, р. 452); *Цец. Пис.*, 62.15 — *Герод.*, IV.48; *Ptol.*, *Geogr.*, III, 5, 22; *Schol. Aristoph. Ran.*, 298а, р. 783, 11 *Koster.*

⁶ *Цец. Ист.*, XII.898; и др.

⁷ *Евст. Сол.*, *Комм. Од.*, 1671; *Евст. Сол.*, *Комм. Дион.*; *Н. Вл.*; *Цец. Комм. Лик.*, 887.

рассматривая их как условные обозначения конкретных современных народов, и расположить их на карте, то получатся локализации, более или менее близкие античным источникам (если абстрагироваться от текстологических проблем последних). За время, отделяющее наши памятники от их античных прототипов, произошли переселения народов, исчезновение одних и выход на историческую арену других; но и в XII в. н. э. на месте геродотовских скифов, гелонов, агафирсов, аримаспов, иссидов «поселяются» те же скифы, гелоны, агафирсы, аримаспы и иссиды. Византийцы говорят о синдах, кораксах, меланхленах, вастарнах независимо от конкретного этнического содержания этнонимов. На пространстве, определенном традицией, продолжают все время «жить» «даки», «геты», «персы», «колхи». Структура пространства находится в тесной связи с категорией времени: в таком этногеографическом традиционализме представлений фиксируется «слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом».⁸

В этой связи встает вопрос о возможности применить для анализа системы географических представлений рассматриваемых авторов понятие хронотопа, введенное в литературоведение М. М. Бахтиным из области математического естествознания для характеристики «существенной взаимосвязи временных и пространственных отноше-

⁸ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975, с. 235.

ний, художественно освоенных в литературе».⁹ С одной стороны, это даст возможность адекватного подхода к нашим источникам, исследуемым с точки зрения их внутренней целостной структуры, не как механическую сумму свидетельств, почерпнутых там и сям и «свидетельствующих обо всем на свете, кроме самих себя».¹⁰ С другой стороны, выявление вида хронотопа позволит лучше понять характер сведений, определить их жанровую обусловленность, ибо литературный хронотоп имеет и важное жанроопределяющее значение.

Внешне оба параметра принятой категории в применении к объекту исследования отмечены необычайной протяженностью: пространства скифских степей и лесов, просторы Предкавказья, а также обширные территории «варварских» окраин «персов», даков, гетов и т. д.; одновременно фиксируется длительность хронологического пути, начало которого — в греческой литературе архаики.

Однако весь обширный в локализуемом пространстве, пестрый в реальном этническом содержании мир, окружающий Ромейскую империю, имеет единственный релевантный признак — это «варварский мир», который принципиально везде остается одним и тем же, потому что в нем живут варвары. Другие признаки — точность этнических дефиниций, исторические судьбы миграций,

⁹ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики, с. 235.

¹⁰ Византийская литература. М., 1974, с. 22.

специфические черты быта и строя — второстепенны и подчинены императиву общего представления о варварском мире. Это представление о единстве «варварского мира» выражается, в частности, и в том, что о нашествии западных крестоносцев, норманнов, о «латинянах» вообще авторы в конце XII—начале XIII в. могут писать теми же словами, что и о вторжениях тюркских кочевников — от внешнего облика и манеры поведения до военного оснащения.¹¹ Таким образом, специфическая заостренность воззрений византийцев на главном признаке рассматриваемого мира — его варварском характере — обуславливает его принципиальную горизонтальную константность.

Соответственно последней оказывается и вертикальная характеристика: временная логика этого мира также неизменна — локализация народов времен Гомера и современников Крестовых походов «сосуществуют». Это явление можно понять, исходя из сформулированной модели, отнесенной исследователем совсем к другому объекту, но важной сейчас для структурной характеристики (абстрагируемся от генетической и строго типологической сторон): «Временная логика этого вертикального мира — чистая одновременность всего (или „существование всего в вечности“). Все, что на земле разделено временем, в вечности сходится в чистой одновременности

¹¹ Н. Мес., Диал., 16.3 и сл.; Евст. Сол., Взят., 152.6—14; Н. Хон., Ист., 815.13 и сл.; Ф. Пр., Фр., 361.

сосуществования. Эти разделения, эти „раньше“ и „позже“, вносимые временем, несущественны, их нужно убрать; чтобы понять мир, нужно сопоставить все в одном времени, т. е. в разрезе одного момента, нужно видеть весь мир как *одновременный*». ¹² Итак, образ времени, осуществляющийся в византийских представлениях как «одновременный», определяет вертикальную неподвижность рассматриваемого мира.

Отмеченные черты присущи не какому-нибудь определенному замкнутому кругу сочинений. Скорее можно констатировать широкий охват этими представлениями различных жанров у разных авторов, независимо от их идейно-политических, литературно-художественных, научно-философских установок. Например, в целом этногеография рационалистичного Киннама, участника многих военных экспедиций в Центральной Европе, сообщающего конкретные топографические приметы проходимых областей, не расходится с географическими данными комментариев античных памятников или компиляций, основанных на ранней историографической традиции.

Таким образом, мы приходим к установлению *хронотопа варварского мира* византийских источников. В теоретическом литературоведении и в византиноведении этого понятия нет. Но именно оно может определить суть стереотипности

¹² Бахтин М. М. Указ. соч., с. 307. (Разрядка М. М. Бахтина. — М. Б.).

рассматриваемых данных: оно поможет преодолеть выявление и описание (К. Дитерих и др.) стереотипа лишь как технического оформления средневекового текста.

Обобщая данные этнонимических наблюдений и анализа географических представлений рассматриваемых источников, можно определить содержание хронотопа варварского мира. Подобно тому как реальные этнонимы вне выделенного сейчас хронотопа представлялись для византийца «чужой речью», описание мест расселения, строя, быта, общественных отношений «варваров» в наших памятниках, рассматриваемых на уровне хронотопа, можно понять как «чужой мир». Этот мир чужд, его логика непонятна, и потому феномены его могут быть в источнике лишь предметом этнографических зарисовок,¹³ а не анализа. Такая чуждость социально-политических, бытовых, религиозных, нравственных закономерностей этого мира, безразлично как оцененных (положительно или отрицательно),¹⁴ обуславливает и известную подчеркнутую экзотичность, смакуемую в описаниях. Однако известной пространственной абстрактности (т. е. безотносительности к конкретной географической локализации описы-

¹³ М. Ит., 83.1—9; М. Хон., II.100—24 и сл.; Н. Хон., Ист., 124.14—20; 839.4—12; Кинн., 9.6—9; Н. Сол., 352.33 и сл.

¹⁴ Н. Вас., Облич., 291 и сл.; Н. Вас., Пис., 230.12 и сл.; Н. Хон., Ист., 462.7—9; К. Ман., Ром., I.18—20. В пейоротивном смысле — Евст. Сол., Соч., 64.6 и сл.; М. Хон., I.99.31 и сл.; Н. Хон., Речи., 196.20 и сл.

ваемых фактов из мира «варваров») не соответствует временная абстрактность в наших источниках. За исключением византийских романов, действие в анализируемых памятниках реально: исторические события XII—первой половины XIII в., переживаемые и осмысливаемые современниками, и образуют историческое время в этих произведениях. Поэтому хронотоп «варварского» мира в рассматриваемых византийских источниках накладывается на историческое время — это «чужой мир» в историческом времени.

Глава 6

К АНАЛИЗУ ЭТНИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА

Хронотоп мира «варваров» конкретно представляется в византийской историографии в этническом портрете. Бытовые зарисовки, встречающиеся в памятниках XII—XIII вв., представляют собой своего рода вставки в последовательное повествование о развитии тех или иных событий. Изолированные, диковинные и курьезные сами по себе, эти сценки-авантюры и составляют пространство «чужого мира». ¹ Изолированность этого хронотопа определяется вертикальной и горизонтальной константностью. В результате этого и вы-

¹ Ср.: Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975, с. 253.

рабатываются уходящие в прошлое стереотипы, атрибуты описаний как своего рода знаки выражения данной системы. Такими значащими элементами «варварского» мира оказываются отсутствие и дискретность общественной стратификации, оцениваемой как бессистемность социального устройства,² бедность и невежество,³ невоздержанность,⁴ воинственность и жестокость,⁵ порождающая многочисленные сопоставления мира «варваров» с миром диких зверей,⁶ неизменные орудия быта и военного снаряжения⁷ и одновременно экзотическая чистота и девственность человеческих отношений, отмечаемые в других случаях, идиллическое миролюбие и беззаботная веселость.⁸

Вместе с тем этот «чужой мир» помещен в реальную действительность. Именно о ней и повествуют наши исторические источники, авторы которых — современники описываемых событий, т. е. вневременность, абсолютность, абстрактно-техническая организация отрезков-авантюр, создаю-

² Н. Хон., Ист., 20.5—21.

³ Ф. Пр., Соч., 1371 В и сл.

⁴ Евф. Мал., 40.8 и сл.

⁵ Евф. Торн., 130.15—24; Евст. Сол., Соч., 75.2—8; 210.70—71; Евст. Сол., Речи, 17—20 и сл.

⁶ Гр. Ант., Пис., 1; Ф. Пр., Фр., 361; Тим., 58; Цец. Пис., 94,1 и сл.; Н. Хон., Ист., 413.13—16.

⁷ Н. Хон., Речи, 193.5 и сл.; Н. Хон., Ист., 124.7—10; ср.: М. Ит., 291.10—12.

⁸ Н. Хон., Речи, 196.18 и сл.; М. Хон., I.99.31—100.3; Евст. Сол., Соч., 64.6 и сл.; 75.8 и сл.

щих этнический портрет «варваров», внедряются в развивающуюся, живую действительность. Последняя определяется по крайней мере двумя факторами: мир людей, описываемый в памятнике (а именно он интересен исследователю-историку), сам по себе историчен (содержит приметы времени, эпохи и т. п.); время в произведениях XII—XIII вв. организуется субъективно: оно произвольно стягивается и распускается автором,⁹ инверсия используется наряду с провиденциализмом,¹⁰ т. е. оно не прямолинейно-необратимо, а является объектом авторской игры. Таким образом, «чужой мир» помещен в историческое время, причем между ними — борьба.¹¹ Это противоречие составляет художественную суть анализируемых памятников, поэтому исследуемые как исторические источники, они не должны расщепляться на части — «историческое» и «литературное», но должны восприниматься в единстве выявляемых компонентов, рассматриваемые так же, как звенья в цепи развития общественно-политико-художественной мысли.

Каково же значение хронотопа для нашего познания данных источника? Отмечено, что хронотоп определяет художественное единство литературного произведения в его отношении к реальной действительности,¹² т. е., помимо сюжет-

⁹ Н. Хон., Ист., 324.2—4.

¹⁰ Н. Хон., Ист., 440.12—16.; 441.1—8; 555.6—7.

¹¹ Бахтин М. М. Указ. соч., с. 308.

¹² Там же, с. 391 и сл.

ного и изобразительного, хронотоп имеет объективно-историческое значение: помогает в условии авторского и реально-исторического диалога понять знаковый характер тех или иных моментов этнического портрета, дает возможность обозначить трудноуловимую границу между миром, создающим текст, и миром, созданным текстом.¹³ Таким образом, выявляется роль автора в представлении им данных: в непосредственном рассказе изображается временно-пространственный мир со своими событиями, как если бы он был так виден автору. В этом — жанровоопределяющее значение хронотопа.

Рассмотренные черты византийских источников XII—первой половины XIII в. имеют значение для определения общей специфики и «Историй», и этнографических трактатов, и мемуаров, и писем, и политических речей: исторические факты в них опосредованы литературностью, художественной нагрузкой изложения. Взаимоотношение литературного и реального миров, определенное хронотопом, есть противоречие, диалектическое противоборство. Поэтому методическим принципом должен быть «двуединый» анализ материала, не снимающий и отбрасывающий как неисторическое форму бытования в источнике нужных нам данных. В противном случае мы не ответим полностью на вопрос, что знали тогда византийцы о народах, населявших территорию нашей страны.

¹³ Там же, с. 401—402.

Для понимания системы воззрений византийцев на соседние народы, другие политические системы или различные этнические процессы, а также места в этой системе интересующего нас мира необходимо как раз исследование диалога литературного и реально-исторического в их диалектическом синтезе.

Глава 7

К ПРОБЛЕМЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ИСТОРИЗМА

Проблему античного континуитета византийской культуры не отнесешь к разряду новых. Напротив, с самого начала Византия заинтересовала науку прежде всего как эпилог античности (собственно изучалась так называемая «Поздняя» империя, в самом названии которой был узаконен пейоративный оттенок). Византистика возникла не как самостоятельная наука, а как составная часть классической филологии. Соответственно византийское историописание изучалось эллинистами лишь как своего рода «христианизированное» продолжение традиций античной историографии.¹ Такой взгляд не менялся до конца про-

¹ Об этом см. в кн.: *Beck H.-G. Die byzantinische Studien in Deutschland vor Karl Krumbacher.* — In: ХАЛІКЕС, S. 70—71; *Idem. Byzantinistik heute.* Berlin; New York, 1977, S. 9; *Курбатов Г. Л. История Византии (Историография)...* с. 18, 32, 40 и сл.

шлого столетия: Карл Крумбахер, книга которого до недавнего времени была единственным фундаментальным сводом знаний о византийских письменных памятниках, ориентировался прежде всего на античные культурно-исторические ценности в оценке византийской литературы. Близость античным формам определяла в его глазах значимость творений византийцев. Византийская философия выглядела обедненным повторением Платона и Аристотеля, византийская риторика — формализованной в школьную повинность и выхолощенной, пусть и достигшей совершенства стиля, второй софистикой; эпигонством и фантастическим преломлением характеризовалась византийская естественнонаучная литература, забвение античных высот музыкальной культуры отличало музыкальную теорию византийцев. Античные традиции, по К. Крумбахеру, доминировали и в византийском историописании, причем значение хроник исчерпывалось донесением до нас в убогих компиляциях несохранившихся древних оригиналов.² В соответствии с этим и основные критерии находились не в самой византийской действительности, а в античном прошлом, и, подобно тому как основной литературной заслугой средневековых греков считалось филологическое комментирование древних, вся византийская культура и литература представляла как бы ученическим комментарием к шедеврам

² *Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur. Munchen, 1897, S. 319.*

древности, не будучи связанной ни со своим временем, ни с движением вперед.

В современной византистике эта проблема стоит с наименьшей остротой: она не является аксиоматичной, для доказательства античного «содержания» византийской цивилизации применяются статистические выкладки, скрупулезный анализ по клеточкам составных элементов византийской культуры, используются результаты текстологических сопоставлений, все факты рассматриваются с логической строгостью без аксиологизма XIX столетия. Так, немецкий византист Гюнтер Вейс, рассекая византийское общество на анализируемые составные единицы, определяет качественную неизменяемость византийской общественной структуры, сохранение в ней принципиальных античных моделей.³

Если обратиться к византийскому историописанию, то и в этой области можно встретиться с подобными выводами. Шведская исследовательница Анитра Гадолин,⁴ сравнивая принципы историографического творчества в Византии XI в. (с опорой преимущественно на Михаила Пселла) с античными, получает вывод о фактическом

³ *Weiß* Г. *Antike und Byzanz. Die Kontinuität der Gesellschaftsstruktur.* — *Historische Zeitschrift*, 1977, Bd. 224, S. 529—560.

⁴ *Gadolin* A. *A Theory of History and Society with Special Reference to the Chronographia of Michael Psellos (11-th Century Byzantium).* Stockholm; Göteborg; Uppsala, 1970.

тождестве средств и методов у историков классической Византии и античной древности. Более того, утверждается, что вся система общественных ценностей не претерпела изменений со времени античной Греции, что критерии полутора-тысячелетней давности применялись как шаблон византийскими авторами без существенной трансформации.

Но если антиисторизм данного исследования очевиден (автор фактически исключает из поля своего внимания V—X вв. византийской истории, оценивая этот период как бесследные в истории культуры «темные века». Таким образом, не только декларируется отказ от изучения *эволюции* исторического процесса, но исследовательской задачей оказывается... механическое сопоставление изолированных фактов), то Клаус Вессель внешне дает картину развития.⁵ Византийская культура в этом прекрасно иллюстрированном компендиуме — не просто монолитная глыба, не бессистемный каталог памятников: автором дается классификация, устанавливаются и хронологические вехи тысячелетнего пути цивилизации. Но, как справедливо отмечалось рецензентами, периодизация в данном случае как раз приводится с целью доказать принципиальную внутреннюю неизменность феноменов византийской культуры всех обозначенных периодов.

⁵ Wessel K. Die Kultur von Byzanz (*Handbuch der Kulturgeschichte*). Frankfurt a. M., 1970.

Памятники средневековой литературы также оцениваются по степени близости античным прототипам и образцам. Не случайно в недавней книге А. Тойнби отмечил основную бытующую ассоциацию в связи с византийской культурой — это понятие консерватизма.⁶

Такой взгляд нельзя считать просто недоразумением. Обратимся к византийским историческим текстам и увидим, что византийская история в глазах самих византийцев — это не что иное, как история римлян. О римлянах — «Ῥωμαῖοι» — писали Полибий, Диодор Сицилийский или Плутарх; тем же именем называют себя и своих современников Феофан и Михаил Пселл, Иоанн Скилица и Никита Хониат, Георгий Пахимер и Иоанн Кантакузин, утверждая идею политической преемственности с Древним Римом. Лаврик Халкокондил называет византийского императора и православного патриарха «василевсом эллинов» и «эллинистическим архиереем», словно рассказ идет об эллинистической древности. Для Вриенния или Зонары Адрианополь остается древней Орестиадой,⁷ Федор Скутариот вспоминает старинное название реки Вардар — Аксиос,⁸ легендарный Вавилон олицетворяет у Пселла современный ему Багдад.⁹ Архаизация употребляе-

⁶ *Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus and his World. London; New York; Toronto, 1973, p. 524.*

⁷ *Ври., 217.25; Зон., 625.5—7.*

⁸ *Скут., 421.*

⁹ *Пс., I.7; XI.2.*

мой этно- и топонимики — элемент системы словоупотребления византийских историков.¹⁰ В XII в. н. э. византийские историки, характеризуя этногеографический облик Причерноморья, пишут о гелонах, агафирсах, аримаспах и иссидах. Этногеографическая картина мира Геродота, Посидония или Страбона как бы реактуализируется на страницах византийских хроник.¹¹

Не только этническая, но и социально-политическая терминология античной эпохи оживает у византийских историков. Герусия, гетерии, архонты, триеры, оболы, дарики, статеры, парасанги — реальные понятия для Фукидида или Ксенофонта; августы, цезари, патриции, дуксы, магистры, преторы — герои Аппиана и Диона Кассия — «участвуют» в исторических событиях средневекового мира на страницах Феофилакта Симокатты, Константина Багрянородного, Кекамена, Пселла и Киннама.¹² Эти термины обозна-

¹⁰ См. соответствующие этнонимы в кн.: *Mogavcsik Gy. Byzantinoturcica*. Berlin, 1958, Bd. 2. Подробнее см.: Бибиков М. В. Византийская этнонимия: архаизация как система. — В кн.: *Античная балканистика*. М., 1980, с. 70—72.

¹¹ Бибиков М. В. Пути имманентного анализа византийских источников по средневековой истории СССР: (XII—первой половины XIII вв.). — В кн.: *Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР*. М., 1978, с. 101.

¹² См., 257.14, ср.: *Феоф.*, 271.17; *Конст.*, 56.29; *Кек.*, 198.1; 288.28; 174.24; 276.15; 280.6; 174.11,13; 280.12; 282.9; 266.6; *Пс.*, I.147; XII.7; II.9; XIII.5,10; XIII.6; *Кинн.*, 31.10; 277.33.

чают теперь сугубо средневековые феодальные институты: высший совет знати — синклит, чины иерархической лестницы — патрикиев, кесарей, дук, императриц, провинциальных правителей; византийские монеты — фоллы и номисмы; меры длины — мили.

Византийские авторы сами провозглашали и культивировали принцип подражания — «мимесиса» — классическому прошлому. Известное высказывание Феодора Метохита «все уже сказано и ничего не осталось потомкам» (πάντα ὡς εἶπεῖν φθάσαντ' ἄλλοις εἴληπται καὶ οὐδὲν ὅτι λείπεται μαθύστερον νῦν ἡμῖν μοιρίδιον εἰς χρῆσιν τῇ φωνῇ)¹³ подкрепляет, казалось бы, укоренившееся утверждение об отсутствии в византийском историописании какой бы то ни было новой техники, нового критического метода и, главное, принципиально нового восприятия мира по сравнению с античностью.¹⁴

Другой крайностью в оценке средневекового мировосприятия является отказ средневековому историописанию в оригинальности и актуальности, понимание под средневековым историописанием лишь приложения схоластических методов к истории.¹⁵ С представлением о византийской культуре связывалось часто понятие декаданса;

¹³ *Met.*, 14.

¹⁴ *Krumbacher* K. Op. cit., S. 227.

¹⁵ *Dempf* A. *Sacrum Imperium. Geschichtes- und Staatsphilosophie des Mittelalters und der politischen Renaissance.* Munchen; Berlin, 1929, S. 251.

христианизация представлялась источником формализации мысли и дегуманизации культуры.

«Кембриджская средневековая история» (раздел о византийской литературе подготовлен Францем Дэльгером) характеризует произведения византийских авторов как нечто искусственное, как скорее упражнение в формальном и техническом мастерстве, чем результат непосредственного вдохновения или значительных переживаний.¹⁶ Еще более риторичен приговор Ромилли Дженкинза: эллинистическая риторика стала якобы бичом византийской словесности — она выхолостила содержание последней, в результате чего византийцы ломали себе голову и затуманивали рассудок языком, чуждым действительности. Не было в Византии поэзии — была де-только риторическая (в плохом смысле) версификация — витиеватая и безвкусная. Всякая оригинальность, всякая свежесть, всякое чувство были задушены. Византийские памятники не были, по суждению Р. Дженкинза, никак связаны с жизнью, не служили средством выражения мысли, оставаясь формальными, схоластическими школярскими упражнениями.¹⁷

Отказано в оригинальности и «литературной продукции» (характерен сам введенный термин — с кавычками в отношении «литературы»!)

¹⁶ *Dolger F. Byzantine Literature.* — In: *The Cambridge Medieval History.* Cambridge, 1967, vol. 4, p. 2, 210.

¹⁷ *Jenkins R. Byzantium. The Imperial Centuries: A. D. 610—1071.* New York, 1966, p. 385.

и в самом последнем сводном описании византийской цивилизации у Андре Гийу; лучшей «продукцией» признаются лишь сочинения, созданные чисто религиозным воображением.¹⁸ Отказ византийским творениям в жизненности, представление об их абстрактности, несвязанности непосредственно с исторической реальностью эпохи их возникновения позволяет видеть в византийской литературе лишь кривое зеркало действительности, не помогающее воспринимать и постигать византийскую культуру, а создающее искусственные препятствия для этого, «зашифровывающая» смысл. Такова оценка оксфордского византиниста Сирила Манго.¹⁹

Казалось бы, действительно, византийские церковные хроники, начиная с Евсевия, знаменовали решительный разрыв с античным мировосприятием. Историческое время и исторический герой стали трактоваться по-новому. Принцип отталкивания от античного культурного наследия декларируется в «Покорении Крита» Феодосием Диакonom.²⁰ Время становится телеологичным: по Каминиату, венец добродетели — жизнь вечная.²¹ Время становится и эсхатологичным. Ожидание конца мира, страх перед ним побуждают Феофана, Кекавмена, Георгия Акро-

¹⁸ Guillou A. La civilisation Byzantine. Paris, 1974, p. 334, 347.

¹⁹ Mango C. Byzantine Literature as a Distorting Mirror. Oxford, 1975.

²⁰ Ф. Диак., I.255—259; ср.: Л. Диак., 97.10—12.

²¹ Кам., 3.12—13.

полита или Дуку видеть в набегах «варваров», в землетрясениях, эпидемиях и неурожаях проявление карающего божьего гнева. При таком восприятии время движется к определенной точке в будущем, символизирующем катастрофическое очищение мира. Показательно утверждение Пселла, что «все устремилось к гибели и ухудшилась донельзя участь Ромейской державы».²² Этот предел становится фетишем, а исторический процесс из «арены выбора» человека,²³ каким он являлся в классической Элладе, превращается будто бы в проекцию, направляемую высшими трансцендентными силами. На смену авторской уверенности античного историка в значимости своего труда приходит принцип творчества на грани анонимности. Девиз Иоанна Дамаскина «ничего своего»²⁴ воплощается и в декларации анналиста Феофана — писать, «ничего не прибавляя от себя».²⁵

Итак, при разнице в оценках отношения византийской культуры к античному наследию оба изложенных взгляда исследователей сходны в отрицании самобытности литературы средневековых греков, ее связи с жизнью. Принципу историзма, позволяющему видеть в каждом культурно-историческом явлении его непреходя-

²² Пс., I.119; V.10—12. / Пер. Я. Н. Любарского.

²³ Ср.: Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977, с. 35.

²⁴ Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series Graeca, t. 94, col. 525.

²⁵ Феоф., 4.8—15.

щую значимость, его, с одной стороны, обусловленность предшествующим ходом развития общества, а с другой — самодовлеющее значение новизны достижений данной эпохи, — этому принципу противопоставляется концепция культуры, рассматриваемой как бы вне времени и пространства, как «замкнутый мир, куда живая реальность не проникала» (слова Поля Лемерля о византийском энциклопедизме).²⁶

Рассмотрим, несколько выйдя за хронологические рамки книги и ориентируясь на византийское историописание X—XV вв., применимость отмеченных взглядов на византийскую литературу относительно таких областей исторического мировидения, как организация исторического пространства и времени и изображение исторического героя.

За внешней идентичностью элементов пространственных перцепций византийской историографии с античными представлениями стоят принципиальные различия всей системы понятий. Историографы классической древности исходили в целом из полисных критериев: полис являлся точкой отсчета в пространстве. Геродот, давая ту или иную локализацию события, как бы приглашает сограждан в путешествие. Кризис рабовладельческого полиса не разрушил, но укрепил тягу к возрождению полисной идеологии:

²⁶ *Lemerle P. Le premier humanisme byzantin. Notes et remarques sur enseignement et culture à Byzance des origines au Xe siècle. Paris, 1971, p. 300.*

римская архаика реактуализируется Титом Ливием, полисная гражданственность в единстве со все развивающейся этикой отдельной семьи реставрируется Плутархом. Даже универсализм Полибия в конечном счете сводится к исходной позиции гражданина мегаполиса — Рима. Это становится уже самим собой разумеющимся общим местом для Диодора.²⁷ Скульптурно осязаемые полисные пространственные ориентации переполнены атрибутами мифологических и полумифологических элементов, в которых никогда не умирали общинные связи архаики, как бы далеко ни заходила эмансипация личности на исходе античности.

Византийская историография не только унаследовала от эллинизма пространственную протяженность диаспоры взамен полисной конкретности древнегреческой классики,²⁸ но культивировала и христианский экуменизм. Апеллирующая к ойкумене антитеза мира христиан миру непосвященных не стала простой заменой античной оппозиции «эллыны — варвары». Определенность, стабильность понятия полиса уступила место в византийской историографии неконкретности, абстрактной локализации постулируемой ойкумены. Таков дихотомический («ромеи — не-ромеи»)

²⁷ *Аверинцев С. С.* Плутарх и античная биография: (К вопросу о месте классика жанра в истории жанра). М., 1973, с. 190 и сл.

²⁸ Ср.: *Beck H.-G.* Das Literarische Schaffen der Byzantiner. Wege zu seinem Verständnis. Wien, 1974, S. 8.

принцип описания мира у Константина Багрянородного. Это пространство, будь то у Скилицы, Анны Комниной или Никиты Хониата, потеряв полисные связи, не обрело подобной четкой и адекватной структуры. Оно дифференцировано и противоречиво в своем построении. Одно и то же явление находится сразу в нескольких отношениях связи в этом пространстве. Так, можно установить несколько уровней воззрений, например, на Древнерусское государство у византийских историков XII—XIII вв.²⁹

Пространственное членение оказывается не только не одноплановым, но даже противоречивым, а идеология экуменизма принимает скорее символическую, чем реально осязаемую форму. Характерный средневековый символизм организаций пространства византийскими историками проявляется и в психологической окраске описываемого места действия. Горы, леса у Льва Диакона, Кекавмена становятся символом опасности³⁰ и вместе с тем у Пселла — символом уединения, отшельничества, анахоретства,³¹ а у Иоанна Каминиата связаны с представлением о монастырском укрытии.³² Море для Никиты Хониата соименно с бурей, шквалом, бедствиями,

²⁹ См.: Бибиков М. В. Древняя Русь и Византия в свете новых и малоизвестных византийских источников. — В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978, с. 296—298.

³⁰ Л. Диак., 62.13—63.4; Кек., 210.11—14.

³¹ Пс., II.67: СХСVI.5—7.

³² Кам., 7.43—46.

гибелью,³³ а для Пселла или Никифора Григоры — чаще с тихой гаванью, успокоением, устойчивостью, стабильностью.³⁴

Пространство в византийской историографии индивидуализируется в восприятии. Символичность и неконкретность экуменической установки восполняются пристальным вниманием к «своей», индивидуальной точке вселенной. Именно это средоточие в пространстве становится лично окрашенным местом притяжения интересов византийского историка. Так, Малала особое внимание уделяет Антиохии. Иоанн Каминиат сосредоточен на Солуни, Пселла интересуется императорский двор в Константинополе, Никита Хониат не преминет упомянуть родные Хоны, для Киннама придунайские области, где он оказался в военных походах, конкретнее и ближе, чем центр империи. И все же основной центр пространственных ориентаций, политических интересов — столица на Боспоре. Центром мира, вторым раем назовет ее Дука.³⁵ И эта гипертрофированная исключительность сама превращается в символ — императорской власти, всемирного центра культуры.

Пространство несет и «этическую» нагрузку. Мир земной представляется миром борьбы, про-

³³ *Н. Хон.*, *Ист.*, 122.58—123.59; 171.59—60; 315.73—76; 316.91; 326.51—66 и др.

³⁴ *Пс.*, I.151: LXXII.1—4; II.58; CLXXVIII.1—5; *Н. Григ.*, I.97.1—6; 459.12—13; II.576.10—13; 978.23—976.6; и др.

³⁵ *Дук.*, 385.11—14.

тиворечий, наконец, — миром, являющимся в целом антитезой «небесной гармонии». Дуалистично само восприятие космоса как арены борьбы добра и зла, подвижничества и греха, небесного и земного, духовного и материального.

Итак, историческое пространство византийской историографии при внешнем тождестве этногеографической номенклатуры представляет отличную от классической античности систему. На смену скульптурно осязаемому полису, являющемуся ценой деления пространственных оценок и атрибуций,³⁶ приходит доходящий до символизма универсализм — оборотная сторона партикуляризма. Личностное, дифференцированное восприятие пространства отражает новый характер социальных связей феодализирующегося общества.

Не менее разительный сдвиг византийская историография осуществила в сфере понятия исторического времени. Мифологическое время античного мира с идеей кругового движения, постоянного возвращения, цикличности исторического развития соответствовало полисным мировоззренческим установкам. Углубление дифференциации понятия вечности, выделение личности из родовой общности вызвало как раз реставрационную реакцию классицизма. Так, эллинизм критикуется с позиций классицизма Плутархом.³⁷ Живучесть полисных представлений и на закате антич-

³⁶ Ср.: Лосев А. Ф. Античная философия истории. М., 1977, с. 49 и сл.

³⁷ Аверинцев С. С. Плутарх..., с. 190.

ности проявилась в идее стабильности исторического процесса у Марка Азрелия.³⁸

Итеративность времени, наблюдаемая, например, у Феодосия Диакона,³⁹ не тождественна цикличности античного восприятия времени. Время в византийской историографии индивидуализировано: царствование Алексея I вычленено у Анны Комниной из временного потока; Никифор Вриенний субъективно формирует временную структуру событий, антидетерминизм и провиденциализм Григоры столь же индивидуализирован, сколь и своего рода «трагическая ирония» сцепления событий у Никиты Хониата. Историческое время в христианстве так же драматизировано, как и историческое пространство. Для Евстафия — это «пестрая череда бед, поглощающая каждого несчастного».⁴⁰

Партикуляризация концепции времени тесно связана с символикой временной организации в византийском историописании. Смена дня и ночи, астрономические явления остро воспринимаются как пророческие знамения. Патриарх Никифор повествует о звездопаде, предшествовавшем иконоборческим смутам;⁴¹ Продолжатель Феофана затмение луны оценил провозвестником смерти василевса Льва VI,⁴² у Скилицы появление коме-

³⁸ *М. Авр.*, X.27.

³⁹ *Ф. Диак.*, I.2—27, 82—111; III.51—55; IV.33—34 и др.

⁴⁰ *Евст. Сол.*, *Взят.*, 4.29—30.

⁴¹ *Ник.*, 73.8 и сл.

⁴² *Пр. Феоф.*, 376.8 и сл.; ср.: *Л. Гр.*, 284.5 и сл.

ты символизировало близкую кончину Иоанна Цимисхия,⁴³ а конец жизни императрицы Ирины, супруги Иоанна III Ватаца, был определен, по Феодору Скутариоту, солнечным затмением;⁴⁴ гадания и гороскоп привлекают пристальное внимание Никифора Григоры.⁴⁵ Время, отсчитываемое не равными количественными промежутками, а чередованием стихийных «примет», «знаков», «символов», «предзнаменований», а также пророчеств, наполняет движение исторического процесса у Малалы, Генесия, Скилицы, Константина Манасси и др.;⁴⁶ многочисленны символические вехи повествования у Михаила Атталиата — землетрясения, пожары, кометы и лунные затмения.⁴⁷ Символическим толкованием явлений и примет проникнута хроника Михаила Глики.⁴⁸

Историческое время в византийском историописании выражается в антропоморфных категориях. Его содержание — человеческие деяния, а не абстрактный ход хронологических отрезков.

⁴³ *Скил.*, 311.84—88.

⁴⁴ *Скут.*, 485.19—25.

⁴⁵ *Н. Григ.*, 305.13—306.2.

⁴⁶ *Мал.*, 411.11 и сл.; *Ген.*, 8.4—9; 10.19—11.23; 21.22—22.18; *Скил.*, 111.59; 175.59—63; 194.77—79; 311.84—88 и др.; *К. Ман.*; *Ист.*, 4581—4606. См.: *Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978, Bd. 1, S. 270.*

⁴⁷ *Атт.*, 90.9—91.16; 144.11—17; 145.3—17; 241.14 и сл., 287.38; и др.

⁴⁸ *М. Гл.*, *Анн.*, 33.9 и сл.; 48.22 и сл.; 214.5 и сл.; 487.19—21; 515.8 и сл.; 560.11 и сл.

Анналистический принцип повествования Феофана остался уникальным для Византии. Время у Пселла, Анны Комниной, Киннама, Кантакузина или Пахимера измеряется длительностью человеческой жизни исторического героя.

Мир исторических героев византийского историописания во многом близок, казалось бы, эллинской древности.⁴⁹ Антикизация византийской современности выражается в сопоставлениях: у Льва Диакона император Никифор Фока подобен Гераклу, Иоанн Цимисхий — Тидею,⁵⁰ с Гераклом сравнивается герой Анны Комниной.⁵¹ Подобные сравнения находим мы и у Пселла, Киннама, Никиты Хониата и у многих других; Никифор Вриенний исторические примеры черпает из историй Брасида, Александра Великого, Тимофея, Перикла.⁵² Изображение событий и героя в византийских хрониках нередко совпадает по форме с античными историческими новеллами. Рассказ Приска Панийского о нападении гуннов на Наисс совпадает с фукидидовским описанием осады Платей,⁵³ а история сасанидца Пероза напоминает известия Геродота о египтянине Амасиде и персидском царе Камбисе.⁵⁴ Однако, как

⁴⁹ Ср.: *Welskopf L. E. Menschenbild in der Antike.* — В кн.: Проблемы античной истории культуры. Ереван, 1979, т. 2, с. 7—13.

⁵⁰ *Л. Диак.*, 48.14—18; 59.11—12.

⁵¹ *Анна.* 19.6.

⁵² *Ври.*, 143.18—145.1; 165.19; 199.5 и сл.

⁵³ *Фук.*, II.75 и сл.

⁵⁴ *Герод.*, III.1.

показал источниковедческий анализ, совпадение рассказов по форме с сюжетами античных историков не повлияли на достоверность изложения.⁵⁵ И так, антикизированная форма, скрывающая новое содержание, несет печать жанрового этикета.

Ставшее трюизмом представление об историческом герое средневековой историографии как стереотипном, состоящем из набора клише, определено также символизмом изображения человеческой личности в историческом потоке. Моралистическое выявление «этоса» героя в античной историографии связывалось с изображением телесной красоты, с раскрытием внешних проявлений героического характера. Византийцу интереснее открытие, «откровение» незаурядного в повседневном, обычном, социально незначимом. Так отвергается Феофилом красота Касии в хронике Симеона Логофета.⁵⁶ Даже хорошего воина, по утверждению Никифора Вриенния, отличают не высокий рост, не телесная сила, не суровый и сильный голос, но душевное благородство и стойкость в перенесении трудностей. Вместо телесной красоты византийскими историками описываются телесные болезни. Человек — отблеск Идеи, носитель символа. Убогий нищий, святость

⁵⁵ *Benedicty R.* Die historische Authentizitat eines Berichtes des Priskos. Zur Frage der historischen Novellisierung in der fruhbyzantinischen Geschichtsliteratur. — In: *Jahrbuch der Osterreichischen Byzantinischen Gesellschaft*, 1964, Bd. 13, S. 1—8.

⁵⁶ *Лог.*, 624.17—625.4.

которого влияет на ход событий в природе и истории, спорит в византийских хрониках с фигурой могущественного императора.

Символизм и противоположная античным вкусам непластичность византийских исторических героев проявляется и в формировании портрета. Не столько эмоциональный образ, сколько описание черт составляет характеристику личности.⁵⁷ Цвет волос, яркость губ, оттенок глаз, «благородная» стать, сочетание «нормативных» цветов в одежде и во всем облике (золото, пурпур, белизна, иногда лазурь) отражают этический и эстетический идеалы у Анны Комниной.⁵⁸ Перечисляемые черты исторического героя не нейтральны, а несут определенную моральную, символическую нагрузку. Но портретная нормативность, стандартность героев Михаила Пселла не исключают их духовной сложности.⁵⁹ Индивидуализация авторского метода византийской историографии сказывается в перенесении акцента именно на духовную сторону человека, причем нередко оказывающейся в противоречии с внешними проявлениями героя.

Герою в византийской историографии противопоставлен, как показали наблюдения исследо-

⁵⁷ Л. Дуак., 96.16 и сл.

⁵⁸ Ср.: *Antoniades S.* Ἡ περιγραφικὴ στὴν Ἀλεξιάδα Πῶς ἡ Ἄννα Κομνηνὴ βλέπει καὶ ζωγράφει πρόσωπα καὶ χαρακτῆρες. — *Hellenica*, 1932, t. 5, σ. 255—276.

⁵⁹ Любарский Я. Н. Михаил Пселл. Личность и творчество (К истории византийского предгуманизма). М., 1978, с. 230 и сл.

вателей, антигерой: эта антитеза олицетворяет борьбу добра и зла, света и тьмы. По контрасту с Робертом Гвискарром, Боэмундом и Танкредом вырисовывается героическая личность Алексея I в сочинении Анны Комниной, благородство жителей Сиракуз противопоставлено Иоанном Каминиатом образу эмира, портрет Иоанна Цимисхия у Льва Диакона — полная противоположность Никифору, апологетика Мануила I у Киннама очерчивается последовательной негативной оценкой его противников. У Пселла и Никиты Хониата дихотомия в изображении героя перенесена на внутреннюю, этическую сферу человека (таковы, например, Константин IX Мономах или Андроник Комнин).

На формирование средневекового метода изображения героя, отличного от античности, оказала самое непосредственное влияние феодализация византийского общества. Знаменательно утверждение у Атталиата, Вриенния, Анны, Скилицы фигуры героя — родового аристократа. Благородство происхождения, принадлежность к определенному клану становятся важнейшими элементами формирования византийским историком образа героя.

Таким образом, подобно тому как историческое пространство византийской историографии внешне кажется идентичным античному, на деле является глубоко отличным от него, как историческое время постулируется линейным отражением трансцендентных высших сил, оборачиваясь индивидуализированно организованным и

окрашенным партикуляризмом восприятия, так и исторический герой при всем символизме и стереотипности оказывается живой, деятельной фигурой, связанной со своим обществом и эпохой. Основные категории византийского историзма, вырастая из эллинистических норм, превращаются в новые по содержанию понятия. Они соответствуют уже иному по сравнению с античным периодом историописания уровню социально-экономического развития средневекового общества с его специфическими хозяйственными нуждами, политической структурой и идеологией. И при этом в центре внимания византийских историографов стоит не абсолютная иррациональная, отчужденная от мира людей идея, а борющийся и сомневающийся, угнетаемый и торжествующий человек.

Часть III

РУСЬ В ВИЗАНТИЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ XII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIII в.

Глава 1

ЭТНОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О РУСИ

При изучении истории Древнерусского государства материалы византийских памятников, характеризующие внутреннее состояние русских земель с точки зрения его этнической дифференцировки, представляют особый интерес, так как в русских источниках большинства подобных данных нет. Но, важная сама по себе, эта проблема в данном случае имеет особый смысл: отмеченная традиционность географических представлений, стереотипы этнических характеристик, антиквизированная терминология обуславливают необходимость установления исходных этнических и географических данных, используемых византийскими авторами для описания указанного региона.

Как отмечалось, сам термин «Русь» и производные от него употреблялись чрезвычайно редко (оставим пока в стороне хорошо известную проблему таманской России). Например, лишь трижды встречается он у Никиты Хониата,¹ однажды говорится о «Русской земле» в «исторических стихотворениях» Феодора Продрома,² еще несколько случаев его использования — в эпиграммах,³ письмах.⁴ В целом во всех нарративных источниках XII—первой половины XIII в. встречается чуть больше десятка употребления термина «Русь». В официальных же и полуофициальных документах — актах, посланиях, списках епархий и т. п. — как правило, употреблено именно это название.⁵

В византийских источниках зафиксированы названия ряда областей и городов Древней Руси, толкование которых не вызывает затруднений. В перечне епископий «Великой России», составленном в середине XII в.,⁶ перечисляются Белгород (α'ό Πελουράδων), Новгород (β'ό Νευουράδων),

¹ Н. Хан., Ист., 92.49; 129.29; 522.28.

² Ф. Пр., И. Ст., LIX.189; ср.: Цец. Ист., XII.898; Цец. Теог., 26.

³ Код. Вен., 153₂.3.

⁴ Г. Торн. рит., Пис., 425.21; М. Хон., II.356.16; Г. Торн. м-т., 215.12.

⁵ Акт. Ис., 35.32; Акт. Росс., 6.28, 48, 51, 79—80, 93; 7.26, 44, 170, 177, 188, 194; Герм.; Нил Докс., 1105.

⁶ Сп. еп. Ср. также текст по рукописи: Cod. Athen. 1371, f. 389—391v.; Об организации административно-церковного деления на Руси XI—XII вв. см.: Byzantion, 1970 (1971), t. 40, p. 169 sq.

Чернигов (γ'.ὁ Τζερνιγόβων), Полоцк (δ'.ὁ Πολοτζί-κων), Владимир (ε'.ὁ τοῦ Βλαδιμοίρου), Переяславль (ζ'.ὁ Περισθλάβου), Суздаль (ζ'.ὁ Σουσδάλι), Туров (η'. ὁ Τουρόβου), Канев (θ'. τὸ Κάνεβε), Смоленск (ι'. τὸ Σμολίσκον), Галич (ια'. ἡ Γάλιτζα). Под именем «Киава» («Киама», возможно, «Киова») Никита Хониат и Киннам имеют в виду, несомненно, Киев.⁷ Наибольшее количество свидетельств византийских источников относится к Галицкой Руси, наиболее близкой к Византии территориально и потому занимавшей в международных связях Империи видное место. Наши авторы знают границы Галицкой земли: непосредственно соприкасаясь на западе с Венгерским королевством,⁸ на юге она доходила до отрогов Карпат.⁹ Галицкое княжество, с одной стороны, рассматривалось как одна из «топархий» Руси,¹⁰ но вместе с тем улавливается отношение византийцев к нему как к некоей самостоятельной территориальной и политической единице: во всяком случае, галицкий князь противопоставляется византийским автором¹¹ «властителю» Киева¹² — центра всей Руси.

Таким образом, в византийских источниках содержится немало сведений о территории Руси, ее областях, указываются топографические осо-

⁷ Кинн., 236.4; Н. Хон., Ист., 523.45; ср.: «Волотимер» у Григоры. — Н. Григ., 514.17.

⁸ Н. Хон., Ист., 92.49; Кинн., 260.18 и сл.

⁹ Кинн., 94.12.

¹⁰ Н. Хон., Ист., 129.29—30.

¹¹ Н. Хон., Ист., 523.45.

¹² Кинн., 236.4.

бенности южной границы русских княжеств, т. е. знакомство с территориально-политической структурой Руси показательно для выяснения характера знаний византийцев об интересующем нас регионе. Подробные сведения о делении русских областей находятся в памятниках, относящихся к церковному устройству: именно константинопольская церковь, прежде всего заинтересованная в распространении своего влияния на как можно большую территорию Руси, оказалась нашим информатором по данному вопросу.

Более сложными являются проблемы определения этнических данных византийских источников о территории нашей страны. Все «северные» народы связываются византийцами «скифской» общностью.¹³ Так, этноним «росы» (русские) синонимичен, по Иоанну Цецу, имени «тавры», которые оказываются «скифским» племенем.¹⁴ Эта синонимия отражает традиционное у византийцев наименование русских античным термином «тавроскифы». Правда, в XII в. такая атрибуция не единственная: современник Цеца Никифор Василяки под «Тавроскифией» имеет в виду землю, в которой находится, по всей видимости, Филиппополь¹⁵ (современный Пловдив в Болгарии), а Иоанн Киннам «скифами около Тавра» называет половцев.¹⁶ Что касается Болгарии, то Цец дает

¹³ Цец. Ист., XII.896—900.

¹⁴ Цец. Пис., 119.5—6; Цец. Ист., XI.872—876.

¹⁵ Н. Вас., Пис., 230.12—13. Локализация: *Wirth P. Wohin ward Nikephoros Basilakes verbannt? — Byzantinische Forschungen*, 1966, Bd. 1, S. 390—391.

подробную топографию пространства на юг от Дуная, определяя границы расположенных там областей — двух Миссий, Фракии и Македонии;¹⁷ сам же этноним у Цеца встречается в качестве синонима «пеонцы» (не венгры, населяющие, по Цецу, одну из упомянутых Миссий).¹⁸ Половцы же в сочинениях византийского эрудита фигурируют под общим именем «скифы». Так, в рассказе о половецком набеге 1148 г.¹⁹ кочевники названы «придунайскими волками, частью скифов». ²⁰ То, что под приведенным выше названием «собственно скифов» в отличие от «скифов вообще» нашим автором имеются в виду куманы, говорит текст «скифского» приветствия в эпилоге «Теогонии» Иоанна Цеца.²¹ «Скифское» приветствие представляет собой куманское,²² что определяет и интерлинейная глосса, сделанная киноварью в Сод. Vindob. Phil. gr., 118: κόμανον.²³ Правда, по Д. Моравчику, приветственное восклицание мо-

¹⁶ Кинн., 218.7.

¹⁷ Цец. Ист., XI.884.997.

¹⁸ Цец. Ист., X.178—180.

¹⁹ Атрибуция: Византийский современник, 1973, т. 34, с. 289; Д. Моравчик ошибочно считает их узами (Byzantinoturcica, Bd. 1, S. 342).

²⁰ Цец. Пис., 94.4—7.

²¹ См.: Moravcsik Gy. Byzantinoturcica, Bd. 2, p. 18—19, где эта фраза анализируется как тюркская.

²² Moravcsik Gy. Barbarische Sprachreste in der Theogonie des Ioannes Tzetzes. — Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, 1930, Bd. 7, S. 361; В. И. Абаев считает его арабским: Абаев В. И. Alanica. — Изв. АН СССР, Сер. VII. Отделение обществ. наук, № 9, 1935, с. 889.

²³ Цец. Теог., 304. 2а.

жет скрывать арабское *selâm aleikûm*,²⁴ т. е. может принадлежать какому-нибудь «исламскому» народу. Сам этноним «куманы» нигде не встречается в других сочинениях Цеца; однако не следует недооценивать определения интерлинейрной глоссы: аналогичная помета, поясняющая этноним Цеца «персы», *τοῦρκοῖς* (туркам),²⁵ находит подтверждение в «Историях».²⁶ В эпилоге «Теогонии» приведено и русское приветствие: «К русским я обращаюсь по их обычаю, говоря „σδρᾶ(στε), βράτε, σέστριτζα“ и „δὸβρα δένη“, т. е. „здравствуй, брате, сестрица, добрый день!“».²⁷ Далее Цецем приводятся и некоторые аланские выражения.²⁸

Таким образом, та «скифская» общность, которая постулируется Цецем применительно к Причерноморскому подрегиону, представляется им же в языковом отношении чрезвычайно разнообразной. В самом деле, помимо рассмотренных народов, здесь же Цецем локализируются и «киммерийцы». Они помещаются у Тавра скифов и Меотийского озера,²⁹ т. е. в Крыму и Приазовье. По выдвинутой пробной реконструкции³⁰ этноним

²⁴ *Moravcsik Gy. Barbarische...*, S. 362.

²⁵ *Цец. Теог.*, 305.5а.

²⁶ *Цец. Ист.*, XIII.359.

²⁷ *Цец. Теог.*, 26—28.

²⁸ *Цец. Теог.*, 18—22. Об этом см.: *Абаев В. И.* Указ. соч., с. 888 и сл.

²⁹ *Цец. Ист.*, XII.835—836.

³⁰ *Трубачев О. Н.* *Temarundam «matrem maris»*. К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья. — В кн.: *Античная балканистика*. 2. М., 1975, с. 42.

*kers-mar является фракийским названием Черного моря: на фракийской языковой почве этноним κίρέριοι мог иметь вид и значение *kir(s)-mar-io, где *kers — черный и *mar-/*mor- — море. Причем в вопросе о киммерийцах сам этноним представляется единственным достоверным языковым фактором их принадлежности. В этой связи, памятуя о возможном широком этническом содержании термина «скифы» и о локализации «киммерийцев» Цецем (абстрагируясь от других локализаций³¹ и употребления имени в переносном смысле),³² интересно обратить внимание на схолию к «Историям» Цеца,³³ где скифы фигурируют в качестве фракийского рода.

С Меотидой — Азовским морем — у Цеца ассоциируется целая ветвь «скифов». В экскурсе о «Скифах» в «Историях» различаются три ветви (Ἔθνη) «скифов»: меотийские, кавказские (с ними связаны «узы» и «гунны») и оксианские.³⁴ К последним, по Цецу, относятся «скифы», находящиеся за Гирканским (т. е. Каспийским) морем — «в Сугдиаде», где протекает река Оксос.³⁵ Однако в комментарии «Историй» к упоминае-

³¹ Цец. Комм. Лик., 695 и др.

³² Ф. Пр., Фр., 286 (см.: Ф. Пр., И. Ст., S. 467).

³³ Цец. Ист., р. 548. О значении схолий см.: Leone P. Gli scoli alle «Historiae» di G. Tzetzes. — In: Studi Italiani di Filologia classica, 1962—1963, vol. 34, f. 2, p. 190 f.

³⁴ Цец. Ист., VIII.760—761. Античные истоки такого представления см.: Harder Ch. De Ioannis Tzetzae Historiarum fontibus quaestiones selectae. Kiel, 1886, p. 15.

³⁵ Цец. Ист., VIII.777—779.

мым в одном из писем «оксианским рыбам»³⁶ «оксиане» локализируются в Крыму и отождествляются с «хазарами»: «Хазары — жители Сугдеи и Херсона — по названию реки Оксос, которая течет в их земле, называются оксианами».³⁷ Эта неожиданная атрибуция может быть объяснена тем, что спутана Сугдея — город и порт в Крыму (Сурож русских летописей, совр. Судак) с Согдианой — областью Средней Азии.³⁸ Река Оксос (совр. Амударья) относится к Согдиане, а не к Сугдее. Жителей именно этого района Цец называет «оксианскими скифами» и сближает с «восточными скифами» Геродота.³⁹

Таким образом, в рассмотренных представлениях нередко получается причудливая контаминация книжного ученого знания и непосредственных наблюдений, актуальных свидетельств. Источник этого — в особенности мировосприятия византийца: на непосредственно наблюдаемое накладывается сетка книжного, возведенного в парадигму знания. Так, у Цеца античная картина накладывается на географию современного ему мира.

Таким образом, наиболее сильной в византийской традиции оказывается актуализация античных географических представлений и этнических наименований, что приводит к неожидан-

³⁶ Цец. Пис., 144.16.

³⁷ Цец. Ист., XIII.84—88.

³⁸ См.: *Moravcsik Gy. Barbarische...*, S. 360, Anm. 1.

³⁹ *Герод.*, IV. 1 sq., 18 sq.

ному внешнему эффекту: население Руси обозначается (нередко в переносном смысле) многочисленными архаическими племенными названиями — «скифы», «тавроскифы», «тавры», «киммерийцы», «меоты», «хазары» (для Крыма) и др. Такая «зашифрованность» актуальных описаний древними этническими терминами, «знаками», наблюдается и в других случаях. Так, встал вопрос об обозначении в византийских источниках Галицкой земли, помимо указанного имени «Галица» (с вариантами), архаическим термином «галаты». ⁴⁰ В «исторических стихотворениях» Феодора Продрома неоднократно среди подвластных византийскому василевсу народов упоминаются «галаты» — часто рядом с «далматами» (сербами). ⁴¹ В других случаях «галаты» фигурируют по соседству со «скифами» — куманами, ⁴² называются вместе с италийцами и сербами, ⁴³ упоминаются «галатские долины». ⁴⁴ В данном случае невозможно отождествление этих «галатов» с «Галлией Иакова» — Испанией (Галисией); ⁴⁵ однако в некоторых из этих случаев нельзя исключать и понимание под «Галатией» соответственной малоазийской области. ⁴⁶

⁴⁰ См.: Бибиков М. В. Рец. на кн.: W. Horandner. Theodoros Prodromos. Historische Gedichte..., с. 235.

⁴¹ Ф. Пр., И. Ст., I.91; XLIV.112.

⁴² Ф. Пр., И. Ст., IV.225.

⁴³ См.: Пс. Пр.

⁴⁴ М. Ит., 171.9—10.

⁴⁵ Ф. Пр., Ж., 47.1; ср.: с. XVII.

⁴⁶ Ср.: Ф. Пр., Фр., 55; Кинн., 288.

Территория Руси называется и Гиперборейской землей;⁴⁷ таким образом, древние литературные свидетельства о гипербореях переносятся на русских, формируя представления о них.⁴⁸ О значении архаизации для византийской собственно этнонимии и топонимии народов и областей Руси уже говорилось. Сейчас важно подчеркнуть, что традиционные представления о географических областях, климате, природных условиях стран этих древних народов прилагаются к описанию северных территорий, значит, и Руси, нашими авторами. В результате создается образ страны, во многом близкий античной Скифии или Киммерии. Обширность пространств территории к северу от Черного моря вошла в поговорку о «скифской пустыне»;⁴⁹ климатические особенности этих областей будут непременно ассоциироваться со «скифским снегом», бурями, сыростью и дождями;⁵⁰ Русь — наследница киммерийских областей — представляется погруженной во мрак страной, солнце над которой светит считанные дни в году, а может быть, и вообще не появляется.⁵¹ Византийские писатели указы-

⁴⁷ Н. Хон., Ист., 129.29—30.

⁴⁸ Н. Вас., Энк. Ал. Ар., 90 и сл.; М. Хон., I.321.10; II.144.14 и сл. Ман., Сар., 269.17 и сл.

⁴⁹ М. Хон., I.321.18; II.216.28; Н. Вас., Облич., 208.

⁵⁰ Н. Кат., Ж., 383; М. Хон., I.186.5; 195.19; 215.10; 214.10; II.144.14 и сл.; Н. Вас., Энк. Ал. Ар., 90 и сл.; Евст. Сол., Комм. Дион., 666.

⁵¹ Евст. Сол., Комм. Од., 1649.27 и сл. (X.86); Н. Вас., Энк. Адр. Комн., 81; М. Хон., I.321.11; Ф. Пр., Фр., 160.

вают известные из памятников прошлого реки, озера, моря Скифии: «Узкое море», «Священное море»,⁵² реки Эрида, Лагмос, Телам, Термодонт.⁵³ Наряду с этим постоянными атрибутами «тавроскифских» областей являются известные Понт — Черное море, Боспор Киммерийский — Керченский пролив, Меотида — Азовское море, Гирканское море — Каспийское море, Танаис — Дон и даже Сиака — Сиваш.⁵⁴ Еще более конкретны непосредственные свидетельства о животном мире русских лесов и рек, они тоже имеют легендарную или сказочную окраску. Наряду с рассказами об экзотическом пиршественном столе, украшенном вяленой рыбой, черной и красной икрой с Дона⁵⁵ сообщается об именовании жителями Сугдеи (Сурожа) и Херсона крымской рыбы «берзитикой»,⁵⁶ в чем отражено предание о хазарской Берзилии.⁵⁷ Неоднократно упоминается и о белых зайцах России, мех которых импортировался в Византию;⁵⁸ называется и дикий обитатель «тавроскифских» земель зубр;⁵⁹ известен, очевид-

⁵² Цец. Комм. Лик., 1287.

⁵³ Цец. Комм. Лик., 1333; ср.: *Евст. Сол.*, Комм. Од., 1967. 31 и сл. (XXIV.465); *Н. Вл.*, 459.25 и сл.; 464.15 и сл.

⁵⁴ *Ф. Пр.*, Речи., 538.21—22; *М. Сол.*, 152.1; *Ф. Пр.*, И. Ст., XVIII.56; *Цец. Комм. Лик.*, 1288.

⁵⁵ *Евст. Сол.*, Соч., 231.3.

⁵⁶ *Цец. Ист.*, XIII.85.

⁵⁷ См.: *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica...* Bd. 2, S. 89.

⁵⁸ *М. Хон.*, II.356.1—6; *Евст. Сол.*, Соч., 231.5—8.

⁵⁹ *Н. Хон.*, Ист., 333.52.

но, и морж, изделия из кости которого описывает Цец.⁶⁰ Интересно, что в то время как информацию об областном делении Руси доносят в основном источники из церковной среды, материалы о животных, рыбах, речных и морских путях связаны с фактами торговых русско-византийских отношений.

Узлом этих связей были Крым и Приазовье, где находились владения как Византийской империи, так и русских князей. Установлено,⁶¹ что в конце XII в. в землях Боспора Киммерийского действовал византийский податный сборщик,⁶² в Керчи был византийский наместник.⁶³ Таким образом, Византия имела в Крыму свои территории (помимо Херсона-Херсонеса), возможно, близкие к крымским фемам более раннего времени.⁶⁴ На протяжении всего рассматриваемого периода встречаются сообщения о функционировании крымских церковных епархий Константинополь-

⁶⁰ Цец. Пис., 119.6 и сл.

⁶¹ Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963, с. 96 и сл.

⁶² М. Хон., I. 321.5; II.5.11.

⁶³ Н. Вас., Энк. Адр. Комн., 80 и сл.; Г. Торн. рит., Пис., 425.19—24; ср.: Цец. Ямб., 139.151 — рукописное чтение — *ματράχων* (Paris. gr. 2750, Monac. gr. 338, Cantabrigien. gr. 1127 (Ee VI 35), Laurent. gr. Plut. LXIX, 14.)

⁶⁴ Ср.: Бибиков М. В. Новые данные Тактикона Икономидиса о Северном Причерноморье и русско-византийских отношениях. — В кн.: Древнейшие государства на территории СССР, 1975. М., 1976.

ского патриархата — Сугдеи, Фуллы, Готии, Херсона, Хазарии, Боспора, Сугдофуллы.⁶⁵

Вместе с тем в византийских памятниках этого времени сообщается о русских (?) купцах, спешащих в Солунь из Крима,⁶⁶ а по императорским актам второй половины XII в. итальянским купцам не гарантируется свобода и безопасность торговли в районе Крима и Приазовья.⁶⁷ К середине XIII в. уже сообщается о набегах и владениях «скифов» в крымских городах, т. е. половцев или татар.⁶⁸ Таким образом, Крым и соседние с ним земли представляли собой своеобразную часть русской земли, подвластность которой тем или другим правителям постоянно оказывалась исторической проблемой. Однако важно, что здесь происходили непосредственные контакты русских с византийцами — церковные, торговые, политические. В данной связи уместно поставить вопрос о месте Руси и Византии в международных отношениях средневекового мира.

⁶⁵ Ман., *Сар.*, 275.26; *Нил Докс.*, 1105 ВС. 1109; *Сп. еп.* 594; ср.: *Н. Мес.*, *Сообщ.*, 9.27; *Н. Мес.*, *Диал.*, 24.34; *Цец. Ист.*, III. 220 и сл.

⁶⁶ *Тим.*, 127.

⁶⁷ *Акт. Ис.*, 35.26 и сл.

⁶⁸ *Ф. Ал.*, 5.

Глава 2

ВИЗАНТИЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ О МЕСТЕ РУСИ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Проблемы русско-византийских отношений в XII—первой половине XIII в.

В историографии проблема русско-византийских отношений долгое время рассматривалась в рамках вопроса о месте Руси в византийской иерархии государств, так как в соответствии с определениями политической доктрины Византии все неромейские, «варварские», народы занимали подчиненное положение по отношению к Империи, где василевс представлялся единственным владыкой ойкумены.¹ Поэтому Русь XI—XIII вв. рассматривалась Г. Вернадским, М. Д. Приселковым как орудие Византии против степи: взаимоотношения двух государств определялись в это время византийскими мероприятиями по организации «русского фронта» против печенегов, торков и половцев.² В новейшей модификации та-

¹ Ostrogorsky G. Die byzantinische Staatenhierarchie. — Seminarium Kondacovianum, 1936. Т. 8; ср.: Dolger F. Byzanz und die Europäische Staatenwelt. Ettal, 1953.

² Vernadsky G. Relations byzantino-russes au XIIe siècle. — Byzantion, 1927—1929. Т. 4; Приселков М. Д. Русско-византийские отношения в IX—XII вв. — Вестник древней истории, 1939, № 3, с. 100; ср.: Vasiliev A. Was old

кого представления Д. Оболенского, поставившего вопрос, как византийская теория всеобщей гегемонии могла ужиться с идеей политического суверенитета русских князей, Русь занимает место в иерархии «Византийского содружества наций».³ Введенное английским византинистом, такое понимание «федеративного» объединения вокруг Византии государств, автономных подданных империи, призванных охранять ее границы взамен на имперское покровительство, привилегии, субсидии и дарование права самоуправления, прилагается к изучению русско-византийских отношений. Признавая невозможность политической зависимости Руси от Византии вследствие географического (удаленность), внешнеполитического (монголо-татарское завоевание Руси) и военного (могущество русских князей и ослабление Византии) факторов, Д. Оболенский утверждает положение о признании на Руси византийского василевса верховной главой христианского «содружества наций», отсюда — его статуса верховенства над Русью.

Однако еще В. Г. Васильевский доказал сложность и взаимообусловленность внешнеполитических контактов Руси и Византии на фоне комплекса факторов международной жизни Европы

Russia a Vassal State of Byzantium? — *Speculum*, 1932. Vol. 7, № 3.

³ Оболенский Д. Связи между Византией и Русью в XI—XV вв. В кн.: Докл. на XIII Междунар. конгр. ист. наук. М., 1970, с. 5 и сл.; *Obolensky D. The Byzantine Commonwealth...* London, 1971, p. 164 sq.

ХII в.⁴ В. Мошин показал на примере афонского Русского монастыря активность вмешательства русских князей в события международной жизни Юго-Восточной Европы, самостоятельность их политики по отношению к Византии.⁵ М. В. Левченко пошел еще дальше, поставив в ряде случаев внешнеполитическую деятельность Византии в зависимость от политики Руси.⁶ В других случаях подчеркивается дифференцированность и избирательность внешнеполитических отношений различных русских княжеств в ХII—ХIII вв. с Византией; при этом политическая концепция автономии Руси выражала реальное положение дел.⁷ В последнее время в нашей науке поставлен вопрос о комплексе факторов, определяющих внешнеполитическое положение Руси по отношению к Византии. В. Т. Пашуто, а затем Г. Г. Литаврин и В. Л. Янин,⁸ рассмотрев эволюцию русско-ви-

⁴ Васильевский В. Г. Из истории Византии в ХII в. — В кн.: *Васильевский В. Г. Труды*. Л., 1930, т. 4, с. 43 и сл.

⁵ Мошин В. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в IX—ХII вв. — *Byzantinoslavica*, 1947, т. 9, p. 55 sq.; 1950, т. 11, p. 32 sq.

⁶ Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 494 и сл.

⁷ О месте Древней Руси в византийских концепциях мирового политического устройства подробнее см.: *Acta Poloniae historica*, 1970, т. 22, p. 50—51.

⁸ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 57 и сл., 186 и сл.; Литаврин Г. Г., Янин В. Л. Некоторые проблемы русско-византийских отношений в IX—ХV вв. — *История СССР*, 1970, № 4, с. 34, 53.

зантийских отношений, пришли к выводу о наступательном, активном характере политики Руси в борьбе за экономические и торговые привилегии, установление регулярных политических контактов, признания себя на международной арене; общий путь развития отношений шел от военных, политических и экономических столкновений и союзов в область культурного и церковно-идеологического взаимодействия. Внешнеполитические события анализируются при этом не односторонне; так, при отмечаемом ослаблении власти Руси в Крыму и Приазовье указывается одновременно на упрочение ее влияния в междуречье Днестра и Сирета, в нижнем Подунавье в связи с рядом вопросов византийской и степной политики. Подчеркивается, что изменения в характере межгосударственных отношений обусловлены не внешнеполитическими факторами — латинским завоеванием Константинополя и монголо-татарским нашествием на Русь, но внутренним развитием Руси: она «выросла», и вместе с тем дальнейшие пути ее уже многих центров разошлись. Таким образом, был поставлен вопрос о месте Руси в системе средневекового мира, о международном значении Древнерусского государства. Проблема, рассматривавшаяся некогда в сфере сюжетов о византийском влиянии и гегемонии, перешла в новую плоскость изучения.

Поэтому необходимо рассмотреть поставленную проблему в свете наших источников. Анализируя воззрения византийцев на место Древней

Руси в средневековом мире, можно установить несколько уровней оценки.

Первый из них — традиционная оппозиция ромеев и «варваров». Русь, наследница «скифского» прошлого, не входящая в пределы империи, рассматривалась в аспекте этой позиции.⁹ Причем, помимо нейтрально-технического значения понятия «варвар» (как не-эллин), можно обнаружить и оценочно-отрицательное: так, поддерживается еврипидовское представление о жестокости «тавроскифов», убивающих чужестранцев,¹⁰ их нечестии, богоборстве;¹¹ об императоре Андронике Комнине замечается, что страсть к кровавым зверствам он обрел во время странствий¹² среди «варваров», в чем можно видеть намек на пребывание Андроника на Руси и Кавказе.

Однако наряду с этим традиционным, окрашенным оттенками литературных античных реминисценций уровнем в наших памятниках зафиксирован и другой вид воззрения: Русь оказывается важнейшим элементом христианского мира. «Христианнейшим» назван русский народ, борющийся с половецкими ордами;¹³ Русь и связанные с ней народы — оплот православия перед

⁹ Н. Хон., Ист., 129.28 и сл.; 347.39—40; Кинн., 232.4—5.

¹⁰ Н. Хон., Ист., 312.2—4; Н. Вас., Облич., 291 и сл.; М. Хон., I.215.10.

¹¹ Н. Вас., Облич., 286 и сл., 296 и сл.

¹² Н. Хон., Ист., 353.25 и сл.

¹³ Н. Хон., Ист., 522.28.

лицом латинского Запада.¹⁴ Оппозиция «варвары» — «не-варвары» обретает на этом уровне конфессиональный характер: «варвары» — «христиане». Хронологически в византийских источниках укрепление отмечаемого представления о Руси наблюдается с конца XII—начала XIII в. Участие иерархов Руси в церковных соборах, посольства и паломничества в Византию, деятельность Русского афонского монастыря¹⁵ — реальное подтверждение таких воззрений.

Наконец, третьим уровнем определения места Руси в структуре современного общества, по византийским источникам, оказывается прямое сопоставление внутренних общественно-политических систем Руси и Византии, замечаемое нашими авторами сходство процессов социального развития двух государств. Византийцы четко фиксируют наличие на Руси отдельных соперничающих княжеств; термины, обозначающие князей (ἡγεμών, οἱ...ἀρχικῶς προεδρεύοντες, ὁ διέπων, δυναστής, φύλαρχος, ἄρχων),¹⁶ соответствуют титулам, применимым к правителям других европейских государств — Венгерскому и Богемскому королевствам, Болгарскому царству, южнославянским государствам. Более того: Никита Хо-

¹⁴ *Герм.*; ср.: *И. Ап.*, 269.17—20; *Нил Докс.*, 1105—1106 С.

¹⁵ См.: *Акт. соб.*; *Терновский Ф.* Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в древней Руси. Киев, 1876, т. 2, с. 6 и сл. *Мошин В.* Русские на Афоне... с. 32 и сл.

¹⁶ *Кинн.*, 236.20, 23; 115.19; 232.5, 6—7; 235.4.

ниат повествует о разразившейся к началу XIII в. братоубийственной резне, в которой Роман Галицкий разбил «правителя Киева» Рюрика. Еще раз вспоминает он об усобицах среди «тавроскифских» династов в связи с рассказом о борьбе между сыновьями Стефана Немани в Сербии. Политическая раздробленность и внутренняя борьба отмечаются, помимо «тавроскифов» и «далматов», у сельджуков, венгров и многих других народов, причем источником такого процесса, охватившего мир, считается государство ромеев: «Так, пример братоубийства, показанный в Царьграде, сделался как бы образцом, моделью или даже общим правилом для всех воинов земли; так что не только персидские, тавроскифские, далматские, как теперь или несколько позже паннонские государи, но и владетельные лица разных других народов, обнажив мечи против единокровных родственников, наполнили свои отчества убийствами и мятежами» (532.14—20).

Таким образом, определение нескольких уровней отношения к Руси в византийских памятниках позволило выделить представление о сопоставимости общественно-политических процессов на Руси и в других государствах средневекового мира. Значительное место феодальной Руси в структуре международных отношений в Европе XII—начала XIII в. подчеркнуто и византийскими авторами того времени.

В историографии имеется представление об ослаблении русско-византийских конфликтов в XII в. (особенно к концу): отсутствие прямых военных столк-

новений, внешнеполитическая опасность для каждой из сторон (кочевники и латиняне) обусловили как будто бы ослабление вплоть до прекращения этих связей, не зафиксированных источниками.¹⁷ Прекращает существование наемный корпус византийской армии, составленный из русских, вытесненных скандинавами.¹⁸ Ничего не известно о Русском монастыре на Афоне с последней трети XII в. и т. д.

На первый взгляд, действительно, материала о «русах» в рассматриваемых источниках не так много,¹⁹ нет и таких ярких памятников, как русско-византийские договоры X в. Однако если учесть те особенности византийских памятников, о которых говорилось выше, то данных по интересующей нас теме можно получить значительно больше. Это прежде всего касается внешнеполитических, военных и посольских отношений.

Международные договоры, документы посольств, переписка восточных патриархов с главой римской церкви, монастырские акты XII—XIII вв. дают интересные сведения для изучения истории политических, торговых, церковных и других контактов Византии как со своими непосредственными соседями, так и с более отдаленными странами.

¹⁷ Мошин В. Русские на Афоне..., с. 32.

¹⁸ Левченко М. В. Указ. соч., с. 425.

¹⁹ Ср. данные нумизматики об уменьшении кладов византийских монет в XII в.: Кротошкин В. В. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962.

В настоящий момент представляется необходимым рассмотреть внимательно, какова же та документальная база, на которой следует основываться исследователям истории русско-византийских отношений указанного периода. С самого начала изучение материалов византийских актов по истории народов Восточной Европы — Руси и ее соседей — сталкивается с рядом проблем. Трудности возникают не только в связи с данными, не привлекавшимися ранее специалистами, но и при критическом рассмотрении актов, хорошо известных и давно используемых в литературе.

До нас не дошло ни единого оригинального текста византийских императорских актов рассматриваемого периода, связанных непосредственно с русско-византийскими отношениями. Все, что мы знаем по греческим источникам о посланиях византийцев на Русь, — это договоры, которые упоминаются Киннамом в рассказе о посольстве Мануила Комнина на Русь около 1165 г.²⁰ (об одном из посольств к киевскому князю Ростиславу сообщает и Ипатьевская летопись).²¹ Каковы были последствия обращений Константинополя к киевскому и галицкому князьям? Посольство Мануила в Галичину связывается с попыткой вернуть бежавшего туда из Византии Андроника Комнина: в связи с этим воз-

²⁰ *Кинн.*, 232.3; 235.1; см.: *Dolger F. Regesten...* Bd. 2, № 1459.

²¹ Полное собрание русских летописей, т. 2, стб. 524.

никает вопрос, точна ли недавняя передатировка начала пребывания последнего на Руси?²² О намерениях Андроника, о реальном состоянии галицко-венгерских отношений, об участии Ростислава в войне в союзе с Византией из приведенных документов мы конкретно ничего не знаем. А выяснение этих вопросов важно для определения, распространялось ли в это время на галицких князей понятие ἀνὴρ ὑπόσπονδος империи ромеев, что засвидетельствовано Киннамом в рассказе о браке в 1404 г. дочери Володаря Ростиславича с сыном Алексея I Комнина.²³ Большой проблемой представляется и определение самого понятия ἀνὴρ ὑπόσπονδος. Здесь нам важно уловить суть и особенность вассальных связей в это время, отказавшись от современных представлений о функциях верховной власти, о сущности положения зависимости в новое время и т. п., для чего следует привлечь и известные синхронные данные по Болгарии (Г. Г. Литаврин), Южной Италии (В. Фалькенхаузен), Армении.²⁴ Далее, тот факт, что византийский император вел переговоры с галицким и киевским князьями отдельно, не подтверждает предположения М. Д. Приселкова о непонимании в Константи-

²² О передатировке событий см. в сб. статей: Byzantinistische Beiträge. Berlin, 1964, S. 336.

²³ Кинн., 115.18—19.

²⁴ Von Falkenhausen V. Untersuchungen über die byzantinische Herrschaft in Süditalien von 9. bis ins 11. Jh. Wiesbaden, 1967, S. 23; Литаврин Г. Г. Болгария и Византия... с. 256 и сл.

нополе сложившейся на Руси ситуации и об отсутствии учета ее в политической практике Византии.²⁵ Договор же с Ростиславом о поставлении киевских митрополитов интересно сопоставить с немного более ранним по времени делом новгородского епископа Нифонта и действиями владими́ро-суздальских князей по установлению митрополии во Владимире.²⁶

Русь фигурирует и в документах переговоров византийского императора Иоанна II Комнина с германским королем Конрадом III, известных по латинским источникам.²⁷ Попытки Конрада столкнуть Иоанна с Русью можно понять, если учесть развитие византийско-германских отношений в 30—40-х гг. XII в., желание Византии привлечь на свою сторону Лотара II в противовес Роже Сицилийскому и дальнейшие контакты с Конрадом III. Поэтому послание Иоанна II Комнина 1142 г., содержащее сведения о Руси,²⁸ следует рассматривать в комплексе с документами византийско-германских переговоров, начиная с лета 1135 г. и вплоть до 1142 г., принимая во внимание посольство к Лотару II в Мерзебург, сватовство Мануила Комнина (будущего василев-

²⁵ Приселков М. Д. Указ. соч., с. 98—106.

²⁶ Grumel V. Les Regestes des actes du Patriarcat de Constantinople. Paris, 1947, vol. 1, f. 3, p. 98—99, № 1027 etc.

²⁷ Otto episc. Frisingens. Gesta Friderici I Imperatoris. — Monumenta Germaniae Historica Scriptores, vol. 20, 364.25.

²⁸ Dolger F. Regesten... Bd. 2, № 1322.

са) к немецкой принцессе в послании к Конраду III 1140 г. и другие события.

Упоминание «России» (Руси?) в договорах византийских василевсов с генуэзцами 1169 и 1192 гг.²⁹ давно вошло в научный оборот. Тем не менее толкование этого места в договоре остается спорным. Реальная ситуация византийско-генуэзских отношений может несколько проясниться при сравнительном изучении латинского перевода несохранившегося греческого текста договора 1169 г., греческого текста подтверждения Иоанна, а также при сопоставлении с другими византийскими актами, относящимися к Генуе. Попытаться же решить вопрос о причинах запрета торговли в пределах Ῥωσσίας καὶ τῶν Ματράχων,³⁰ думается, можно, исходя из контекста документа. Не следует ли связать этот пункт договора с непосредственно ему предшествующим — об императорской опеке торговой деятельности итальянских купцов. Тогда рассматриваемое место следует понимать не как запрет торговать на указанной территории, а лишь как ограничение в данном случае распространения византийской опеки на земле Руси (?) и Северного Причерноморья (кстати, проблему локализации топонимов в документе нельзя считать ре-

²⁹ *Zachariae a Lingenthal. Jus Graeco-Romanum. Paris, 1857, p. III, p. 493—497; Miklosich F., Muller J. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1865, Bd. 3, S. 35.26—34.*

³⁰ *Miklosich F., Muller J. Op. cit., S. 35.32.*

шенной). Действительно, объяснение запрета факторами общего порядка политики и торговли³¹ встречает возражение в данных хрисовула Алексея III 1198 г.³² Это еще один акт, содержащий сведения о Северном Причерноморье. Византийский император возобновляет привилегии Исаака Ангела венецианцам. В числе земель, где им предоставлено право торговли, упомянут и Херсон. Греческий текст акта не дошел; мы располагаем латинской версией и свидетельствами западноевропейских хроник о нем.³³

Почти все акты константинопольского патриаршества, имеющие отношение к Руси, известны нам по русским источникам: это послания 1149 г. Николая IV Музалона новгородскому епископу Нифонту (датировка по В. Грюмелю), императора Мануила I — князю Юрию Долгорукому (видимо, связано с церковными проблемами), послания патриарха Луки Хрисоверга на Русь,³⁴ а также

³¹ Левченко М. В. Указ. соч., с. 436; Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес XII—XIV вв. — МИА, 1950, 17, с. 27; ср.: *Danstrup J. Manuels' I Coup against Genoa and Venice in the Light of Byzantine Commercial Policy.* — *Classica et Mediaevalia*, 1949, t. 10, p. 205.

³² *Zachariae a Lingenthal. Jus...*, Bd. 3, S. 553—565; См.: *Dölger F. Regesten...* Bd. 2, № 1647.

³³ *Marin C. A. Storia civile e politica del commercio dii Veneziani.* Venezia, 1800, vol. III, p. 310—327; *Tafel G. L. F., Thomas G. M. Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig.* Wien, 1856, Bd. 1, S. 248—278.

³⁴ См.: *Grumel V. Op. cit.*, vol. 1, f. 3, № 1027, 1050—1053 etc.; *Dölger F. Regesten...* Bd. 2, № 1406.

ссылки хроник и документов на акты, подлинность которых, однако, маловероятна: утверждение Константина в качестве митрополита киевского в начале 1157 г., определения против еретика Мартина 1157 г., благословение Луки Хрисоверга одобрения василевсом Мануилом Комниным праздника, установленного Андреем Боголюбским в связи с победой над камскими болгарами Руси и «персами» Византии (около 1163—1164 гг.) и др. Всего насчитывается более десяти посланий.³⁵ Исключение составляют лишь определение собора 26 января 1156 г., созванного по инициативе и в интересах митрополита Константина перед его отъездом на Русь (имеется греческий текст),³⁶ свидетельство, видимо, о русских посланиях никейского патриарха Мануила Сарандина Иоанну Апокавку в феврале 1222 г. (издание — по тексту греческой рукописи ГПБ 250)³⁷ и неопубликованное послание патриарха Германа II кардиналам от 1232 г., известное в четырех списках.³⁸ В последнем среди указываемых православных народов упоминаются иверийцы, авасги, аланы, «аласты», готы, хазары и

³⁵ *Grumel V.* Op. cit., vol. 1, f. 3, № 1040, 1046—1047, 1054, 1056 etc.

³⁶ *Mai A.* Specilegium Romanum. Rome, 1844, vol. 10.1, p. 16—25 (*Migne J.-P.* Patrologiae cursus completus, Series Graeca, t. 140, coll. 148—154).

³⁷ *Ман.*, Cap., 268—269; *Laurent V.* Les Regestes des actes du patriarcat de Constantinople. Paris, 1970, vol. 1, f. 4, № 1230.

³⁸ *Герм.*; *Laurent V.* Op. cit., vol. 1, f. 4, № 1256.

«бесчисленная» «из тысяч народностей» Русь. Здесь необходимо привлечение других материалов деятельности патриаршей канцелярии. Так, например, значение послания Германа II кардиналам определяется при рассмотрении этого документа вместе с другими византийскими актами, связанными с переговорами с Римом в первой половине XIII в.³⁹

При изучении патриарших грамот возникают существенные трудности дипломатического характера. Так, до сих пор не разработаны формуляры византийских патриарших грамот (как это сделано в отношении императорских посланий). Решать эту проблему также приходится наряду с непосредственными занятиями по нашей теме.

Иногда проблематичным является и само содержание документа. Это относится хотя бы к известному в русской версии посланию Германа II митрополиту Кириллу 1228 г.:⁴⁰ «неожиданность» тематики этого документа можно объяснить соединением двух (или больше) различных актов (попутно встает проблема их подлинности) в одно послание.

Для выявления нового материала необходимо обратиться к тем свидетельствам, где нет прямого

³⁹ См. ряд актов Мануила I Сарандина от 1219 г. См.: Бибиков М. В. К изучению материалов византийских актов XII—первой половины XIII в. по истории народов, населявших территорию СССР. — В кн.: Проблемы социально-экономической и политической истории СССР. М., 1975, с. 150—151.

⁴⁰ Laurent V. Op. cit., vol. 1, f. 4, № 1247.

упоминания русских или «тавроскифов»: памятуя о византийской приверженности заменять термин описанием, можно понять значение многих важных для нас текстов. Так, анализ речи Михаила-ритора — племянника (или близкого человека) солунского митрополита — показал, что за неопределенными намеками памятника можно уловить отражение сложной военно-политической борьбы в Центральной и Юго-Восточной Европе в начале 50-х гг. XII в.⁴¹ Михаил-ритор сообщает, что после разгрома «даков» василевс двинулся на «гепидов»; перейдя Дунай, предал «Паннонию» огню, после чего сатрап «гепидов» бежал. Здесь речь идет о победе императора Мануила I над венгерским королем в 1151 г. после разгрома сербов. Далее говорится, что эхо этой победы дошло до сицилийцев и «тавроскифов», причем «северный» от шума молвы тяжело повесил голову.⁴² Отождествление «тавроскифов» с русскими позволяет видеть в «северном» русского князя, возможно Юрия Долгорукого, союзника Мануила; данные же речи в целом позволяют предположительно говорить о состоявшемся или готовившемся походе около 1152 г. византийских войск в северное Приазовье (может быть, против половцев или Изяслава).

Подобным образом можно выявить еще некоторые свидетельства византийских источников о

⁴¹ Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 235—236.

⁴² М. Сол., 142.7—14.

возможных посольствах русских в Византию. Так, Евстафий Солунский в энкомии Мануила Комнину повествует о народах, некогда агрессивных, теперь же усмирённых: они приезжают в Византию, даже переселяются на жительство — «агаряне» (турки), «скифы» (кочевники), «пеонцы» (венгры), обитающие за Истром (население Подунавья), и те, кого овеивает только северный ветер.⁴³ В соответствии с географическими представлениями о делении зон земли по направлениям различных ветров, народом, находящимся под северным ветром, являются «тавроскифы», т. е. русские.⁴⁴ И Евстафий рассказывает о сильном впечатлении, произведённом Мануилом на иностранцев.

В другой речи Евстафия, написанной, вероятно, после 1173 г., ритор, восхваляя военные успехи императора, образно говорит о подчинённых и зависимых народах как элементах украшения царства Мануила. Упоминая поработённых далматов, пеонцев и скифов, он указывает и на северных, также покорённых, соседей их.⁴⁵ Это может относиться и к галицкому князю: о Владимире Галицком Киннам говорит как о подвластном союзнике Мануила в начале 50-х гг. (115.18—19). Евстафий в речи сообщает и о посольствах в Константинополь с самого края земли (95.15 и сл.); эхо побед Мануила достигает «се-

⁴³ *Евст. Сол.*, Соч., 200.65.

⁴⁴ *Цец. Ист.*, XII. 896 и сл.

⁴⁵ *Евст. Сол.*, Речи., 94.30.

вера» (103.31 и сл.) В этих словах также скрыт намек на Русь.

Еще в одном слове к Мануилу, произнесенном между 1174 и 1178 гг.,⁴⁶ Евстафий с удивлением восклицает по поводу посольства к Мануилу архонта из «северных» по отношению к «Пеонии» (Венгрии) земель, ничуть не меньших ее. Речь опять-таки идет, вероятно, о Галицком княжестве. В этом акте панегирист видит признание верховной супрематии византийского василевса над другими властителями.

Наконец, среди народов, перечисленных в речи по поводу прибытия в столицу царственной невесты из «Франкии» (имеется в виду свадьба Алексея II — сына Мануила с Анной-Агнесой, дочерью французского короля Людовика VII, в 1179 г.), упомянуты и «северные»: в свете наших данных — русские.⁴⁷

Намек на русское посольство можно предположить и во «Взятии Солуни» Евстафия, где сообщается о посланниках «германского филарха» (Филиппа II Французского), «аламанского властителя» (Фридриха I Барбароссы), «посланника Марка» (Конрада Монферратского), «угорского короля» (Белы III), а также другого сильного соседа последнего,⁴⁸ — возможно, галицкого князя.

⁴⁶ *Евст. Сол.*, Речи, 40.13—15.

⁴⁷ *Евст. Сол.*, Речи, 81.9.

⁴⁸ *Евст. Сол.*, Взят., 56.25—30.

Определенную информацию дает нам и речь Михаила-ритора — племянника (или близкого человека) митрополита Анхиала, где отражены внешнеполитические события империи в конце 50—начале 60-х гг. Описывая успехи Мануила в отношениях с Балдуином III Иерусалимским, с Кылич-Арсланом II и др., ритор говорит о том, что одна только молва устрашает «северного», как и «внутреннего северного».⁴⁹ Вероятно, здесь содержится намек на Венгрию и Русь, местоположение которых соответствует византийским представлениям о направлении сторон света.

Возможно, тот же смысл содержится и в сообщении одного из стихов продромовского Манганского цикла о власти Мануила над «Бореем».⁵⁰

О посольстве «скифа» в Константинополь после свержения Андроника Комнина (1185) сообщает и Михаил Хониат.⁵¹ Поскольку земли Приазовья в этом произведении им называются «гиперборейскими», «киммерийскими», «скифской пустыней» (321.5 и сл.), не исключено, что и здесь речь идет о Руси. «Север» и «Скифия» синонимичны «Тавроскифии» (II.151.14—23).

О посланнике из «северных климатов», о власти василевса над «северными климатами» сообщает и Николай Месарит.⁵² А. Васильев видит здесь Трапезунд,⁵³ однако, как правило, в визан-

⁴⁹ М. Анх., 191.156—158.

⁵⁰ Ф. Пр., Манг., 342.7.

⁵¹ М. Хон., I.323.3 и сл.

⁵² Н. Мес., Сообщ., 11.7—16.

⁵³ Vasillev A. Mesarites as a Source. — *Speculum*, 1938, t. 13, № 2, p. 181.

тийских источниках «северными климатами» называется Крым.⁵⁴

Однако во второй половине XII—начале XIII в. русско-византийские отношения не ограничивались, видимо, посольскими связями. Дело, возможно, доходило и до прямых военных столкновений. Так, по сообщению Николая Месарита, участники мятежа Иоанна Комнина 1201 г. требовали, чтобы ромеев не побеждали ни «скиф», ни «болгарин», ни «тавроскиф», ни другие «варвары».⁵⁵ А. Гейзенберг видит в «тавроскифах» куманов,⁵⁶ но, возможно, речь идет о русских, называемых обычно «тавроскифами». Во всяком случае из речи Никиты Хониата мы знаем об участии «тавроскифов» — бродников — в борьбе болгар против Византии.⁵⁷

Итак, если полученные сведения прибавить к уже известным и использовавшимся многочисленным данным о военных экспедициях, посольствах и брачных связях, русских паломниках и византийцах, отправлявшихся на Русь, актах, упоминаемых в различных нарративных источниках, касающихся русско-византийских связей,⁵⁸ то получится картина интересных взаимоотношений древнерусских княжеств с Византией в продолжении всего XII и начала XIII в. Конеч-

⁵⁴ М. Хон., II.5.5—7.

⁵⁵ Н. Мес., Речь., 21.11—15.

⁵⁶ Н. Мес., Речь., р. 58.

⁵⁷ Н. Хон., Речи., 93.18 и сл.

⁵⁸ Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 57 и сл., 186 и сл.; Бибииков М. В. К изучению материалов... с. 144 и сл.

но, необходима конкретизация и уточнение полученных данных; но можно сказать, что политические связи двух государств не ослабевали в XII в., как считалось ранее.

Однако специалисты, усматривая ослабление этих контактов, обращались к истории экспатриальных групп русских — наемного корпуса в Византии и афонского Русского монастыря, показывая прекращение существования первого и единичное количество данных XII—XIII вв. (лишь два акта) о втором. Поэтому необходимо специально остановиться на этих вопросах, исследуя данные афонских актов. При этом мы обратимся и к более ранним документам.

Глава 3

АФОНСКИЕ АКТЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ВОЕННОГО КОРПУСА В ВИЗАНТИИ

Большое значение греческих документов Афона для византиноведения общеизвестно. Однако афонские акты содержат важные материалы, относящиеся к истории и соседних с Византией, и более отдаленных государств и народов на территории Болгарии, Сербии, Румынии, Руси и Кавказа. Это объясняется как постоянными связями Афона с ними, так и наличием на Афоне русского (Ксилурга, затем — св. Пантелеимона),

сербского (Хиландарский), болгарского (Зографский) и грузинского (Ивирский) монастырей.

Полное издание афонских документов к настоящему времени еще не завершено. Первые выборочные издания актов появились в середине XIX в. в работах Порф. Успенского.¹ Начало сводным публикациям архивов Афона было положено также русскими византистами: в 1873 г. в Киеве были опубликованы акты Русского монастыря.² К изучению привлечены как греческие, так и сербские, русские, валашские и другие грамоты монастырского архива. Текст актов на языке оригинала сопровождается русским переводом и заключается небольшими примечаниями, относящимися к чтением издателей либо к реалиям. Для своего времени такого рода труд был значительным; но принцип издания определен уровнем развития дипломатики и византиноведения того периода.³

¹ *Порфирий [Успенский], епископ.* Восток христианский. История Афона. Киев, 1877. Т. 3; *Он же.* Восток христианский: Второе путешествие по св. горе Афонской. М., 1880.

² Акты Русского на св. Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеимона. Киев, 1873.

³ Прежде всего дипломатический принцип издания (акты интересующего нас периода публикуются преимущественно по оригиналам) не выдержан, что можно обнаружить не только при сравнении текста публикации с двумя приложенными фотоснимками (Акт. Росс., 6 и Акт. Росс., 19), но и анализируя, например, формуляры некоторых документов. В отдельных случаях греческие собственные имена употребляются на русский лад (Акт. Росс., 4, 9; 5, 39). В середину текста акта, издаваемого по

В конце XIX—начале XX в. работа по изданию и изучению афонских актов продолжалась как в русском, так и в немецком центрах византиноведения того времени.⁴ В России систематическая публикация афонских архивов началась в начале XX в. В приложениях к «Византийскому временнику» были изданы акты шести афонских монастырей, что составило серию «Акты Афона» (*Actes de l'Athos*). Работа носила интер-

подлиннику, вставляются дополнения, взятые из более поздней копии (Акт. Росс., 3). С другой стороны, вызывают недоверие издателей слова текста подлинника, не подтвержденные в поздних копиях (Акт. Росс., 5, 65—66). Многочисленные ошибки в чтении греческого текста издателями очевидны. Поразительно и фантастическое толкование некоторых реалий (в частности, о византийских монетах). Встречаются и другие ошибки: неправильный перевод дат на современное летосчисление, путаница в византийской титулатуре и должностях, беспомощный нумизматический комментарий и т. д. К настоящему времени уточнены и некоторые датировки (например, Акт. Росс., 19). Конечно, в последней четверти XX в. легко критиковать первые опыты такой работы более чем столетней давности, однако важно сейчас иметь четкое представление о недостатках этого труда не только потому, что пока он является единственной сводной публикацией актов Русского монастыря, но и в связи с тем, что ошибки издателей повторяются даже в новых специальных работах по истории Русского монастыря на Афоне.

⁴ Например: *Флоринский Т.* Афонские акты и фотографии с них в собраниях П. И. Севастьянова. СПб., 1880; *Meyer Ph.* Haupturkunden für die Geschichte der Athoskloster. Leipzig, 1894; *Regel W.* Χρυσόβουλλα καὶ γράμματα τὰ τῆς ἐν τῷ Ἁγίῳ Ὄρει Ἁθῶν Ἱερᾶς καὶ σεβασμίας Μονῆς τοῦ Βατοπεδίου. St.-Ptb., 1898.

национальный характер: Л. Пти издал акты Ксенофонта,⁵ Пантократора,⁶ греческие акты Хиландаря,⁷ совместно с В. Регелем — акты Эсфигмена,⁸ В. Регель, Э. Курц и Б. Кораблев издали акты Зографа⁹ и Филофея.¹⁰ Греческому тексту в каждом томе предпослано введение, касающееся истории монастыря, его архивов, данных издаваемых актов. Затем изданием некоторых афонских актов занимались М. Гудас,¹¹ Х. Ктенас,¹² В. Мошин,¹³ а позже — Ф. Дэльгер.¹⁴

Новый этап археографического изучения афонских архивов связан с экспедицией фран-

⁵ Акт. Ксен.

⁶ Акт. Пант.

⁷ Акт. Хил.

⁸ *Petit L., Regel W. Actes d'Esphigménon.* — Византийский временник, 1906. Т. XII.

⁹ Акт. Зогр.

¹⁰ Акт. Фил.

¹¹ *Goudas M. Βυζαντιακὰ ἐγγραφα τῆς ἐν Ἄθῳ Ἱερᾶς Μονῆς τοῦ Βατοπεδίου.* — Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας τῶν Βυζαντινῶν Σπουδῶν, 1926, Т. 3, σ. 113—134; 1927, Т. 4, σ. 211—248.

¹² *Ktenas Ch. Χρυσόβουλλοι λόγοι τῆς ἐν Ἄθῳ Ἱερᾶς... Μονῆς τοῦ Δοχειαρίου.* — Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας τῶν Βυζαντινῶν Σπουδῶν, 1927, Т. 4, σ. 285—311; 1929, Т. 6.

¹³ *Мошин В.* Акты из светогорских архива. — Споменик Српске АН, № 91, Београд, 1939, с. 153—260; *Mošin V., Sovre A. Dodakti h grškim listinam Hilandarja.* Ljubljana, 1948.

¹⁴ *Dölger F. Aus Schatzkammern des Heiligen Berges.* München, 1948; *Idem. Sechs byzantinische Praktika des 14. Jh. für das Athoskloster Iberon.* — Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, N. F., München, 1949. Bd. 28.

цузских ученых во главе с Г. Мийе, сфотографировавших в 1919 г. большую часть актов Афона, на основании чего началась подготовка серии «Архивы Афона» («Archives de l'Athos»). После смерти Г. Мийе работу возглавил французский византинист П. Лемерль. Тома серии выпускаются в Париже, но все издание носит международный характер. В 1937 г. вышел первый том Ж. Руйара и П. Коллома, содержащий документы Лавры св. Афанасия со времени ее основания до конца XII в.¹⁵ Затем П. Лемерль издал акты Кутлумушского монастыря.¹⁶ Почти через 20 лет после выхода этого тома Ж. Бомпэром были опубликованы в III томе серии грамоты Ксиропотамского монастыря.¹⁷ Следующий том, подготовленный Н. Икономидисом, был посвящен актам монастыря Дионисия.¹⁸ Новые исследования и открытия вызвали необходимость переиздания первой части актов Лавры (акты 897—1204 гг.), что и было осуществлено в 1970 г. П. Лемерлем, А. Гийу и Н. Звороносом (при участии Д. Папахрисанфу).¹⁹ VI том «Архивов» составили документы Эсфигмена, выпущенные Ж. Лефором.²⁰ Последние до настоящего времени тома серии, подготовленные Д. Папахрисанфу и Н. Икономи-

¹⁵ Rouillard J., Collomp P. Actes de Lavra. Paris, 1937.

Т. 1.

¹⁶ Lemerle P. Actes de Kutlumus. Paris, 1945—1946.

¹⁷ Акт. Ксир.

¹⁸ Акт. Дион.

¹⁹ Акт. Лавр.

²⁰ Акт. Эсф.

дисом, содержат акты протата и Кастамонитского монастыря.²¹ Эти публикации, с одной стороны, дали медиевистам богатый материал для изучения ряда сложных социальных, правовых, историко-церковных и политических проблем, с другой — утверждали новые современные принципы публикации документов.²² «Архивы Афона» представляют собой издание дипломатическое и критическое: акты, сохранившиеся в оригинале, публикуются дипломатически; документы, дошедшие в копиях, известные по поздним картуляриям, издаются критически. Текст каждого документа снабжен комментариями, касающимися проблем хронологии, общего содержания и отдельных реалий акта, палеографического и кодикологического анализов рукописей, указывающих основную литературу. Полнота и подробность сведений комментариев в отдельных выпусках различна.²³ Во введении каждого тома исследуются история соответствующего монастыря, состояние его архивов, история их научного освоения; завершается том общим индексом (только первый том серии содержал дробный тематический индекс). К изданию текста всякий раз прилагается альбом фотографий актов.

²¹ Акт. Прот.; *Oikonomidès N. Actes de Kastamonitou*. Paris, 1978.

²² Règles à suivre pour l'édition des actes byzantins. — *Revue des Etudes Byzantines*, 1952, t. 10, p. 124—128.

²³ Например, досконален анализ грамот у Н. Икономидиса; аппарат нового издания актов Лавры не столь скрупулезен.

При всем стремлении издателей к полноте публикации с течением времени каждый выпуск серии оказывается в некоторых частях ущербным и требующим дополнений и даже переиздания, как это случилось с актами Лавры.²⁴ Конечно, за тридцать с лишним лет (со времени Акт. Лавр. РК) были сделаны исправления чтений текстов, вновь и вновь обследовано содержание лаврских грамот, изменены датировки, открыты или переизданы документы.²⁵ Но, главное, была проведена работа, приведшая к кардинальным изменениям представлений специалистов об архиве Лавры: А. Гийу и Ж. Бомпэр во время поездок на Афон в 1957 и 1958 гг. сфотографировали неизвестные Ж. Руйару и П. Коллону оригиналы и старые копии актов,²⁶ обнаружили и сфотографировали два лаврских картулярия: XVIII в. — Кирилла и 1803 г. — Феодорита,²⁷ а также рукописный ин-

²⁴ См.: Новое издание актов Лавры и его значение для византиноведения. — Византийский временник, 1973, т. 34, с. 32—34 и сл.

²⁵ Например: *Dolger F. Zur Textgestaltung der Laura-Urkunden und ihrer geschichtlichen Auswertung.* — *Byzantinische Zeitschrift*, 1939, Bd. 39, S. 23—66; *Guillou A. Actes de Laura I (Supplement).* — *Bulletin de Correspondance Hélienne*, 1957, vol. 81, p. 722—724.

²⁶ *Guillou A., Bompaire J. Recherches au Mont Athos.* — *Bulletin de Correspondance Hélienne*, 1958, vol. 82, p. 172—192; *Guillou A. Recherches au Mont Athos.* — *Bulletin de Correspondance Hélienne*, 1959, vol. 83, p. 553.

²⁷ *Guillou A. Les débuts de la diplomatie byzantine: Cyrille de Lavra.* — *Bulletin de Correspondance Hélienne*,

вентарь Пантелеимона 1944—1945 гг. архива Лавры. Все это привело к переизданию первого тома серии. Таким образом, издание «Архивов Афона» не только не замыкается на осуществленной некогда работе, но оказывается динамичным, развивающимся качественно, совершенствующим принципы научной обработки своих материалов.

Публикации афонских актов продолжаются. К настоящему времени вышло в свет лишь чуть больше четверти запланированных изданий «Архивов Афона». П. Лемерль, Д. Папахрисанфу, Н. Зворонос, А. Гийу готовят следующие тома документов Лавры. Грамоты Кастамонита издал Н. Икономидис.²⁸ Важную для нас новую публикацию актов Русского монастыря подготовили П. Лемерль и Ж. Дагрон. Над актами Ксенофонта и Пантократора работал ныне покойный В. Лоран. Э. Зизица и Н. Икономидис выпустят акты Дохиария, Ж. Бомпэр — монастыря Павла, Н. Иконодимис и Ж. Лефор — Ивирского монастыря, Ж. Бомпэр и Л. Мавроматис — Ватопеда, Ф. Баришич — Хиландаря, И. Дуйчев — Зографского монастыря. Все издание охватит около 1200 греческих документов Афона, свитки части которых достигают в длину нескольких метров.

vol. 82, p. 610—634; *Kourilas E.* Θεοδώρητος προηγούμενος Λαυριώτης ὁ κωδικωγράφος. — *Byzantinsche Zeitschrift*, 1951, Bd. 44, S. 343—346.

²⁸ *Olkonomidès N.* Actes de Kastamonitu. Paris, 1978.

Хронологически акты до начала XIII в. представляют собой древнейший пласт афонского архива. Для исследования данных греческих документов Афона этого времени по истории Руси, тюркских народностей, кавказцев и славянского населения Восточной Европы сейчас оказалось возможным привлечь в целом 120 актов.²⁹ Остальные относятся к более позднему времени (подчас со значительным временным разрывом). Особенностью афонского архива является полное отсутствие в монастырских архивах или единичное число документов XII в. Исключение составляют лишь фонды Лавры, насчитывающие с десяток грамот того времени. Мы ничего не знаем об актах Эсфигмена между 1095 и 1258—1259 гг., об актах XII в. Ксиропотама, Дионисия, Ксенофонта, Филофея; к самому концу XII в. относится несколько хиландарских актов, по 1—2 документам этого времени находится в остальных афонских монастырях.

Исследование материалов афонских актов по истории народов Южной и Центральной Европы, Кавказа и России имеет свою традицию.³⁰ Есте-

²⁹ Акт. Лавр., 1—69 (897—1196 гг.) + App. I—IV; Акт. Эсф., 1—5 (1034—1095 гг.); Акт. Ксир., 1—8 (956—ок. 1200 г.); Акт. Дион., 1 (1056 г.); Акт. Росс., 1—7, 19 (1030—1166 гг.); Акт. Хил., 1—5 (1009—1199 гг.); Акт. Ксен., 1 (1083 г.); Акт. Пант., 1 (1107 г.); Акт. Зогр., 1—5 (980—1142 гг.); Акт. Фил., 1 (1087 г.); Акт. Пр., 1—10 (883—1178/1179 гг.) и др.

³⁰ В имеющейся библиографии трудов об Афоне (*Bibliographie de la Sainte Montagne de l'Athos. — Millénaire*

ственным было давнее привлечение сведений этих документов о жителях Балканского полуострова — болгарях, сербах.³¹ Но на первых порах вопрос о византийских актах как источнике для изучения негреческого населения Европы еще не стал самостоятельной проблемой: упомянутые сюжеты рассматривались в рамках истории Византии (поэтому-то прежде всего обращалось внимание на территории Болгарии, Сербии, Подунавья, имевшие непосредственное к ней отношение). Не случайно ни один корпус византийских источников по истории народов Европы, выходящий со второй половины XIX в. до середины нашего столетия в России, Германии, Румынии, Венгрии,³² не включал данные актов Афона.

Не сразу оказала заметное влияние на науку и публикация актов афонского Русского монастыря. Порф. Успенский в специальных работах об Афоне относительно истории русских на Афоне использовал не столько древние акты, сколько сведения лаврского монаха Феодорита (начало XX в.), укореняя во многих случаях путаницу своего источника: например, датировка (1089 г.

de l' Athos, Chevetogne; Venezia, 1965, t. 2, p. 336—495) указано более 2500 работ. Сейчас целесообразно остановиться лишь на некоторых, специально посвященных рассматриваемой тематике.

³¹ Например, Васильевский В. Г. Труды. СПб., 1908, т. 1, с. 348 и сл. *Жиречек К., Радонић Ј.* Историја Срба. Београд, 1952, т. 1, с. 159—160; *Златарски В.* История на Българската държава през средните векове. София, 1972, т. 3, с. 348, 362 и сл.

вместо 1169 г.) передачи монастыря Пантелеимона русским.³² Бóльшая же часть сведений Порф. Успенского, видимо, исходила из данных его личного общения с афонскими монахами (например, уже утвердившаяся, как видно, к тому времени традиция возводить монастырь «Росси-кон» не к выходцам из Руси, а к жителям сербской России).

Специальные работы первой четверти XIX в. о Русском монастыре, его истории и месте на Афоне, протатские документы того времени представляли собой не столько дальнейшую разработку поставленных новыми публикациями и исследованиями проблем, сколько политические выступления, отказывающие русским в праве на существование на Афоне их обители ввиду отнесения «Россикона» к пришельцам из Сер-

³² Ган К. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. Тифлис, 1890. Ч. 2; Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899; Dieterich K. Byzantinische Quellen zur Länder- und Völkerkunde. Leipzig, 1912; Станојевић С., Норовић В. Одобрани извори за српску историју. Београд, 1921; Popa-Lisseanu G. Izvoarele istoriei Românilor. București, 1935—1939. Т. 1—15; Gyoni M. Magyarország és a magyarság a bizánci források tükrében. Budapest, 1938; Gombos A. Catalogus fontium historiae Hungaricae... Budapest, 1937—1943, Т. 1—4; Soyter G. Germanen und Deutsche im Urteil byzantinischer Historiker. Paderborn, 1953.

³³ Успенский П. История Афона, т. 3, отд. 2, с. 9 и сл.

бии.³⁴ Полемике с такого рода точкой зрения была посвящена статья А. В. Соловьева.³⁵ Цель его работы — доказать на основании опубликованных актов наличие издавна на Афоне русских, проследить историю «Россикона» как русского монастыря. Рассматривая с этой позиции изданные акты монастыря св. Пантелеимона, исследователь показывает противоречие выводов своих противников документальным данным. При этом А. В. Соловьев в ряде случаев исправил ошибочные датировки (Акт. Росс., 6), установил историю четырехкратных подтверждений акта о передаче русским монахам монастыря Солунца (иначе — св. Пантелеимона) по имеющимся на оригинале припискам (Акт. Росс., 7, 168—198), провел наблюдения над употребляемыми в актах этнонимами (имена Руси) и терминами. Однако анализ А. В. Соловьевым афонских актов исчерпывался поставленной целью работы и ее направленностью. Статья, озаглавленная «История Русского монастыря на Афоне», не затрагивает аспекты этой темы, вы-

³⁴ *Smyrnakis G.* Τὸ "Ἅγιον" Ὄρος. Athenai, 1903, σ. 658; *Metaxakis M.* Τὸ "Ἅγιον" Ὄρος καὶ ἡ Ῥωσικὴ πολιτικὴ ἐν Ἀνατολῇ. Athenai, 1915, σ. 82—85; *Daniel.* Ἱστορικὴ μέλετη περὶ τῆς ἀναφουεῖσης διαφορᾶς ἐν τῇ κατ' Ἄθῳ Ἱερᾷ Μονῇ τοῦ Ἁγίου Παντελεήμονος τῆς ἐπιλεγομένης Ῥωσικοῦ. Patrai, 1927, σ. 7, 12; Προσοχὴ εἰς τὸ "Ἅγιον" Ὄρος. Athenai, 1926, σ. 28.

³⁵ *Soloviev A.* Histoire du monastère Russe au Mont-Athos. — Byzantion, 1933, t. 8, p. 213—238.

ходящие за пределы русско-сербского вопроса. Источниковедческая база ограничена изданными актами только одного афонского монастыря — Русского св. Пантелеимона. Вместе с тем характерно, что изучение документов Афона для истории России становится самостоятельной источниковедческой проблемой.

Оживленным интересом к афонским актам отмечены первые послевоенные годы. К этому времени уже были опубликованы два тома серии «Архивов Афона» (Акт. Лавр., Акт. Кутл.), появились материалы разысканий на Афоне Ф. Дэльгера.³⁶ В использовании афонских актов в качестве источника для истории народов Болгарии, Венгрии, Румынии, Югославии к тому времени уже сложилась определенная традиция: в статьях и монографиях, посвященных этим регионам, активно используются афонские материалы.³⁷ Закономерным итогом такого исследовательского процесса стало включение данных ак-

³⁶ См. примеч. 14, 25; ср. *Dölger F. Chronologisches und Diplomatisches zu den Urkunden des Athosklosters Vatopedi. — Byzantinische Zeitschrift, 1939. Bd. 39.*

³⁷ Например, *Дуйчев И. Проучвания върху българското средновековие. София, 1945, с. 40—41; Ангелов Д. Принос към народнистните и поземелни отношения в Македония (Епирски деспотат) през първата четвърт на XIII в. — Известия на Камората на народна култура. София, 1947, т. 4, № 3; Anastasievič D., Ostrogorsky G. Les Koumanes pronoiâires. — Mélanges H. Grégoire, Bruxelles, 1951, vol. 3, p. 9—29; Липшиц Е. Э. Из истории славянских общин в Македонии в VI—IX вв. — Академику Б. Д. Грекову (сб. статей). М., 1952, с. 49—54.*

тов Афона в новые своды источников по истории ряда народов европейских стран, подготовленные венгерскими и болгарскими византинистами.³⁸ То же самое можно сказать и о Кавказе: видное место среди византийских источников в труде С. Г. Каухчишвили отведено афонским актам.³⁹ Все это само по себе важно. Однако сейчас уже многое в этих работах не представляется удовлетворительным. Некритическое использование данных публикаций приводит к повторению ошибок издателей, порождая вместе с тем (из-за скудности в целом источников и, следовательно, невозможности элиминировать неточности сведений одних документов обилием достоверного материала других) неверные выводы и теории.⁴⁰ Используемые же старые издания нуждаются в исправлении чтений, датировок.⁴¹ Большим не-

³⁸ *Moravcsik Gy.* *Byzantinoturcica*, Berlin, 1958, Bd. 1, S. 211; Извори за българската история. София, 1968, т. 14, с. 140—146.

³⁹ *Каухчишвили С. Г.* *Georgica*. Тбилиси, 1970. Т. 8.

⁴⁰ Так, в соответствии с Акт. Лавр. РК в работе *Moravcsik Gy.* (*Byzantinoturcica*, S. 211) приводится дата Акт. Лавр. 44 (= 37 Акт. Лавр. РК) 1081 г., что неверно; а Акт. Лавр. 66 (= 47 Акт. Лавр. РК) ошибочно определяется как акт Алексея I Комнина, а не Андроника I, как правильно. В результате этого вопрос об оседлости куманов ставился применительно к концу XI, а не к концу XII в. См.: *Dölger F.* *Zur Textgestaltung...* S. 34—35, 44—47, 63; *Дуйчев И.* Указ. соч., с. 43.

⁴¹ Например, Акт. Росс. 19 теперь датирован 1044 г.: *Lemerle P.* *Note sur trois documents athonites et sur trois fonctionnaires du XIe siècle.* — *Revue des Etudes Byzantines*, 1952, t. 10, p. 110—111.

достатком указанных сводов (и исследований, на которые они опираются) является неполнота в привлечении данных афонских актов: большая часть сведений последних осталась вне поля зрения составителей корпусов. Необходимо же освоение по возможности всех доступных материалов по интересующей нас проблеме: фрагментарность и изолированность (несопоставимость) получаемых сведений следует пытаться преодолеть за счет массовости используемого материала.

Повышенное внимание ученых во второй половине 40-х гг. к афонским актам отразилось и на изучении документов, связанных с Русским монастырем. В отличие от старых работ по этой теме, в статье В. Мошина⁴² сама проблема ставится шире, чем раньше: история Русского монастыря, даже скорее история русских на Афоне. Югославский византинист дает подробный анализ каждого акта «Россикона», сопоставляет данные о русском монашестве со сведениями о других пришельцах на Афон: латинянах, сербах, грузинах, болгарах. Цель работы — установить связь появления имеющихся документов Русского монастыря с состоянием русско-византийских политических взаимоотношений в XI—XII вв. Таким образом, история афонских выходцев из Руси стала пониматься как часть русской истории. В. Мошин не ограничился только документами монастыря

⁴² Мошин В. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI—XII вв. — *Byzantinoslavica*, 1947, t. 9, с. 55—85; 1950, t. 11, с. 32—60.

св. Пантелеимона, но, например, использовал лаврскую грамоту с подписью игумена Русского монастыря Герасима (Акт. Лавр., РК 19.18). Однако в целом он следует за изданием 1873 г., повторяя даже устаревшие или априорные идеи его предисловия (например, догадки о начале обители Ксилурга). Тем самым, несмотря на отдельные указания на документы других святогорских архивов (например, Акт. Дох., 23, Акт. Хил., 3, Акт. Ксен., 1), круг источников все-таки почти замыкается актами «Россикона», в результате чего проблема исследования данных афонских актов о Руси исчерпывается историей русского монашества на Афоне. В ряде случаев сомнительна и методика анализа: при всем понятном желании автора работы сопоставить рассматриваемые акты с русскими летописными сообщениями нередко слишком широкие обобщения и атрибуции без достаточных данных. Так, расширение владений Русского монастыря по акту 1169 г. (Акт. Росс., 7) объясняется последствиями политики альянса Мануила I Комнина с галицкими князьями в противовес Венгрии, Сицилии и Сербии (имеются в виду события 1147—1158 гг.); роль и место монастыря св. Пантелеимона в XII в. определяется по образцу сербского Хиландаря XIV в., а источник новых приобретений в акте 1142 г. (Акт. Росс., 6) рассматривается по аналогии с Киево-Печерской лаврой. Отсутствие документов XII в. обосновывается не рассмотрением состояния афонского архива, а общеполитическими соображениями о том периоде русско-византийских от-

ношений (взаимное охлаждение, внутренние усобицы и т. д.). Все это может быть вероятным, но пока недоказуемо.

К результатам работы В. Мошина практически ничего не прибавляют соответствующие части книги М. В. Левченко.⁴³ Спорадически указывая данные тех или иных отдельных афонских актов, в наблюдениях он всецело следует за В. Мошиным вплоть до полного текстуального совпадения всех упоминаний в «Очерках» об афонских актах.⁴⁴

К настоящему времени определилась тенденция к расширению тематики изучения взаимоотношений Византии с населением Руси, Кавказа, кочевниками и славянами Балкан в свете актов Афона. Проблемы, связанные с отечественной историей, не ограничиваются историей русского монашества святогорских обитателей. Некоторые афонские документы рассматриваются при изучении поземельных отношений Русского монастыря, а также половцев-пронияров, славянопариков, «смолян», «другувитов» на Балканах.⁴⁵

⁴³ Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.

⁴⁴ См., например: Левченко М. В. Указ. соч., с. 398—399, 424, 465, 486; Мошин В. Указ. соч., т. 9, с. 71, 61, 63; т. 11, с. 38.

⁴⁵ Ангелов Д. Аграрните отношения в северна и средна Македония през XIV в. София, 1958, с. 3—4; Литаврин Г. Г. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, с. 133 и сл.; Цанкова-Петкова Г. За аграрните отношения в средновековна България (XI—XII в.). София, 1964, с. 36; Острогорски Г. Юш једном о прониарима куманима. — Сборник Владимира Мошина. Београд, 1977, с. 63—74.

Аграрно-правовые отношения в Византии, проблемы феодальной собственности исследуются с использованием материалов афонских грамот об интересующих нас народах.⁴⁶ Данные о русских, тюрках, кавказцах в афонских актах привлекаются для анализа структуры общества государств южно- и восточноевропейского региона.⁴⁷ Затронут вопрос и о месте русских наемников в военном корпусе Византии по афонским актам.⁴⁸ Наконец, обращено внимание на афонские мате-

⁴⁶ *Ostrogorsky G* Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954, p. 35; *Хвостова К. В.* Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии XIV—XV вв. М., 1968, с. 89, 200—210. В западной историографии обычно не подчеркивается значение этих документов для истории народов собственно интересующих нас государств. См.: *Rouillard J.* La dime des bergers valaques sous Alexis Comnène. — In: *Mélanges N. Jorga.* Paris, 1933, p. 780 sq.; *Lemerle P.* Recherche sur régime agraire de Byzance: la terre militaire à l'époque des Comnènes. — *Cahiers de Civilisation médiéval.* 1959, vol. 2, p. 265, 277; *Idem.* Esquisse pour une histoire agraire de Byzance: les sources et les problèmes. — *Revue Historique,* 1958, vol. 220, p. 43—94.

⁴⁷ *Тивчев П.* Към въпроса за селското население във Византия през XII в. — *Годишник на Софийския Университет, Филос.-ист. фак.,* 1959, т. 53, с. 515; *Цанкова-Петкова Г.* Социальный состав населения болгарских земель в период византийского господства. — *Византийский временник,* 1963, т. 23, с. 5, 16; *Наумов Е. П.* Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII—XV вв. М., 1975.

⁴⁸ *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 76 и сл.

риалы о Руси при изучении ремесла и торговли, прикладного искусства, русско-византийских культурных связей.⁴⁹

Вместе с тем приходится констатировать до сих пор неполноту использования сведений актов Афона по интересующей нас теме: ряд важных источников не привлекался. На сегодняшний день представляется устаревшей и источниковедческая база многих работ; за последние годы значительно расширился круг введенных в научный оборот источников, исправлены ошибки старых публикаций, переизданы с существенными изменениями и дополнениями целые архивы. Все это должно отразиться и на изучении освещения в византийских памятниках истории народов Руси, Северного Кавказа и Причерноморья. Несмотря на разнообразие в последние десятилетия тематики исследований по материалам афонских актов, из сюжетов, связанных с историей Руси, разработан лишь вопрос о Русском монастыре, причем главным образом по давно изданным актам этого же монастыря. В отношении методики следует признать неудовлетворительным повторение и некритическое усвоение в наши дни ряда вопросов и наблюдений старых работ, которые, однако, являются пока единственными исследо-

⁴⁹ *Фрейденберг М. М.* О феодальной вотчине в Византии. — *Византийский временник*, 1961, т. 18, с. 19—20; *Лазарев В. Н.* Византийская живопись. М., 1971, с. 125; *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии. М., 1975, с. 313, 318.

ваниями, специально посвященными русским на Афоне.

Данные о русском военном корпусе в Византии

В четырех актах второй половины XI в. из архива Лавры св. Афанасия (Акт. Лавр., 33, 38, 44, 48) перечисляются иностранные наемники, входившие в состав византийской армии, в том числе русские, варяги, кулпинги (колбяги), болгары и др. Все указанные документы известны по оригиналам (фото Г. Мийе и Ф. Дэльгера), за исключением Акт. Лавр., 38, дошедшего в копии императорской канцелярии, изготовленной, видимо, одновременно или вскоре после составления самого акта. Близость почерка копииста (табл. XL—XLI) манере письма аутентичных хрисовулов Михаила VI от 1057 г. (Акт. Лавр., 32, табл. XXVII—XXIX) и Константина X от 1060 г. (Акт. Лавр., 33, XXX—XXXIV) позволяет говорить о единстве стиля работы канцелярской «школы» указанных и ряда других грамот этого времени.⁵⁰ По старому изданию акты Акт. Лавр., 44 и Акт. Лавр., 48 были известны лишь в списке с картулярия Феодорита 1803 г. с ошибками и неточностями переписчиков; в таком виде они и рассматривались до сих пор в литературе.

В первом из наших хрисовулов — Акт. Лавр., 33, — датированном июнем 1060 г., византийский император Константин X Дука подтверж-

⁵⁰ См.: Византийский временник, 1973, т. 34, с. 49.

дает решения хрисовулов Константина VII Багрянородного (утерян) и Константина IX Мономаха (Лавр., 31 от 1052 г.) относительно лаврского метода св. Андрея Перистер близ Солуни:⁵¹ монахам Лавры на территории указанного проастия предоставляется экскуссия свободных от налогов (ἀτελῶν) ста париков и дулопариков (за исключением стратиотов, димосиариев и экскуссатов драма), митрополиту Солуни запрещается вмешиваться в дела обители св. Андрея, и, наконец, Лавра (принятая под покровительство чиновника ἐπὶ τοῦ κανικλείου, близкого к императорской особе)⁵² освобождается от обязанностей в отношении дуки, катепана, стратига и судьи Волерана, Стримона и Солуни и вообще от всех «взысканий» — эпирий, в том числе от митата. При указании наемников на византийской службе, от поста которых освобождена Лавра, на первом месте стоят варяги и русские (Βαράγγων, Ῥῶς — Акт. Лавр., 33.81). Следующий документ — Акт. Лавр., 38 от июля 1079 г. — хрисовул Никифора III Вотаниата, подтверждающий старые императорские распоряжения, в том числе дарение василевсом Романом III Аргиром в 1031 г. монастырю Мелана острова τῶν

⁵¹ Возможно, это известный в IX—X вв. (Акт. Лавр., 1, 2) монастырь, отошедший, по хрисовулу Никифора Фоки (*Meyer Ph. Haupturkunde*, 119.24—30), Афанасию Афонскому, а в XI в. упоминаемый уже как метох Лавры (Акт. Лавр., 33, 37, 51).

⁵² Об этой форме см.: *Nystazopoulou M.* Ὁ ἐπὶ τοῦ κανικλείου καὶ ἡ ἐφορεία τῆς ἐν Πάτρῳ Μονῆς. — Σύμμεικτα. Τ. 1, σ. 76 κτλ.

Νεῶν и ста париков и дулопариков с освобождением острова от регулярных государственных налогов (δημοσίων...έκκοπή), а также дарующий монастырю еще сто париков и дулопариков за счет детей и потомков первой сотни. В экскуссионной клаузуле о наемниках на первом месте стоят русские, варяги и кулпинги-колбяги (Ῥῶς, Βαράγγων), Κουλίγγων) — Акт. Лавр., 38.29—30). В хрисовуле Алексея I Комнина (Акт. Лавр., 44 от марта 1082 г.) содержится подтверждение дарения Никифором III вестарху и примикирию Льву Кефале класмы размером в 334 модия в полное и неотчуждаемое владение с освобождением от всех «взысканий» — эпирий и повинностей, кроме государственного налога в $4 \frac{7}{12}$ номисмы. Экскуссия, предоставленная актом, касается и митата: в формуляре среди наемников на первом месте — опять-таки русские, варяги, кулпинги (Ῥῶς, Βαράγγων), Κουλίγγων) — Акт. Лавр., 44.26). Отметим, что это первый акт знаменитого «досье» Льва Кефалы. Последний из интересующих нас актов — Акт. Лавр., 48 от мая 1086 г. — является хрисовулом Алексея I Комнина, подтверждающим императорское дарение Льву Кефале — проэдру и катепану Авида — деревни Хостиана в феме Моглены с освобождением от всех налогов (τελέσματα) и правом владельца и его наследников на весь доход с деревни. ЭкскуSSIONная формула о митате иностранного корпуса начинается снова с русских, варягов и кулпингов (Ῥῶς, Βαράγγων), Κουλίγγων) — Акт. Лавр., 48.27—28). За исключением первого, наши акты не учтены в регестах

византийских императорских актов,⁵³ а также не привлечены для сводного труда о тюркских народах по византийским источникам Д. Моравчика и корпуса иностранных источников по истории Болгарии.⁵⁴

Со времени исследования В. Г. Васильевского⁵⁵ представления об эволюции состава наемного корпуса византийской армии остаются в целом неизменными: в результате притока в Византию англосаксов после завоевания в 1066 г. Англии норманнами русские, игравшие важную роль в наемном корпусе византийской армии в 40—60-х гг,⁵⁶ уступают свое место с 70-х гг. XI в. выходцам из Англии и Скандинавии.⁵⁷ Чтобы по-

⁵³ *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches. München; Berlin, 1924—1965, Bd. 1—5, № 946.

⁵⁴ См. примеч. 38.

⁵⁵ *Васильевский В. Г.* Труды. СПб., 1908, т. 1, с. 355 и сл.

⁵⁶ Экономические и политические отношения Древней Руси и Византии в XI—первой половине XIII в. — XIII International Congress of Byzantine Studies, Main Papers, Oxford, 1966, vol. 3, p. 8.

⁵⁷ *Vasiliev A. A.* The Opening Stages of the Anglo-Saxon Immigration to Byzantium in the 11-th Cent. — *Seminarium Kondakovianum*, 1937, t. 6, p. 59 sq.; *Dawkins R. M.* The Later History of the Varagian Guard: Some Notes. — *Journal of Roman Studies*, 1947, t. 37, p. 39 sq.; *Benediktz B. S.* The Evolution of the Varagian Regiment in the Byzantine Army. — *Byzantinische Zeitschrift*, 1969, Bd. 62, S. 21—22. Более осторожно в кн.: *История Византии*. М., 1967, т. 2, с. 351; *Пашуто В. Т.* Указ. соч., с. 84.

нять значение наших материалов, необходимо рассмотреть динамику данных привлекаемых здесь источников, а затем их место среди других типов источников.

Наши документы — акты одного типа: императорские хрисовулы (более дробная классификация — «хрисовульное слово», «сигиллий», «хрисовульный сигиллий» и т. д.⁵⁸ — в данном случае непродуктивна),⁵⁹ т. е. жалованные грамоты, юридически оформляющие или подтверждающие дарения определенных владений или предоставление некоторых владельческих прав и привилегий. Последние составляют содержание иммунитетных формул актов. Объем иммунитетных прав в них различен: он может касаться широты охвата объекта (экстенсивный аспект), относясь к податной, административной или судебной областям, может дифференцироваться и по степени интенсивности — от свободы от всех фискальных повинностей и права юрисдикции до условного освобождения от некоторых «взысканий» при обязательстве, например, платить регулярные налоги податным сборщикам. Наши законы неодинаковы в этом плане: например, сумма прав Акт. Лавр., 44 в целом больше, чем в остальных документах. Но сейчас важно, что интересующие нас материалы составляют часть экс-

⁵⁸ Ср.: *Dolger F., Karayannopoulos J. Byzantinische Urkundenlehre. München, 1968, Bd. 1, S. 71 ff.*

⁵⁹ Ср.: *Rouillard G. Note de diplomatique byzantine. — Byzantion, 1933, t. 8, p. 122—123.*

куссионных клаузул. Экскуссия (сам термин в связи с митатом употреблен в трех актах, кроме Акт. Лавр., 33) рассматривается в узком смысле — как освобождение от нерегулярных, экстраординарных повинностей, в первую очередь от обязанностей принимать в своих владениях различных чиновников.⁶⁰ Поэтому естественно, что в формулярах наших актов прежде всего речь идет о митате. Общность типа наших документов обусловлена и тем, что они являются актами подтвердительными (лишь Акт. Лавр., 38 жалует дополнительно сто париков, да и то «в счет» уже предоставленных ранее). В некоторых случаях сохранились акты, на которые ссылаются наши грамоты, а также более поздние подтверждения наших документов (Акт. Лавр., 31, 33, 36). Итак, учитывая особенности типа наших источников и сферу отношений, выясняемых на основе их данных, можем сравнить их формуляры для выяснения тенденции развития экскуссионных клаузул, содержащих сведения о русских и других народах на территории СССР.

Даже чисто внешнее сопоставление формуляров рассматриваемых грамот позволяет установить расширение списка иноземцев в формуляре. Если в Акт. Лавр., 33 указаны варяги, русские, сарацины, франки, то в Акт. Лавр., 38 — русские, варяги, кулпинги, франки, болгары, сара-

⁶⁰ Так в кн.: Византийские очерки. М., 1961, с. 201—202. Там же см. о литературе и дискуссии по этой проблеме.

цины, в Акт. Лавр., 44 — русские, варяги, кулпинги, инглины, немцы, а в Акт. Лавр., 48 — русские, варяги, кулпинги, инглины, франки, немцы, болгары и сарацины. Сходные данные мы получаем из других императорских постановлений этого времени: в хрисовуле 1073 г. впервые упомянуты кулпинги (ММ⁶¹ VI, 2, 33—34); варяги, русские, сарацины, франки, кулпинги, болгары названы в актах 1074 г. (ММ V, 137.10) и 1079 г. (ММ V, 143, 22). Наконец, в хрисовуле 1088 г. список дополняется аланами и авасгами (ММ VI, 47.5—6).

Императорские хрисовулы этого периода вообще характеризуются обширностью и дробностью экскуSSIONных клаузул. Этим лаврские акты, вышедшие из императорской канцелярии при Константине IX (Акт. Лавр., 31 от 1052 г.), Михаиле VI (Акт. Лавр., 32 от 1057 г.), Константине X (Акт. Лавр., 33), Михаиле VII (Акт. Лавр., 36 от 1074 г.), Никифоре III (Акт. Лавр., 38 и 41 от 1081 г.) и в начале правления Алексея I (Акт. Лавр., 44, 45 от 1084 г., 48, 49 от 1089 и 50 от 1089 гг.), разительно отличаются от однотипных документов X в. (хрисовул Никифора Фоки 964 г. — Акт. Лавр., 5 и хрисовул Василия II от 978 г. — Акт. Лавр., 7). Последние, будучи даже жалованными грамотами, не имеют развернутых иммунитетных формул. С другой

⁶¹ *Miklosich F., Muller I. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1860—1890, t. 1—6.*

стороны, наблюдаемый установившийся во второй половине XI в. тип формуляра наших актов сходит на нет начиная с последнего десятилетия XI в.: сначала исчезают заключительные клаузулы (Акт. Лавр., 51 от 1092 г.), улавливаются небольшие отличия в формулировках (Акт. Лавр., 52 от 1094, 55 от 1102, 56 от 1104 гг.), затем дробный формуляр перестает существовать (Акт. Лавр., 58 от 1109, 66 от 1184 гг.), и, наконец, преобразуется целиком стиль составления документа (Акт. Лавр., 69 от 1196 г.; правда, это уже *λύσις*).

Наблюдения над почерком канцелярских писцов также позволяют говорить о едином стилистическом направлении в составлении императорских документов в период от Михаила VI до первых лет царствования Алексея I Комнина.⁶² Явное отличие от Лавр., 31 от 1052 г. (табл. XXIV—XXVI) наблюдается в почерках следующих по времени документов: Акт. Лавр., 32 (1057 г. — табл. XXVII—XXIX) и 33 (1060 г. — табл. XXX—XXXIV), близких вместе с тем друг другу. С последними сходны и канцелярская копия Акт. Лавр., 38 (1079 г. — табл. XL—XLI), которой близки Акт. Лавр., 45 (1084 г. — табл. XLVII), 46 (1084 г. — табл. XLVIII—XLIX) и 50 (1089 г. — табл. L—LI), а также Акт. Лавр., 41 (1081—XLIV). С другой стороны, совершенно иной представляется манера письма хрисовулов 90-х гг. — Акт. Лавр., 52 — от 1094 г. (табл.

⁶² См.: Византийский временник, 1973, т. 34, с. 49—50.

LIII—LIV), 55 ABC от 1102 г. (канцелярская копия; LVI—LIX), 56A от 1104 г. (LX—LXII), 56B (канцелярская копия; LXII) и 58 от 1109 г. (LXIII).

Итак, эволюция особенностей самого источника, используемого для изучения изменений в составе наемного корпуса на византийской службе, имеет важное значение для наших выводов о русских и других интересующих нас народах в этом корпусе. Исчезновение подробных экскуссионных клаузул, а затем и изменение формулировок, языкового стиля документов начиная с начала 90-х гг. XI в., резкое отличие манеры письма и оформления актов — все ведет к тому, что с этого времени мы теряем важный источник по истории русского военного корпуса в Византии — императорские акты: документы XII в. нужных нам сведений не содержат. Выводы об иноземцах-наемниках в XII в. строятся уже на основании совершенно другого типа исторического источника — нарративных сочинений, памятников риторики и поэзии. Сведений же о русских в них в XII в. вообще меньше, чем в XI в., что объясняется и реальностью (например, отсутствием прямых военных столкновений Византии и Руси), и особенностями содержащих интересующие нас свидетельства литературных произведений, этнические дефиниции в которых, как правило, нечетки и большое значение имеет традиционное употребление этнонимов. Последнее касается и сведений об иноземном корпусе: в беллетристике XII в. они фигурируют в виде общих мест, доходя до штам-

па — «скифская» конница, аланская пехота, «британская» секироносная гвардия. Эти образы, повторяющиеся во многих источниках, и давали основание для заключений об измененном по сравнению с XI в. составе корпуса. Однако, как показано, оснований для такого категорического заключения недостаточно: ведь за этот период изменяется источник наших знаний.

Итак, методика комплексного осмысления рассмотренных актов при сочетании дипломатического, палеографического, лингвистического (ономастика и стилистика) и исторического подхода к источнику приводит к следующим результатам. Императорские хрисовулы конца 50—80-х гг. XI в. представляют собой некоторое стилистическое целое как в области состава документов, так и в отношении оформления грамот писцами. Внутри этого целого мы рассмотрели эволюцию клаузулы «иноземных войск». Помимо внешне определяемого ее распространения, следует отметить внутреннюю связь между рассматриваемыми документами. Формулы клаузулы в Акт. Лавр., 38 считаются перенесенными из Акт. Лавр., 33⁶³ и касающимися одного и того же казуса в двух документах. К тому же, судя по почерку, оба документа писаны одним писцом, т. е. перед нами, действительно, не случайное расширение в формуляре клаузулы «иноземных

⁶³ См. Акт. Лавр., п. 217; ср.: *Ostrogorskiĭ G. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956, p. 28.*

войск». Такова же и связь между двумя рассмотренными актами, относящимися ко Льву Кефале. Но не являются ли изменения в экскуссионных клаузулах о наемниках лишь юридической особенностью формуляра, не имея соответствия в действительности? Сопоставление развития перечня этносов с общей эволюцией иммунитетных формул в грамотах 50—80-х гг. не подтверждает этот тезис.

Глава 4

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО МОНАСТЫРЯ НА АФОНЕ

Если в вопросе об эволюции русского военного корпуса в Византии методика комплексного анализа привела к выводам об изменении самого источника, то в данном случае сфера анализа несколько иная. Теперь мы имеем дело в основном с известными документами: они давно изданы и рассматривались в литературе. Однако данные о земельных приобретениях Русского монастыря не были обобщены в историографии. Это же можно сказать и о просопографических материалах. В настоящее время важно пополнить наши сведения об обитателях Россикона.

Документов русского монастыря Ксилурга от рассматриваемого периода сохранилось не очень много. Если сравнить имеющиеся в нашем распо-

ряжении акты с описью имущества обитатели Ксилурга 1142 г. (Акт. Росс., 6.82—92. В издании ошибочная дата — 1143 г.), то можно обнаружить, что из перечисленных там документов архива монастыря того времени до нас дошло не более пяти (Акт. Росс., 1, 3, 5 и копии). И все же анализ отдельных аграрно-правовых, метрических, финансовых проблем поможет поставить вопрос об истории территориального роста Русского монастыря на Афоне.

По купчей 1030 г. (Акт. Росс., 1) игуменом монастыря Ксилурга Феодулом были приобретены кельи, принадлежавшие Дмитрию Халкею, за что было заплачено 22 номисмы. Текст в этом месте (15—16) следует, видимо, читать: *στάμενα, ὀλότραχα καὶ ἡλιοσεληνάτα*, а толкование издателями этих терминов (переводят наугад: весные, целокруглые и солнцелунные) отвергнуть (Акт. Росс., с. 6—7). Первый термин означает стамину — монету, по ценности находящуюся между фоллом и солидом. Для XI в. различают плоскую монету — тетартерон — и вогнутую — стамину.¹ По Д. Меткалфу, стамина (количество в обращении которой к концу XII в. достигло 100 млн., превзойдя в 2—5 раз количество фоллов в IX в.) являлась не монетой для местного рынка, но торговой монетой, использовавшейся купцами.²

¹ *Grierson Ph. Harold Hardrada and Byzantine Coin Types in Denmark. — Byzantinische Forschungen, 1966, Bd. 1, S. 130, № 2; Hendy M. F. Coinage and Money in the Byzantine Empire. 1081—1261. Washington, 1969, p. 28 sq.*

² *Metcalf D. M. Coinage in the Balkans. 820—1355. Thessalonike, 1965, p. 11.*

В западных источниках стамина XII в. известна как медная монета, соответствующая $1/120$ перпера.³ В таком случае следует усомниться в заключении В. Мошина об очень высокой цене в Акт. Росс., 1 и следующих из этого выводах о предоставлении денег монастырю князем Ярославом, укреплении им русского монашеского центра на Афоне и т. д.⁴ Наш акт не подтверждает мысль о соответствии противопоставления старых номисм перперов и «новых» номисм⁵ делению монет на $\acute{\iota}\sigma\tau\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu\alpha$ и $\acute{\omicron}\lambda\acute{\omicron}\tau\rho\alpha\chi\alpha$,⁶ ибо здесь они — в одном ряду. Впрочем, от определенных сложностей в различении монет уйти трудно. Монеты $\acute{\omicron}\lambda\acute{\omicron}\tau\rho\alpha\chi\alpha$ и $\acute{\eta}\lambda\iota\omicron\sigma\epsilon\lambda\eta\nu\tilde{\alpha}\tau\alpha$, видимо, не совпадали по весу: вес сохранившихся медных экзагиев XI—XII в. для взвешивания различных видов монет неодинаков. Экзагий для $\acute{\eta}\lambda\iota\omicron\sigma\epsilon\lambda\eta\nu\tilde{\alpha}\tau\alpha$ = 4,4 г, а для $\acute{\omicron}\lambda\acute{\omicron}\tau\rho\alpha\chi\alpha$ = 3,9.⁷ Последний термин нашего акта («солнцелунные») говорит об иконографической черте упоминаемых монет — изображение луны

³ Chroust A. Quellen zur Geschichte des Kreuzzuges Kaiser Friedrichs I. Monumenta Germaniae Historica, N. S. V. Berlin, 1928, S. 66.

⁴ Мошин В. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI—XII вв. — Byzantinoslavica, 1947, t. 9, с. 66—67.

⁵ Об этом см. в кн.: Византийские очерки. М., 1971, с. 204.

⁶ Dolger F. Finanzgeschichtliches aus den byzantinischen Kaiserkanzlei des 11. Jh. Munchen, 1956, S. 21.

⁷ Schlumberger G. Mélanges d'archéologie byzantine. Paris, 1895, p. 31—33.

и солнца символизировало императрицу и василевса⁸ (в данном случае, может быть, Романа III Аргири и Зою). Впрочем, возможно, дело не просто в изображениях. По наблюдениям В. Лорана, определенным иконографическим типам монет (богородичным, георгатам, констатинатам и т. д.) соответствовал определенный вид металла чеканки (золото, электр, биллон, бронза). Итак, соотношение В. Мошиным 22 номисм нашего акта с золотыми монетами того времени для последующих, далеко идущих выводов нуждаются в обосновании. Скорее, мы имеем дело с небольшой покупкой (одной из первых для Русского монастыря!) нескольких келий, оставленных по завещанию. Не следует преувеличивать¹⁰ и значение клаузулы «владеть и распоряжаться», обычной для формуляров подобных актов. Приобретенные кельи предположительно локализируются в области Ватопедского монастыря (Акт. Росс., с. 6).

Материалы по истории земельных владений русских выходцев-афонитов содержатся в Акт. Росс., 3 (от мая 1048 г.), где говорится о нанесении ущерба монахами Дометиева монастыря

⁸ Бибиков М. В. Афонские акты IX—начала XIII в. как источник по истории народов Руси и Северного Причерноморья: (Материалы и методические вопросы). — В кн: Проблемы социально-экономической истории СССР. М., 1977, ч. 2, с. 223, примеч. 71.

⁹ Laurent V. Les monnaies tricéphales de Jean II Comnène. Note de numismatique byzantine et d'histoire chypriote. — Revue numismatique, 1951, vol. 5, № 13, p. 1010 sq.

¹⁰ Мошин В. Указ. соч., т. 9, с. 65—66.

пристани и постройке при ней, принадлежавших обитатели Ксилурга. В документе сообщается, что в свое время за 5 номисм на приморской части поля, принадлежащего игумену монастыря Дометия Григорию, была сооружена пристань, впоследствии разоренная вместе с находившимися там двумя судами. Иск игумена Ксилурга о возмещении убытка удовлетворяется подтверждением игумена Григория, заверенным протом и рядом других афонских иерархов, предоставляющим игумену монастыря Ксилурга территорию в 8 оргий длины и ширины¹¹ за 6 номисм. Таким образом, ясно, что владения Русского монастыря к этому времени располагались внутри материка и было важно иметь выход к морю, для чего и использовалось побережье монастыря Дометия.

Проблема выхода к морю, видимо, волновала русских монахов: в описи Акт. Росс., 6 (1142 г.) в списке документов Ксилурга упоминается несохранившийся акт о проходе к морю (85—86)¹² и три документа о рассматриваемой сейчас пристани (89—92). Сам Акт. Росс., 3 дипломатически неоднороден,¹³ представляя собой соединение по крайней мере трех документов: асфалия Григо-

¹¹ *Schulbach E.* Byzantinische metrologische Quellen. Düsseldorf, 1970, S. 184—185.

¹² Между прочим, о каких-то «проходах», принадлежащих «монастырю св. Пантелеимона», упоминается в акте 1110 г. (Акт. Лавр., 59.23—26).

¹³ См.: *Мошин В.* Указ. соч., т. 9, с. 68—70.

рия, императорский питтакий афонскому проту Феофилакту и заключение протата. Кроме того, в связи с этим делом упоминаются еще акты: дарование в пользу Русского монастыря и записка от игумена Ксилурга Иоанникия, представленная императору. Указывается и купчая судна. Кстати, в Акт. Росс., 6 упоминаются судно в 250 мер, другое — в 150, пять лодок и пять челноков. Обилие актов, относящихся к этой проблеме, показательно. Необходимым условием экономически нормальной жизни афонитов, видимо, был выход к морю, за который так боролись русские пришельцы. Рассматриваемая спорная территория локализуется в бухте монастыря Пантократора.¹⁴

В описании архива Русского монастыря (по Акт. Росс., 6) указан и документ о деле с монастырем Скорпиона. Это Акт. Росс., 5 (ошибочно датированный издателями), составленный 23 ноября 1070 г., — протатский акт о разграничении спорного места между монастырями Ксилурга и Скорпиона. К сожалению, в документе не определяются размеры отошедшей к «Россикону» территории, а дается лишь ее описание: она граничит с монастырем Фалакра (38—39). Как видно из текста, документ составлялся в двух экземплярах, предназначенных для обеих тяжущихся сторон.

Для истории внутреннего устройства Русского монастыря на Афоне важнейшее значение имеет опись (ἀπογραφή) Ксилурга, произведенная 14 де-

¹⁴ Мошин В. Указ. соч., т. 9, с. 70.

кабря 1142 г. Никаких прямых материалов о земельных владениях там не содержится, однако инвентарь сельскохозяйственных орудий и зерновых запасов (96—98) свидетельствует о наличии немалой пахотной территории у монастыря даже при предполагаемом небольшом количестве монахов — человек 20—25.¹⁵

В августе 1169 г. по протатскому акту (Акт. Росс., 7) игумену монастыря Ксилурга, или «русов», Лаврентию был передан монастырь Солунца «в полное владение и распоряжение самоправное и самовластное» на правах дочернего монастыря с сохранением в последнем особого эконома.¹⁶ При этом протат прощал Русскому монастырю 30 перперов долга. Итак, с этого времени Русский монастырь на Афоне именуется монастырем Солунца¹⁷ (иначе — св. Пантелеимона). Вместе с самим Пантелеимоновым монастырем к Русскому монастырю перешли и его земельные владения, сведения о которых сохранились в некоторых актах архива «Россикона». По акту императорскому нотарию и анаграфевса Волерона, Стримона и Солуни асикрита Иоанна, датируемому теперь августом 1044 г.,¹⁸ монастырю Пантелеимона, име-

¹⁵ Ср.: Там же, т. 11, с. 37—38.

¹⁶ *Мошин В.* (t. 11, с. 39) преувеличивал значение терминов формуляра.

¹⁷ Впервые монастырь Солунца (-цев) упоминается в 1009 г. (Акт. Хил., 1, с. 1).

¹⁸ *Lemerle P.* Note sur trois documents athonites et sur trois fonctionnaires du XIe siècle. — *Revue des Etudes Byzantines*, 1952, t. 10, p. 110—111.

нуемого здесь «Сфрендзи»,¹⁹ принадлежала обитель Димитрия τοῦ Φουσκουλοῦ (Акт. Росс., 19.8—10). Монастырь Димитрия по этому акту (6—7) находился на полуострове Паллина (совр. Кассандра в Халкидике). Судя по обмежеванию его владений (36—40), это был небольшой монастырек, не имевший выхода к морю.

Еще об одном владении обители Солунца, приобретенном у семьи Фасула, идет речь в Акт. Дион., 1 (августа 1056 г.). Константин, зять Фасула, уступает монастырю св. Пантелеимона «Сфрендзи» Солунцев 8 модиев земли в Касандре, одновременно беря плату — 10 номисм — ἰστάρινα σταυράτα.²⁰ При этом семья Фасула обязуется за эти 8 модиев платить регулярный налог-домосий. Интересна юридическая сторона этой акции. Указанные 8 модиев выделяются из участка Фасула в 16 модиев; за все имущество, в том числе и землю, владельцем было уплачено 2 номисмы и 6 серебряных милиарисиев (т. е. 25 золотых номисмы) в качестве стратии (в значении фискальной повинности). Таким образом, эта зем-

¹⁹ Имя Сфрендзи монастырь св. Пантелеимона получил не ранее середины XI в. Нам известно такое личное имя при Василии II: *Laurent V. Σφραντζῆς et non Φραντζῆς*. — *Byzantinische Zeitschrift*, 1951, Bd. 44, S. 374—376. См. Акт. Дион., 1, с. 36.

²⁰ О терминах см. в кн.: *Svoronos N. Recherches sur le cadastre byzantine et la fiscalité aux XIe et XIIe siècles*. Athènes; Paris, 1959, p. 102; *Goodacre H. A Handbook of the Coinage of the Byzantine Empire*. London, 1928, p. 158, 177.

ля становится неотчуждаемой, будучи занесенной в специальные кодексы,²¹ т. е. монастырь не имеет формального права владеть этой территорией, считающейся воинским имуществом, продажа которого запрещалась. Поэтому замечательная форма нашего акта: земля не продается, а «уступается» монастырю, а 10 номисм — не цена, а εὐλογία. При этом фискальные обязанности остаются за прежним хозяином, что объясняет, возможно, и столь чрезвычайно высокую в данном случае плату. К монастырю «Солунцев» отошла и земля, отспоренная у монастыря св. Никона, о чем свидетельствует протатский акт от мая 1057 г. (Акт. Росс., 4). Монастырь Никона предположительно находился в области теперешнего Ксиропотама. Эти владения, документы о которых после 1169 г. стали храниться в архиве Русского монастыря, тоже, видимо, отошли к нему.

Таковы наши сведения о земельных владениях Русского монастыря до начала XII в. Новые публикации, думается, позволят еще дополнить и уточнить их.

Просопографические данные по истории русских на Афоне скудны. Тем важнее для нас всякое новое свидетельство. Уже давно обращено внимание на подпись Герасима, игумена Русского

²¹ *Lemerle P. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance: les sources et les problèmes. — Revue Historique, 1958, t. 219, p. 69 sq.; Glycatzi-Ahrweiler H. Recherches sur l'administration de l'Empire byzantine aux IXe—XIe siècles. Athènes; Paris, 1960, p. 10 sq.*

монастыря (Акт. Лавр., 19.37), под грамотой Николая — игумена монастыря св. Ильи, датированной февралем 1016 г. и являющейся самым ранним документальным упоминанием Русского монастыря. В новом издании этот акт воспроизведен по оригиналу, не известному ранее историкам афонского монастыря, с приложением фотографий (табл. XIV): Γερασῖμος μ(ονα)χ(ός) ἐλε(ῶ) θ(εο)ῦ πρεσβυτερος κ(αί) η̄γουμενος μονις του Ρῶς μαρτυρον ελεγραψα. По наблюдению специалистов, уверенная и четкая подпись Герасима свидетельствует о том, что это грамотный человек, возможно, даже неплохо, по византийским критериям, образованный.²²

К известным ранее игуменам и монахам Ксилурга по актам «Россикона» — Феодулу (Акт. Росс., 1), Иоанникию, Никодиму (Акт. Росс., 3), Христофору (Акт. Росс., 6) и Лаврентию (Акт. Росс., 7) следует добавить еще одного монаха — писца акта прота Павла от апреля 1081 г. (Акт. Ксир., 6). Его сигнатура и записи на грамоте сохранились плохо и читаются с трудом (табл. XI). Издатели восстанавливают его имя — Κυ(ριακός) (Кириак). Но, возможно, и Κυ(ρίλλου) — Кирилл, даже Ἰω(άννου) — Иоанн (68, 69).

Что касается монастыря св. Пантелеимона в XI в., то его игумен Митрофан, известный ранее только с 1057 г. (по Акт. Росс., 4, 32, 34), теперь обнаружен в грамоте 1056 г. Константина, зятя

²² Наблюдение В. Л. Фонкича.

Фасула²³ (Акт. Дион., 1.6—8). По акту 1009 г. (Акт. Хил., 1) можно еще указать Леонтия — игумена монастыря Солунцев.

Таким образом, к настоящему моменту нам известны следующие лица из Русского монастыря, а также монастыря Солунца: *Ксилург*: 1016 г. — игумен монастыря «Рос» Герасим, 1030 — игумен Ксилурга Феодул, 1048 — игумен Ксилурга Иоанникий и монах Ксилурга Никодим, 1081 — монах «Рос» Ки(риа)к?, 1142 — игумен Ксилурга Христофор, 1169 — игумен Ксилурга или «русов» Лаврентий.

Монастырь Солунца: 1004 г. — игумен Солунцев Леонтий, 1056 — игумен монастыря Пантелеимона «Сфрендзи» Митрофан, 1057 — он же («монах Сфрендзи»), вторая половина XI в. (видимо, игумены монастыря, заверявшие всякий раз, подтверждая, копию Акт. Росс.) — Леонтий, Феофилакт, Евфимий, Иоанн, Савва.

Таким образом, можно видеть, что Русский монастырь не прекращал своего существования. В XII в. он имел определенные земельные владения, документы о которых сохранились в монастырских архивах. Причину отсутствия больших сведений для XII в. следует опять-таки искать в состоянии источниковедческой базы наших исследований.

Итак, изучение византийских памятников, в частности актов, как источников по истории на-

²³ Фасула — не патроним Константина, как у издатель; см. его подпись: $\psi\alpha\sigma\mu\sigma\varsigma$.

родов Руси, Северного Причерноморья и Кавказа имеет определенную специфику. Порой лишь в малой степени результаты этого изучения могут быть ограничены фактической стороной исследуемого материала (такие-то и такие-то свидетельства). Методика анализа получаемых данных, основанная на комплексном подходе к растматриваемому источнику (с точки зрения исторической, дипломатической, правовой, палеографической, лингвистической, метрологической, гео- и топографической, в других случаях — и литературной, мифологической, кодикологической и т. д), позволяет не только получить динамическую картину привлекаемых сведений (эволюция фиксируемых фактов, соотношение типов источников, сообщающих их, коррекция изолированности получаемых данных посредством массовости разнотипных памятников), но и поставить вопрос о закономерностях отражения некоторых событий отечественной истории в иностранных источниках — например, о функционировании определенного репертуара представлений об интересующих нас народах, причинах его изменения в зависимости от меняющегося характера источников наших исследований, возможности получения необходимых сведений при деформированности в определенных случаях нашей источниковедческой базы в целом, наличии в ней лакун или контрарных суждений.

Подводя итоги части, можно сказать, что данные византийских источников XII—первой половины XIII в. не свидетельствуют о значительном

ослаблении и прекращении русско-византийских связей в XII и начале XIII в. Ставя оценку интенсивности межгосударственных отношений в зависимость от количественной стороны имеющих свидетельств, мы должны учитывать состояние источниковедческой базы наших данных в целом: закономерности последней, а не реальная политическая ситуация могут порой обуславливать статистику сведений.

Анализ византийских материалов по отечественной истории строится с учетом жанровых, стилистических, терминологических особенностей рассматриваемых памятников; с новыми открытиями мы сталкиваемся при изучении трудноисследуемых с исторической точки зрения риторических сочинений, уточняя деконкретизованные, часто «зашифрованные» специфическим словоупотреблением сведения.

Данные о территориально-политической структуре Руси свидетельствуют о неплохом конкретном знании в Византии отдельных русских областей; характерно, что эти сведения исходят по преимуществу из церковных источников. Аналогичным образом информация о животном мире и природе исходит из торговой среды. Состав населения южной окраины Руси характеризуется значительной пестротой в этническом отношении; здесь очень показательны лингвистические данные, зафиксированные в наших источниках.

Методика исследования привлекаемых материалов представляет собой комплекс текстологи-

ческого, языкового (этно- и топонимика), стилистического, дипломатического, палеографического, историко-правового и историко-политического подхода к источнику.

Часть IV

КОЧЕВНИКИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ВИЗАНТИЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Глава 1

ПОСЛЕДНИЕ СВЕДЕНИЯ О ПЕЧЕНЕГАХ

В XII в. прекращается история печенегов как самостоятельного этнического целого, поглощенного новыми волнами кочевников или слившегося с автохтонным оседлым населением. Постепенно уменьшается и количество сведений о печенегах в источниках: к середине—концу XII в. в русских летописях встречаются лишь спорадические упоминания некогда грозных врагов русских князей.¹ Изучение заключительных страниц истории печенегов связано с рядом проблем последнего печенежского набега на Визан-

¹ Полное собрание русских летописей, т. 2, стб. 286, 311, 427—428, 517, 533.

тию из-за Дуная, датируемого 1121—1122 (или 1122—1123) гг.²

На пятом году своего правления, когда «скифы» переправились через Истр и стали опустошать фракийские земли, византийский василевс, как сообщает Никита Хониат, выступил в поход против них.³ Так началась война Иоанна II Комнина с задунайскими кочевниками, известная историкам как последняя печенежская война Византии, окончившаяся полным разгромом печенегов.

Особое место среди источников по печенежско-византийской войне занимают исторические труды Иоанна Киннама⁴ и Никиты Хониата. Дело не только в том, что они содержат наиболее подробные сведения о ходе кампании и ее последствиях. Сравнение данных византийских историков с произведениями византийской риторики и актами⁵ позволяет конкретизировать сведения последних и тем самым расширить круг наших источников по истории событий, оказавших решающее влияние на судь-

² Дискуссию о дате см. в кн.: Византиски извори за историју народа Југославије. Београд, 1970, т. 4, с. 6, примеч. 1.

³ *Н. Хон.*, *Ист.*, 13.39—40.

⁴ *Кинн.*, 7.12—9.9.

⁵ Ср.: Бибилов М. В. К изучению материалов византийских актов XII—первой половины XIII в. по истории народов, населявших территорию СССР. — В кн.: Проблемы социально-экономической и политической истории СССР. М., 1975, с. 151.

бы печенегов. Материалы византийских хроник, сопоставленные с кратким упоминанием Ипатьевской летописи об изгнании из Руси кочевников в 1121 г. князем Владимиром, фактически раскрывают содержание отрывочного свидетельства русской летописи и позволяют поставить вопрос о связи последней печенежско-византийской войны с событиями русской истории.

В Ипатьевской летописи сказано: «В лето 6629 прогна Володимер Берендичи из Руси, а Торци и Печенези сами бежаша». ⁶ Больше никаких данных по этому поводу в русских источниках не содержится.

Решение этих общих вопросов основывается на рассмотрении конкретных проблем: этнического содержания терминов, обозначающих в хрониках вторгшиеся из-за Дуная племена; локализации событий; характеристики византийскими хронистами хода кампании.

Кочевники, нахлынувшие при Иоанне II Комнине на Византию, почти единогласно до сих пор считались печенегами. Однако этот вопрос не так уж прост. М. М. Фрейденберг рассматривал их как половцев. ⁷ Специально проанализировавший теперь этот вопрос П. Диакону также считает этих «скифов» византийских источников кума-

⁶ Полное собрание русских летописей, т. 2, стб. 286.

⁷ Фрейденберг М. М. Труд Иоанна Киннама как исторический источник. — В кн.: Византийский временник, 1959, т. 16, с. 30.

нами.⁸ Действительно, если обратиться к негреческим памятникам XII в., то и рассказ французского мемуариста Роберта де Клари о религии куманов⁹ (что близко к сведениям о печенегах в сообщении о войне Иоанна II у Михаила Италика),¹⁰ и этноним «кумены», употребляемый в повествовании о «печенежской» войне в сирийской хронике Михаила Сирийского,¹¹ как будто бы тоже говорят об этом.

Сложность вопроса заключается в многозначном содержании этнонима «скифы», которым в византийских хрониках (и в других византийских источниках) обозначаются вторгшиеся в Византию ок. 1121 г. кочевники. «Скифами» византийские авторы называли самые разные этнические группы, и не только кочевников. Так, в XII в. Михаил Италик, ссылаясь на Арриана, говорит о «скифском» происхождении «парфян» (М. Ит., 100.15—18), а Иоанн Киннам «скифами» считает «лехов» (Кинн., 84.10—13). Никифор Вассилаки к «скифскому» племени причисляет ассирийцев.¹² Следует указать на точку зрения

⁸ *Diaconu P.* The Petchenegs on the Lower Danube. — In: *Relations between the Autochthonous Population and the Migratory Populations on the Territory of Romania.* București, 1975, p. 240.

⁹ *Robert de Clari.* La conquête de Constantinople. Paris, 1924, p. 105.

¹⁰ *М. Ит.*, 83.1—9.

¹¹ *Chronique de Michel le Syrien/éd. J.-B. Chabot.* Paris, 1899—1924, vol. 1—4, p. 600.41—601.13. Paris, 1905, vol. 3, p. 206. Далее: *М. Сир.*

¹² *Н. Вас.*, Речь, 349.2.

Д. Моравчика, считавшегося, что содержание этнонима «скифы», которым обозначены кочевники — противники Иоанна II, сложно и этот термин может обозначать печенегов, узов или куманов.¹³

Вопрос о соотношении печенежского и половецкого элементов в южнорусских степях и в нижнем Подунавье к началу XII в., как правило, решался в общем виде. Д. А. Расовский, хотя и отмечал печенежско-византийскую войну при Иоанне II, считал, что в середине—конце XI в. половцы вытесняют других кочевников не только в южнорусских степях, но и в Подунавье.¹⁴ В. Златарский, отмечая, что поражение печенегов в 1091 г. у Левуниона не прекратило их набегов и большая часть их все же осталась в черноморских степях, полагал, что самостоятельной политической силы эти печенеги уже не имели, попав под власть торков, затем куманов.¹⁵ Тем самым представление о сильном натиске печенежских племен в первой четверти XII в., каким он рисуется по византийским источникам, не может не вызвать скепсиса. П. Дякону ограничивает историю активных наступательных действий

¹³ *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica, Bd. 2, S. 281.* Хотя ранее (т. 1, с. 327) он называет «скифов» 1121 г. печенегами.

¹⁴ *Расовский Д. А. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии. — Seminarium Kondakovianum, 1933, t. 6, с. 9, 18.*

¹⁵ *Златарски В. История на Българската държава през средните векове. София, 1972, т. 2, с. 366—367.*

печенегов только началом 90-х гг. XI в., считая их поражение 29 апреля 1091 г. с последующим расселением в Трансильвании, Паннонии и в других местах¹⁶ датой прекращения существования печенегов в качестве политического фактора.¹⁷ Отметим попутно, что, по произвольному мнению Н. Бэнеску, «скифы» в Подунавье византийских историков (он рассматривает этот вопрос тоже в рамках XI в.) — это румыны, потомки римских колонистов из областей слева и справа по Дунаю.¹⁸

При решении вопроса о взаимоотношениях печенегов и половцев молодой В. Г. Васильевский прямо утверждал о тесной близости печенегов, узов, половцев, татар и других кочевников между собой, обусловленной прежде всего общностью языка, и рассматривал все действия одних в плане единой общей политики других тюркских племен.¹⁹

¹⁶ Диакону П. К вопросу о глиняных котлах на территории РНР. — *Dacia*, n. s., 1964, № 8, p. 260.

¹⁷ *Diaconu P. Les Petchénègues au Bas-Danube. Bucarest, 1970, p. 133 sq.*

¹⁸ *Bănescu N. Ein Ethnographisches Problem am Unterlauf der Donau. — Byzantion, 1931, t. 6, p. 307.*

¹⁹ *Васильевский В. Г. Византия и печенеги. — В кн: Васильевский В. Г. Труды. СПб., 1908, т. 1, с. 8. Следует отметить, однако, что тот конкретный материал, который приводится в работе, скорее свидетельствует о постоянной разрозненности действий и вражде отдельных этнических групп кочевников.*

Напротив, Д. А. Расовский говорил о непримиримой вражде между половцами, с одной стороны, и «черными клобуками» (состоящими из печенегов и торков-узлов) — с другой,²⁰ и под этим углом зрения (по принципу обратной зависимости: сближение с половцами — вражда с печенегами и торками, и наоборот) рассматривал отношения Руси с кочевниками.²¹ Об отношениях конфронтации (даже при возможных временных совместных замыслах) или по крайней мере разобщенности между печенегами и куманами свидетельствуют данные работ Я. Н. Любарского и В. А. Арутюновой.²² Точка зрения В. Г. Васильевского не нашла подтверждения.

Что же дают нам для решения этой проблемы византийские авторы? Считать противников Иоанна II прежде всего печенегами позволяют следующие обстоятельства. Во-первых, Никита Хониат, завершая рассказ о разбираемой здесь — «скифской» — войне, говорит, что в знак победы

²⁰ Расовский Д. А. О роли Черных Клобуков в истории Древней Руси. — *Seminarium Kondakovianum*, 1927, t. 1, p. 94.

²¹ Расовский Д. А. Русь, черные клобуки и половцы в XII в. — В кн.: Сборник в память на проф. П. Ников. София, 1940, с. 369.

²² Любарский Я. Н. Византийско-печенежская война 1086—1091 гг. на территории Балкан. — В кн.: Славянские исследования. Л., 1966, с. 7; Арутюнова В. А. К вопросу о взаимоотношениях Византии с печенегами и половцами во время Норманнской кампании. — *Византийский временник*, 1972, т. 33, с. 119.

был учрежден праздник «печенегов» (Н. Хон., Ист., 16.12—14), конкретизируя тем самым значение обобщенного этнонима. Характерно в этой связи, что разговорноязычная парафраза сочинения Никиты Хониата, известная в рукописях XIV—XVI вв., исправляет чтение «скифы» на «куманы» во всех случаях,²³ кроме нашего, не отождествляя, таким образом, этих «скифов»-печенегов с куманами.

Во-вторых, Никита Хониат, рассказывая о подготовке ромеев к новым сражениям с кочевниками, вспоминает о предыдущей войне с *этими* противниками, имея в виду византийско-печенежскую войну Алексея I Комнина (Н. Хон., Ист., 14.44—47).

Наконец, в нескольких источниках говорится об окончательном истреблении вторгшихся племен «скифов» в этой войне,²⁴ а Никита Хониат сообщает об окончании войны и установлении праздника в знак победы (Н. Хон., Ист., 16.12—14). Вряд ли такой финал повествования о полном разгроме «скифов» соответствует отношению автора к роли «скифов» — куманов, которым Хониат посвятит еще много места в сочинении и рассказ о которых не случайно завершит его труд.

²³ Так что получают даже невиданные «таврокуманы» как исправленное «тавроскифы»: Nicetae Choniatae Historia. Rec. I. Bekker. Bonnæ, 1835, p. 452. 19—20 (ср.: Н. Хон., Ист., 347.39).

²⁴ Ф. Пр., И. Ст., V.25; XXV.36—37; LXXI.19; Н. Вас., Энк. Акс., 12.194—195.

Оснований считать «скифов» 1121—1122 гг. куманами мало. То, что Анна Комнина, прожившая до середины XII в., в своем сочинении пишет тоже о полном истреблении печенегов, но еще в 1091 г., может быть объяснено тем, что ее труд посвящен целиком царствованию Алексея I Комнина (1081—1118). Действительно, при этом императоре это был последний набег печенегов. С другой стороны, не обязательно усматривать в одной из речей Евстафия Солунского²⁵ отождествление кочевников, разбитых Иоанном II, с куманами — противниками Исаака Ангела. Евстафий, не занимаясь этническими дифференциациями, лишь сравнивает две «скифские» войны с кочевниками.

Но только ли печенеги при Иоанне II могли быть перешедшими Дунай кочевниками? Ведь в XII в. известны, например, печенежско-торчешские объединения и союзы — в противоположность половецким.²⁶

Сопоставление с нашими источниками других памятников позволяет взглянуть на проблему конкретизации этнонимов хроник еще с одной стороны. У Феодора Продрома кочевники, воевавшие с Иоанном II, названы «скифами» и «гетами» (Ф. Пр., И. Ст., XXV. 35—37). При этом отмечается их «многосемянность» — *πανσπερμία*

²⁵ *Евст. Сол., Соч., 44.75 и сл.*

²⁶ *Голубовский П.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884, с. 153 и др.; ср.: *Расовский Д. А.* О роли Черных Клобуков... с. 93 и сл.

(такое же выражение встречается в одном из стихотворений Венецианского кодекса 524).²⁷ Случайно ли здесь упоминание «гетов» — кочевников — в рассказе о «печенежской», как обычно считается, войне или нет?

Этноним «геты» в византийских источниках XI—XII вв. редок. По Д. Моравчику, Михаил Пселл,²⁸ а за ним и Анна Комнина²⁹ обозначают им узов.³⁰ В силу традиции, однако не без сомнения, венгерским ученым «геты» Феодора Продрома отнесены к венграм. Но есть основания считать «гетов» как прозаической монодии Феодора Продрома на смерть севастократа Андроника Комнина,³¹ так и стихотворной эпитафии от имени Иоанна II (Ф. Пр., И. Ст., XXV, 35) «скифскими» кочевниками — противниками Византии в 1121—1122 гг., а не венграми.³² Не предположить ли, что «геты» Продрома в стихотворном произведении, упомянутые отдельно от «скифов», но как участники *одной и той же* кампании, — это узы, тем более, что сам последний

²⁷ Код. Вен., 146, № 222.14—26.

²⁸ Пс., 125.9.

²⁹ Анна, 127.27.

³⁰ *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica*, Bd. 2, S. 111.

³¹ Ф. Пр., Речи, 527.8.

³² Подробнее см.: Бибилов М. В. Источниковедческие проблемы изучения истории кочевников в Нижнем Подунавье в XII веке. — *Revue Roumaine d'Histoire*. Bucarest, 1980, t. 19, № 1, p. 47—52.

этникон в византийских памятниках XII в. встречается лишь однажды?³³

Эта гипотеза окажется тем более небезосновательной, если мы обратим внимание на сообщение Ипатьевской летописи под 1121 г. о том, что «в лето 6629 прогна Володимер Берендичи из Руси, а Торци и Печенези сами бежаша». Еще Д. А. Расовский предположительно поставил в связь с этим бегством торков и печенегов из Руси печенежско-византийскую войну Иоанна II Комнина,³⁴ отметив, что «осколки печенегов, вынужденные бежать от Владимира, вряд ли могли тогда кочевать на левой стороне Дуная, где в то время уже владычествовали половцы». С этим согласился и В. Златарский,³⁵ считавший, что если бы печенеги не перешли Дунай, а остались бы на левой его стороне, они вынуждены были бы признать над собой власть куманов. Оба исследователя говорят только о печенегах. Но в Ипатьевской летописи говорится и о торках. А, как известно, в современную науку вошло представление о тождестве «торков» узам.³⁶

Действительно, мы имеем дело с последним крупным передвижением печенежских (и узских)

³³ *Цец. Ист., VIII.773* (ср.: *Moravcsik Gy. Byzantino-turcica, Bd. 2, S. 111*). Еще узы упоминаются в компиляции XII в. Михаила Глики: *М. Гл., Анн., 605.4*.

³⁴ *Расовский Д. А. Печенеги, торки и берендеи... с. 19, примеч. 90.*

³⁵ *Златарски В. История... Т. 2, с. 368.*

³⁶ *Grousset R. L'empire des steppes. Paris, 1960, p. 214.*

племен. Византийские авторы говорят об их переходе «всеми силами» (Кинн., 7.16—17; М. Ит., 83.9—11). Такое движение *могло* в то время быть вызвано давлением Руси, если к тому же учесть половецкую опасность для печенегов и узов, вытесняемых из причерноморских степей. В свое время В. В. Григорьев указывал на принцип экспатриации и переселений кочевников, при котором их вторжения в другие области происходили вследствие толчков, которые вторгшиеся получали сами сзади и с боков от других соседних и более сильных кочевников.³⁷ С. А. Плетнева же уход печенегов из степей в основном в Византию и Венгрию (датирует серединой XI в.) связывает с ослаблением кочевников вследствие давления на них Руси и внутренней междоусобицы.³⁸ В конечном счете не подтвердилось мнение о том, что миграция печенегов на нижний Днепр была вызвана внутрирусскими событиями — смутами и усобицами,³⁹ когда кочевники стали чуть ли не государствообразующей силой для Руси,⁴⁰ защит-

³⁷ Григорьев В. В. Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами. — Журн. М-ва народного просвещения, 1875, март, с. 11.

³⁸ Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. — В кн.: Материалы и исследования по археологии СССР, 1958, вып. 62, с. 225.

³⁹ Пархоменко В. А. Русь и печенеги. — In: Slavia, 1929—1930, t. 8, S. 138.

⁴⁰ Там же, с. 141; Пархоменко В. А. У истоков русской государственности. Л., 1924, с. 69—71; и др.

никами государственности полянской Руси (в XI в.).⁴¹

Еще Д. А. Расовский показал, как опасность для Киевской Руси в конце X—начале XI в. со стороны печенегов, теснимых с востока торками, сменяется активным наступлением Руси, что побуждает кочевников уже со второй трети XI в. переходить Дунай, нападать на Византию.⁴² С исходом борьбы Ярослава с печенегами в 1036 г.⁴³ связываются и троекратные нападения последних в том же году на Византию.⁴⁴ Первой половиной XII в. датируется окончательное превращение печенегов южнорусских степей из самостоятельного кочевого народа в конфедератов галицких и даже черниговских князей.⁴⁵ Часть же печенегов и торков, оставшись в степях,⁴⁶ видимо, поглощалась другими волнами кочевников.⁴⁷

⁴¹ См. подробнее в кн.: *Мавродина Р. М.* Проблема взаимоотношений Киевской Руси и кочевников в советской исторической науке 20—30-х годов. — В кн.: *Историографический сборник.* Саратов, 1973, вып. 1/4, с. 131.

⁴² *Расовский Д. А.* Печенеги, торки и берендеи... с. 7.

⁴³ *Повесть временных лет.* М.; Л., 1950, т. 1, с. 102 (1036 г.).

⁴⁴ Ср.: *Грушевський М.* *Исторія України — Руси.* Львів, 1905, т. 2, с. 25.

⁴⁵ *Пашуто В. Т.* *Внешняя политика Древней Руси.* М., 1968, с. 109.

⁴⁶ *Gombocz Z.* *Über den Volksnamen Besenyö.* — *Turán,* № 3, 1918, S. 213.

⁴⁷ *Marquart J.* *Über das Volkstum der Komänen.* Leipzig, 1914, S. 157.

Итак, сопоставление известий византийских хроник и других источников о войне 1121—1122 гг. с сообщением Ипатьевской летописи под 1121 г. дает возможность предположить причину последнего набега печенегов вместе с узами на Византию.

Здесь немало, конечно, гипотетического, ибо приходится восстанавливать целое по разрозненным отрывочным сведениям, сопоставлять отдельные фрагментарные данные. Трудности в конкретизации литературного термина «скифы» византийских источников, в идентификации других этниконов объективны. И в археологии подобные проблемы, как видно, тоже вызывают разногласия: печенежские памятники для одних относятся к торкам другими, одни и те же археологические объекты атрибутируют то печенегам, то куманам, то торкам. И выделение того или иного преобладающего элемента в смешанном «кочевом» материале оказывается делом очень тонким и сложным.⁴⁸

К поставленному вопросу о связи с событиями русской истории последнего набега печенегов вместе с узами на Византию примыкает и проблема локализации рассматриваемой войны. Тер-

⁴⁸ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 218; Она же. Кочевники южнорусских степей IX—XIII вв.: Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1952, с. 7—8. Ср.: Fehér G. Zur Geschichte der Steppenvölker von Südrußland im 9—10. Jh. — *Studia slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1959, t. 5, S. 318 ff.

ритория, на которой проходила война Иоанна II, названа у византийских авторов по-разному. Михаил Италик говорит $\acute{o} \tau\acute{\omega}\nu \pi\alpha\rho\iota\sigma\rho\tau\rho\iota\acute{\omega}\nu \acute{\alpha}\gamma\omega\acute{\nu}\omega\nu$ (М. Ит., 82.7—8). В каком значении употреблен этот топоним? Н. Бэнеску пишет о самостоятельном существовании *фемы* Паристрион со времени Иоанна Цимисхия вплоть до 1185 г.⁴⁹ В. Златарский первоначально, напротив, говорил только о позднем происхождении придунайской фемы, затем, впрочем, признал ее существование отдельно от крупной фемы Болгария.⁵⁰ К этому пришли и другие ученые.⁵¹ Однако тот же В. Златарский отметил, что ко времени печенежской войны Иоанна II исчезает административная единица с таким названием: не известны ни «дуки», ни «катепаны» такой фемы. Поэтому и слова «Истории» Киннама $\alpha\acute{\iota} \pi\alpha\rho\iota\sigma\rho\tau\rho\iota\alpha\iota \pi\acute{o}\lambda\epsilon\iota\varsigma$ (118.11; 119.17—18) он предлагает понимать как «поистрийские города» в среднем течении Дуная, не имеющие ничего общего с фемой Паристрион.⁵²

⁴⁹ *Bănescu N.* Les premiers témoignages byzantins sur les Roumains du Bas-Danube. — *Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher*, 1922, Bd. 3, S. 289.

⁵⁰ *Златарски В. Н.* Политическото положение на Северна България: през XI и XII вв. — В кн.: *Известия на Историческото дружество в София*, 1929, т. 9, с. 8—10; *Он же.* История... Т. 2, с. 112.

⁵¹ См.: *Ангелов Д.* История на Византия. София. 1959, т. 1, с. 383; *Цанкова-Петкова Г.* Югозападните български земи през XI в. според «Стратегоконът» на Кекавмен. — *Известия на Института за българска история*, 1956, т. 6, с. 614.

⁵² *Златарски В. Н.* История... Т. 2, с. 369—370. Ср.:

Топоним Михаила Италика тоже, думается, имеет значение не административное, а географическое, указывающее на локализацию военных действий в районах, близких к Дунаю (ср.: Код. Марк., 159.270.23). Следует попутно заметить, что отсутствие фемы Паристрион не дает повода для представления о запустении подунайских византийских крепостей,⁵³ о практической незначительности Дуная в качестве границы империи.⁵⁴ Византия сохраняет в этом районе свою власть и силу.⁵⁵

Проблема локализации событий во многом упирается в толкование соответствующих свидетельств византийских хроник. По Киннаму, Иоанн II направляется для ведения военных действий в «Македонию» (7.15—18). А Никита Хониат сообщает о набеге «скифов» на «Фракию» и операциях там (13.40). Одно это и то же или имеются в виду разные территории? Если это

Stănescu E. Beiträge zur Paristrion-Frage. — Jahrbuch der Osterreichischen Byzantinischen Gesellschaft, 1968, Bd. 17, S. 41 sq.

⁵³ *Barnea I.* Byzance, Kiev et l'Orient sur le Bas-Danube du Xe au XIIe siècle. — In: Nouvelles études d'histoire. Bucarest, 1955, p. 173.

⁵⁴ *Jorga N.* Formes byzantines et réalités Balkaniques. Leçons faits à la Sorbonne. Bucarest; Paris, 1922, p. 30; *Idem.* Histoire des Roumains et de la romanité orientale. Paris, 1937, vol. 2, p. 366.

⁵⁵ Подробнее см.: *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, с. 281—282; ср.: *Urbansky A. B.* Byzantium and the Danube Frontier. New York, 1968, p. 43.

различная локализация, то события, по Киннаму, разворачиваются западнее, чем у Никиты Хониата.

«Македония» могла пониматься в двух смыслах. В старом, античном, обозначая обширную историко-географическую область, сопредельную на юге с Фессалией, ограниченную с севера долиной р. Дрины. Восточной Еграницей в этом случае считается г. Стримон. Вместе с тем этот топоним мог быть наименованием административно-территориальной единицы — фемы, образование которой приходится на конец VIII—начало IX в.⁵⁶ Однако затем, начиная со второй половины X в., фемы Македонии и Фракии неоднократно объединялись, дробились, границы их менялись.⁵⁷ В XI в. известны правитель фемы Фракии и Македонии,⁵⁸ а также печать стратига Фракии и Дристры (Паристриона).⁵⁹ По мнению Ст. Маслева, объединение Фракии и Паристриона в XI в. бывало во время набегов болгар или печенегов. Итак, в конце XI—первой половине XII в. мы не можем указать стабильные, точные

⁵⁶ *Lemerle P. Philippe et la Macédoine orientale. Paris, 1945, vol. 1, p. 122, 191.*

⁵⁷ *Скабеланович Н. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884, p. 224; Златарски В. Н. История... Т. 2, с. 12; Маслев Ст. Византийски оловени печати от Плиска и Преслав. — Известия на Българския Археологически институт, 1955, т. 20, с. 449—450.*

⁵⁸ *Дуйчев Ив. Проучвания върху българското средновековие. София, 1945, с. 38.*

⁵⁹ *Маслев Ст. Указ. соч., с. 448—450.*

границы между фемами Фракия и Македония, самостоятельное существование которых в это время к тому же постоянно чередуется с объединением.

Вместе с тем в сознании византийца XII в., который к тому же не занимался составлением сочинения по топографии (а это относится к Киннаму и к Никите Хониату), все эти тонкости могли быть несущественны. И пределы Фракии или Македонии могли представляться более или менее условными. Например, Никита Хониат, вспоминая о печенежской войне Алексея I Комнина, говорит, что кочевники тогда заняли Фракию и опустошили большую часть Македонии (14.45—47). По Анне Комниной (11.106—108, 116—132), военные действия 1086—1091 гг.⁶⁰ проходили по таким пунктам: Дристра — Озолимна — Филиппополь — Тавроком — Хариополь — район Русия — район Чурула — Хировакхи.⁶¹ Как видим, границу между «Фракией» и «Македонией» здесь провести трудно. К тому же выражение Никиты Хониата могло быть просто риторическим плеоназмом. Слова «Фракия» и «Македония» для ло-

⁶⁰ Начало военных действий датировано К. Феррари 1084 г.: *Ferrari K. Zur Identifizierung der Sonnenfrusternis während des Petschenegenkrieges Alexios I. Komnenos (1084). — Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik, 1974, Bd. 23, S. 179—184.*

⁶¹ Подробнее см.: *Любарский Я. Н. Византино-печенежская война, с. 7.*

кализации тех или иных действий к югу от Дуная встречаются у него нередко.

Так или иначе нет оснований видеть различие в локализации на основании употребления тремя писателями трех разных топонимов. Военные действия проходили на пространстве между Дунаем и, несомненно, Балканами: Михаил Италик говорит о битвах у Гема (М. Ит., 284.28—33; 285.1). Ф. Шаландон⁶² сомневается в том, что печенеги прошли ущелья Балкан. В. Златарский, напротив, полагает, что кочевники проникли за Балканский хребет и решающая битва произошла в окрестностях Веррой⁶³ (совр. Стара Загора). Действительно, по Киннаму (7.18), Иоанн II зимует в окрестностях Веррой, откуда весной 1122 г. начинает решающий поход на «скифов». Но неизвестно, произошла ли битва рядом с этим местом. Естественно было бы предположить, что византийский лагерь от печенегов отделял горный хребет: вряд ли было целесообразно устраивать зимние квартиры на глазах у находящихся рядом врагов. Во всяком случае, ни в одном источнике не указано, что «скифы» проникли за Гем. В монодии Михаила Италика на смерть Андроника Комнина есть интересная фраза. Говоря, что кочевники вторглись в ромейские пределы и опустошали их, он заключает: ἄλαν δὲ τὸ πρὸςδοκώμενον ἴσο ἦν ρῶ (т. е. γένει. — М. Б.) ἐν

⁶² Chalandon F. Les Comnènes... Paris, 1912, vol. 2, p. 49.

⁶³ Златарски В. Н. История... Т. 2, с. 368—369.

χερσίv (М. Ит., 83.9—11). Это можно понимать двояко. Или ἴσον — часть идиомы ἴσον εἰλεῖv (ср. М. Ит., 84.12), тогда фраза читается: «все, на что они рассчитывали, было, можно сказать, у них в руках». Или ἴσον — это «равнина». Тогда получаем: «вся желанная равнина была у них в руках», т. е. речь идет о территории до Балкан. Оба понимания допустимы.

В наших источниках нет ничего о месте перехода кочевниками Дуная, но можно попытаться представить его себе. Известно о неоднократных переправах печенегов и узов через Дунай в нижнем его течении, против Добруджи.⁶⁴ В районе Дристры, Вичины жили печенеги, благодаря которым осуществлялась переправа печенегов в ромейские земли во время войны 1086—1091 гг.⁶⁵

Интересно сопоставить это с данными топонимики. Исследование тюрских топонимов показало, что подавляющая их часть на левобережье Дуная приходится на территорию Олтении и около нее.⁶⁶ Восточнее же этого района, за исключением междуречья Борчи и Дуная, их меньше. Когда имеются в виду районы кочевий как

⁶⁴ *Diaconu P.* Les Petchénègues au Bas-Danube... P. 79.

⁶⁵ См.: *Любарский Я. Н.* Византино-печенежская война, с. 3—5.

⁶⁶ *Conea I., Donat I.* Contribution à l'étude de la toponymie petchénègucoman de la Plaine Roumaine du Bas-Danube. — In: *Contributions onomastiques.* Bucarest, 1958, p. 154—155.

куманов, так и печенегов, трудно дифференцировать эти топонимы и обычно говорят о печенежско-половецкой топонимике.⁶⁷ Если считаться с мнением о вытеснении печенегов и узов в XII в. половцами, то скорее придется локализовать переход кочевников в 1121 г. восточнее Олтении, что могло бы соответствовать их пути из Киева,⁶⁸ будь они изгнанниками Владимира, известными по русской летописи.

Сказав о вторжении кочевников, наши авторы рассказывают об их разрушительных действиях на ромейской территории. Они грабят фракийские земли, уничтожая все, что попадает на пути (Н. Хон., Ист., 13.39—40). Что-то уже было захвачено, что-то надеялись взять (М. Ит., 83.9—11). Узнав об этом, Иоанн II Комнин спешит к месту событий (Кинн., 7.15); туда собираются отовсюду ромейские отряды (М. Ит., 83.11—13), чтобы разделенным, обособленным племенным силам «скифов» противопоставить собранное, единое ромейское войско (Н. Хон., Ист., 13.41—14.42). Византийский император с армией зимуют в Веррое (Кинн., 7.17—18). Воспоминание о тяжелых войнах с печенегами при Алексее I Ком-

⁶⁷ *Jordan I. Sprachgeographisches aus dem Gebiete der rumanischen Toponomastik. — In: Contributions onomastiques, p. 22—26.*

⁶⁸ *Ляскоронский В. Г. Русские походы в степи в удельно-вечевое время. СПб., 1907, см. карту путей в степи в XI—XIV вв.; ср.: Молодчикова И. О. Географічне розміщення печенігів у IX—XII ст. — Український історичний журнал, 1974, № 8, с. 106—107.*

нине, когда были опустошены, по словам Никиты Хониата, Фракия и бóльшая часть Македонии, требовало хорошей подготовки к войне (Н. Хон., Ист., 14.44—47).

Вместе с тем византийцы предприняли удачную попытку внести раскол во вражеские силы. Киннам говорит об этом как о *главной* причине остановки на зимние квартиры (Кинн., 7.19), а Никита Хониат называет этот шаг «стратегическим приемом» (Н. Хон. Ист., 14.48). Поскольку было известно, что пришельцы расположились отдельно по своим племенам — «филам» (Н. Хон., Ист., 14.51—52), к различным вражеским «филархам» (Кинн., 7.19), видимо, племенным вождям, отправляются послы,⁶⁹ по Никите Хониату, «единоязычные со скифами» (ὁμογλώττων τῶν Σκυθῶν: Н. Хон., Ист., 14.49). Киннам сообщает, что послам удалось одних из противников склонить на свою сторону, с другими же василевс решил воевать (Кинн., 7.21—8.1). По Хониату, «скифские» вожди были отвлечены и ослеплены шелковыми тканями, серебряными чашами, сосудами и т. п. Воспользовавшись этим колебанием, Иоанн решил на них неожиданно напасть (Н. Хон., Ист., 14.56). Намек на это можно видеть у Михаила Италика в речи к императору Мануилу Комнину, при упоминании печенежской войны Иоанна, отмечающего «удачный обман» (М. Ит., 284.33). По мнению П. Готье,⁷⁰ под этой хитрос-

⁶⁹ Dolger F. Regesten... Munchen; Berlin, 1925. Bd. 2. № 1299.

⁷⁰ Gautier P. — М. Ит. р. 285, n. 33.

тью имеются в виду события, известные только по Михаилу Сирийскому: как некогда Алексей I, арестовавший печенежских послов, Иоанн II приказал арестовать всех варваров, имевших свободу пребывать на греческой территории, после чего предпринял штурм печенежского лагеря (III.209). Но может быть, Михаил Италик имеет в виду факты, известные нам из Хониата? Подкуп был традиционным методом византийской дипломатии⁷¹ и очень действенной мерой, когда это касалось кочевников, особенно разноплеменных⁷² (как бы ни оценивать его: как стыдливую замену «дани» более мягким «подарки»,⁷³ что в данном случае маловероятно, или как средство охраны границ).⁷⁴

Первое столкновение ромеев с кочевниками было, как явствует, неудачным для первых. Сначала какое-то время чаши успеха колебались (Кинн., 8.1—3). Затем, видимо, последовало смятение в византийском войске (М. Ит., 284.29): ромеи устремились вперед, отступили, были отброшены и, хотя бросались и дважды и трижды на врагов, были отбиты. И вот уже разорван строй, распался ряд. Ужас вселился в стратиотов,

⁷¹ Ср.: *Moravcsik Gy. The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy.* — In: *Actes du XII Congrès International d'Etudes byzantines.* Beograd, 1963, t. 1, p. 305.

⁷² *Васильевский В. Г. Византия и печенеги...* с. 28, 98 и сл.

⁷³ *Григорьев В. Указ. соч.,* с. 16—17.

⁷⁴ *Шангин М. Византийские мероприятия по охране границ.* — *Историк-марксист,* 1941, № 4, с. 91.

отвага — в варваров. И уже склонил знамя знаменосец... (М. Ит., 83.14—18). Схватка получилась страшная, самая грозная из тех, что когда-либо были, по словам Никиты Хониата (Н. Хон., Ист., 14.63—64). Преимущество печенегам перед ромеями давали стремительные конные атаки, обстрелы из луков, действие оглушительного крика, сопровождавшего их налеты (Н. Хон., Ист., 14.64—68). Михаил Италик (283.8—10) сообщает о построении «скифской» (и «фракийской») кавалерии в форме полуромба.⁷⁵ В этой битве участвовал и Иоанн II Комнин. Если Хониат просто говорит о его помощи той или иной части войска (Н. Хон., Ист., 14.68—15.70), то Киннам (8.2—3), Михаил Италик (285.1—2) и Никифор Васибеки (Н. Вас., Энк. Акс., 11.165) сообщают о ранении стрелой в ногу василевса в этом бою.

Следующим этапом войны было, видимо, наступление византийского войска (Кинн., 8.3—5). Но натиск ромеев встретил крепкую оборону противника. Киннам и Никита Хониат подробно рассказывают о военной хитрости печенегов, огородившихся повозками и создавших тем самым подобие крепости, сквозь «стены» которой невозможно было пробиться нападавшим, но из-за которой легко было поражать противника (Кинн., 8.6—12; Н. Хон., Ист., 15.73—82; ср.: М. Сир., III.206). Киннам рассказывает также, что «скифы» выставили наверх женщин и детей (Кинн.,

⁷⁵ Ср.: *Dain A. Histoire du texte d'Elie le Tacticien.* Paris, 1946, p. 50—51, 98.

8.9—10). Такой вид защиты⁷⁶ позволил печенегам удачно отбивать атаки войска Иоанна II. Требовалось какое-то решительное действие, чтобы сломить эту оборону.

В изложении решающего момента битвы привлекаемые нами авторы расходятся друг с другом. Четок рационалистический рассказ Киннама (8.12—18). Василевс, видя, что атаки печенежского укрепления безуспешны, решает штурмовать его не на конях, а спешившись.⁷⁷ При этом он приказывает британским секироносцам⁷⁸ рубить телеги противников. Это приносит успех: «скифский» лагерь захвачен.

Хониат отмечает другое (15.83—93). В битве василевс оказался не только хорошим и умелым воином, но и проявил невиданное благочестие: когда ромейские фаланги изнемогали под натиском врагов, он, взяв икону Богоматери и с плачем взирая на нее, в уничтожении проливал слезы, более горячие, чем пот сражавшихся. И не бесплодно, по словам повествователя, было действие это: тотчас же василевс облекся силою свыше и прогнал скифские войска, как некогда Моисей, простерши руку, отвратил полчища амалекитян.

⁷⁶ Ср.: Голубовский П. В. С какого времени можно проследить на юге Руси способ защиты табором. — Тр. XI Археол. съезда, 1902, т. 2.

⁷⁷ То же сообщает и Михаил Сирийский: III.206.

⁷⁸ Ср. сведения исландских sag: *Dawkins R. M. An Echo in the Norse Sagas of the Patzinak War of John II Komninos.* — In: *Mélanges Emile Boisacq.* Bruxelles, 1937, vol. 1, p. 244—246.

Таково объяснение писателя, создающего скорее исторический роман, любящего интересные и занимательные сюжеты.

Михаил Италик считает, что решающая роль в битве с печенегами принадлежит севастократору Андронику Комнину. Это естественно: данное место — центр всего повествования о войне в монодии византийского ритора (83.18—24). Описание отваги севастократора, когда он, по византийским понятиям, еще юноша (хотя тогда ему должно было быть 25 лет) в войне с мусульманами в 1116 г. (один!) победно совершил всю войну (М. Ит., 84.25—85.2), — главная тема произведения. А Никифор Васибеки повествует о мужестве в решительный момент севаста, великого доместика Востока и Запада Иоанна Аксуха — также адресата энкомия (Н. Вас., Энк. Акс., 11.182—12.193). Интересно при этом заметить, что ни Киннам, ни Никита Хониат ничего не сообщают даже об участии севастократора и великого доместика в этой войне.

Итак, по четкому и краткому сообщению Киннама, решительное вмешательство пеших «британских» секироносцев, разрушивших укрепление, позволило византийцам одержать верх; по более беллетристичному рассказу Никиты Хониата, этому способствовало чудесное действие иконы Богородицы; Михаил Италик считает, что победой ромей обязаны севастократору Андронику, монодию в честь которого он пишет; это же относится и к Никифору Васибеки, обращающемуся с речью к Иоанну Аксуху. Таким образом,

жанр произведения у каждого автора обуславливает и логику объяснения событий.

Можно предположить, что военные действия завершились уже на левом берегу Дуная: Феодор Продром отмечает подвиги севастократора Андроника за Дунаем;⁷⁹ Никифор Васибеки говорит, что кровью врагов окрасились потоки Истра.⁸⁰

Об итогах последней войны печенегов мы узнаем главным образом от Киннама и Никиты Хониата. Бóльшая часть оставшихся в живых и сдавшихся византийцам была расселена в ромейских пределах (Кинн., 8.12—22; Н. Хон., Ист., 16.4—8). Хониат указывает на то, что это была западная часть государства (Н. Хон., Ист., 16.7; ср.: Ф. Пр., И. Ст., XXIX. 6—16; XXV.35; XXV.88). Такое определение не противоречит представлению византийцев о локализации Подунавья. Кроме того, немалая часть «скифов» была зачислена во вспомогательные отряды византийской армии (Кинн., 8.22; Н. Хон. Ист., 16.8—9). Действительно, в дальнейшем мы встречаем печенегов в составе ромейского войска: во время войны Иоанна II в Киликии в 1138 г. при взятии Нистии (Н. Хон., Ист., 29.52), затем Шайзара (Н. Хон., Ист., 30.70), в половецкой войне Мануила 1148 г. (Кинн., 94.15—20), возможно, в битве у Бари в Италии (Кинн., 143.6—11), в походе на Кылич-Арслана II в 1160 г. (Кинн., 199.12), в кампании Мануила I в Венгрии в

⁷⁹ Ф. Пр., Речи, 527.8.

⁸⁰ Н. Вас., Речь, 334.18—19.

1165 г. против Стефана III (Кинн., 236.13—18), в битве у Срема в 1167 г. (Кинн., 271.3). Наконец, бо́льшая часть пленников, по Хониату, была продана (Г. Хон., Ист., 16.9—10).

По случаю победы был устроен триумф (М. Ит., 285.3) с молебном и установлен праздник, названный, как сообщает Хониат, праздником печенегов, в память о совершенном (Н. Хон., Ист., 16.11—14). Об окончательном истреблении Иоанном II Комнином своих врагов говорят и Феодор Продром (Ф. Пр. И. Ст., V.25; XXV.36—37; LXXI.19), и Михаил Италик (83.18—24), и Никифор Васибеки.⁸¹ По-видимому, эта победа над печенегами в Византии воспринималась современниками как решающая и окончательная.

Значение византийских хроник для изучения исторических судеб печенегов не исчерпывается чисто информативной нарративной стороной дела. Сопоставление их свидетельств с материалами византийских риторических произведений конкретизирует обобщенные данные последних, расширяя тем самым круг источников по интересующим нас событиям. В результате в качестве источников по печенежско-византийской войне 1121—1122 гг., помимо исторических трудов Киннама и Хониата, могут быть привлечены речи и письма Михаила Италика, стихотворные сочи-

⁸¹ Н. Вас., Энк. Акс., 12.194—195. Но в 1150 г. во время похода Мануила I на Сербию печенеги выступают в союзном сербском войске против Византии (Кинн., 107.9—17).

нения и монодия в честь Андроника Комнина в прозе Феодора Продрома, речь Никифора Василиаки, адресованная императору Иоанну Комнину, его же энкомий в честь севаста Иоанна Аксуха, типик константинопольского монастыря Пантократора,⁸² речь Евстафия Солунского, обращенная к василевсу Исааку Ангелу, стихи неизвестных авторов XII в. в Венецианском кодексе 524 XIII в.⁸³ Из негреческих источников данные об этом событии мы получаем также в сирийской хронике яковитского патриарха Востока Михаила Сирийского: привлекаем и сведения о кочевниках в мемуарах французского рыцаря Роберта де Клари.

Сообщения византийских хроник о последней печенежско-византийской войне сопоставимы с кратким упоминанием Ипатьевской летописи о судьбах группы кочевников при князе Владимире. В этом случае раскрывается большое содержание краткой заметки русского источника. На

⁸² Тип. Пант., 1—13.

⁸³ Конечно, информация, содержащаяся во всех этих памятниках, неодинакова. В одних случаях — это только намек на войну Иоанна II Комнина с печенегами (*М. Ит.*, 229.5—11; 249.19—21; *Ф. Пр.*, И. Ст., II. 46; XVI.1—16; гипотетично — IV.51.60; VII.18—20); в других — «скифы» фигурируют просто при перечислении покоренных Иоанном народов, откуда иногда мы получаем отдельные сведения по заметкам, употребленным эпитетам, кратким характеристикам (*М. Ит.*, 267.20—30; *Ф. Пр.*, И. Ст., II.51—59; IV.221—230; IV.271—280; V.21—30; VIII.157—170; X. В. 1—10; XIV.11—20; XXV.26—43; XXIX.6—16; LXXI.14—26; Тип. Пант., 27.8).

основании этого последний набег печенегов (и узов) на Византию из-за Дуная ставится в связь с событиями русской истории и в известной степени объясняется ими. Таким образом, вытеснение печенегов и узов с территории Руси отразилось на судьбах Юго-Восточной Европы, куда продвигались остатки этих кочевых племен.

Глава 2

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ПОЛОВЦЕВ В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В XII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII в.

Отмечаемая исследователями общность исторических судеб южнославянских и русского народов обусловила на отдельных этапах их политического и культурного развития необходимость решения сходных исторических задач.¹ Древняя Русь и средневековые государства Юго-Восточной Европы, развивая тесные взаимные контакты, не раз в столкновении с одними и теми же политическими проблемами черпали силы для борьбы за интересы своего национального развития.

Одной из таких проблем в столетие, предшествующее монголо-татарскому нашествию на Русь и

¹ Ангелов Д. Руси и българи в историята. София, 1945, с. 3—4, 19 и сл.; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 89—90, 202.

страны Юго-Восточной Европы, была куманская. В XII—первой половине XIII в. южнорусские земли становились объектом половецких набегов. В тот же период на североболгарские земли Нижнего Подунавья, входившие в состав Византийской империи, а позже ставшие составной частью Второго Болгарского царства, неоднократно приходили из-за Дуная куманские кочевники.

Место кочевников Причерноморья в истории Руси, народов Восточной и Юго-Восточной Европы — традиционный предмет исследований византинистов, славистов, историков Руси. В ее разработку внесли вклад В. Г. Васильевский, Ф. И. Успенский, Й. Маркварт, К. Дитерих, Н. Йорга, В. Златарский, Д. А. Расовский, Д. Моравчик, Д. Дуйчев, М. Дьони, В. Тыпкова-Заимова, Г. Цанкова-Петкова, П. Диакону, советские историки Г. Г. Литаврин, В. Т. Пашуто, С. А. Плетнева и многие другие. Анализ византийских источников, русских летописей, болгарских литературных памятников, привлечение археологических материалов, данных топонимики, нумизматики, сфрагистики, других специальных исторических и филологических дисциплин дает возможность определить закономерности динамики миграций тюркских кочевников в XII—первой половине XIII в. на территории Юго-Восточной Европы. В последнее время (XIV конгресс историков в Сан-Франциско, XIV и XV конгрессы византинистов в Бухаресте и Афинах) рассматриваемая тема получает все более широкий аспект изучения, возможного на основе комплекс-

ного анализа имеющихся материалов: встреча цивилизаций в условиях «переломных» моментов исторического развития, взаимодействие направляющих исторического пути Востока и Запада, условия возникновения общественно-производственного синтеза в «пограничных» зонах.

В связи с этим анализ миграции тюркских кочевников Восточной и Юго-Восточной Европы (Северное Причерноморье и Нижнее Подунавье) в XII—первой половине XIII в. позволит выяснить ряд вопросов. Первое: как корректируются традиционные представления об истории печенегов, узов и половцев результатами новых источниковедческих изысканий (последние публикации, обнаруженные рукописные материалы, новые атрибуции и датировки памятников)? Второе: что дает для определения основных этапов военно-политической истории половцев в указанный период привлечения данных разноязычных (русских, византийских, сирийских, старофранцузских, других западноевропейских латиноязычных) и разножанровых (хроники, речи, письма, стихотворные сочинения, акты) письменных источников? Третье: как методика комплексного анализа истории кочевников Причерноморья (этногеографические исследования, классификация этнонимии, локализация и картографирование, графическое отображение миграционных процессов) позволяет представить динамику миграций тюркских кочевников в Юго-Восточной Европе в рассматриваемое время? Настоящая работа построена на привлечении материалов византий-

ских источников, а также на сопоставлении результатов их анализа с данными русских летописей, отдельных европейских и восточных источников.

В свете новых источниковедческих исследований скорректированы и изменены принятые ранее в обобщающих работах по нашей теме датировки описаний ряда событий у Киннама и Никиты Хониата, речей Георгия Торника (ритора), Сергия Коливы, Иоанна Сиропула, Константина Стилва. По сравнению с корпусом византийских известий о тюркских народах Д. Моравчика² дополнительно привлекаются в связи с изучаемыми вопросами сообщения писем Иоанна Цеца, митрополита Георгия Торника, эпитафии Феодора Продрома, речей Михаила («Солунского») и Евфимия Торника и др.

Подробный предварительный анализ каждого из изучаемых текстов с целью уточнения содержания этнонимов памятников, локализации событий, отождествлений лиц — участников интересующих нас кампаний — привел к следующим результатам, важным для последующих выводов. Набеги кочевников в первой четверти XII в. с территории Руси, Северного Причерноморья за Дунай представляли собой, вероятно, движение объединенных сил печенежско-торческих союзов.³ Этноним «скифы» византийских источников

² *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Berlin, 1958. Bd. 1, 2.*

³ *Бубиков М. В. Источниковедческие проблемы изучения истории кочевников... с. 47—52.*

применительно к событиям последней четверти XII—начала XIII в. в основном обозначает половцев — участников движения Петра и Асеня и походов Калояна.⁴ Анализ локализации событий в источниках не позволяет говорить о широком территориальном охвате миграций кочевников в Подунавье в середине XII в.⁵

Пусть исследования поставленной проблемы предполагает первоначально источниковедческий анализ военно-политической истории куманской инфильтрации в северо-западнопричерноморские земли, а затем сопоставление полученных результатов с выводами исследователей половецких древностей на Руси.⁶

Вопросы датировок и атрибуции источников

За последние годы расширилась источниковедческая база изучения военно-политической истории куманов на территории Юго-Восточной Европы. Помимо издавна используемых исторических сочинений Иоанна Киннама и Никиты

⁴ *Van Dielen J.-L. Niketas Choniates. Erläuterungen zu den Reden und Briefen nebst einer Biographie. Berlin; New York, 1971, S. 65 f.*

⁵ *Бибигов М. В. Византийские хроники и локализация половецко-византийской войны 1148 г. — Летописи и хроники. 1976. М., 1976, с. 17—22.*

⁶ *Расовский Д. А. Половцы. I—IV...; Он же. Военная история половцев. — Annales d'Institut Kondakov, 1940, t. 11, p. 95—128; Плетнева С. А. Половецкая земля. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975.*

Хониата, по которым и излагалась основная событийная канва,⁷ привлекаются речи Евстафия Солунского,⁸ а также речи и письма Никиты Хониата, опубликованные полностью сравнительно недавно.⁹ Анализ других риторических памятников для рассмотрения этого периода истории полонцев дает новые материалы, позволяет сделать ряд существенных уточнений, но и сталкивает с рядом сложных проблем.

Так, отнесение панегирика Михаила Хониата в честь Исаака II¹⁰ к событиям, следующим за мятежом Алексея Враны, заставило пересмотреть последовательность изложения и датировку Ф. И. Успенского, основывавшегося в выводах на «Истории» Никиты Хониата (первый поход Исаака на болгар — весна 1186 г., подавление мятежа Враны — лето, второй поход — осень-зима 1186 г.). Точка зрения последнего была воспринята Б. Т. Горяновым.¹¹ Но, по Михаилу Хониату, первый поход состоялся после подавления мятежа Враны, в соответствии с чем В. Г. Васильевский¹² располагал события так: конец зи-

⁷ См., например: *Успенский Ф. И.* Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879, с. 106 и сл.

⁸ *Евст. Сол.*, Соч., 41.79, 44.87 ff.

⁹ *Van Dieten J.-L.* Nicetae Choniatae orationes et epistolae. Berolini et Novi Eboraci, 1972.

¹⁰ *М. Хон.*, I.248.

¹¹ История Болгарии. М., 1954, т. 1, с. 121—122.

¹² *Васильевский В. Г.* Рец. на кн.: *Ф. И. Успенский.* Образование Второго Болгарского царства. — Журн. М-ва народного просвещения, 1879, № 204, июль—август, с. 48—52.

мы — начало весны 1186 г. — действия против болгар последовательно трех византийских полководцев — севастократора Иоанна, Иоанна Кантакузина и Алексея Враны; весна — мятеж, подавленный летом, и только после этого, в июле-августе 1186 г., — первый поход, а дело у Лардеи и второй поход — поздняя осень 1186 г. Таким образом, оказывается возможным участие куманов в качестве союзников болгар, начиная с более раннего периода — уже во время войн полководцев до первого похода.

Более того, В. Златарский, сохраняя такую последовательность, относит все события к еще более раннему моменту: войны первых двух византийских военачальников — к концу 1185 г., назначение Враны — к марту 1186, первый поход — к июню-июлю.¹³ Эта хронология событий принята и в ряде современных работ — у Д. Ангелова и Г. Острогорского.¹⁴ М. Я. Сюзюмов, датируя события по первый поход Исаака II в соответствии с данными В. Г. Васильевского, кампанию византийских полководцев отодвигает ко времени после первого похода Исаака, на зиму 1186/87 гг., а мятеж Враны относит к концу зимы 1187 г.¹⁵

¹³ Златарски В. Н. История на Българската държава през средните векове. София, 1972, т. 2, с. 443—448.

¹⁴ Ангелов Д., Андреев М. История на Българската държава и право. София, 1955; Ostrogorsky G. Geschichte des Byzantinischen Staates. München, 1963, S. 334.

¹⁵ Сюзюмов М. Я. Внутренняя политика Андроника Комнина и разгром пригородов Константинополя в

М. Бахман восстановил цепь событий до 1195 г. с привлечением, помимо указанных источников, сочинений Иоанна Сиропула, Евстафия Солунского, Сергия Коливы, Георгия Торника.¹⁶ Начало восстания он отнес к 1186 г. Это соответствует последовательности изложения у Никиты Хониата.¹⁷ Мятеж Враны датирован весной следующего года. События первого похода Исаака Комнина на болгар отражены в речи и в «Истории» Никиты Хониата и у Михаила Хониата¹⁸ и относятся к раннему лету 1187 г. (произнесение панегирика Михаилом Хониатом — около 12 сентября). Осенью того же года датируется второй болгарский поход (битва у Лардеи — 8 октября), описанный Никитой Хониатом.¹⁹ Третий поход поставлен на 1188 г. Другая речь Никиты Хониата, составленная по случаю выступления Исаака Ангела против «влахов» и болгар,²⁰ датируется 1190 г., как и следующий, четвертый, поход. Речь Евстафия, касающаяся обороны Фи-

1187 г. — Византийский временник, 1957, т. 12, с. 69, 73.

¹⁶ *Bachmann M.* Die Rede des Johannes Syropulos an den Kaiser Isaak II Angelos (1185—1195) nebst Beiträgen zur Geschichte Kaisers aus zeitgenössischen rhetorischen Quellen. Diss. phil. München, 1935, S. 108 ff.

¹⁷ Н. Хон., Ист., 374.79 и сл.

¹⁸ Н. Хон., Ист., 372.50 и сл.; М. Хон., I.248.14 и сл.

¹⁹ Н. Хон., Ист., 394.18 и сл.; Н. Хон., Речи., 9.10 и сл.

²⁰ Н. Хон., Речи., 3.1 и сл.

липпополя,²¹ отнесена к апрелю 1191 г. 6 января 1192 г. принесена речь Иоанна Сиропула перед Исааком II.²² На самое начало 1193 г. приходится слово Сергия Коливы,²³ а на 4 января — речь магистра риторов Георгия Торника.²⁴

Все датировки, а в соответствии с этим и вся хронология и последовательность событий были пересмотрены И. Дуйчевым.²⁵ Эпиграмма Феодора Вальсамона²⁶ поставлена в связь с первым походом Исаака, датированным летом 1186 г. Речь Георгия Торника к Исааку датирована И. Дуйчевым не 1193, а 1186 г. К октябрю этого же года относится эпитафия Димитрию Торнику, сочиненная Евфимием Торником,²⁷ где отражены события второго похода Исаака. Еще один источник по первому походу — речь к Исааку Ангелу Сергия Коливы, произнесенная перед вторым походом²⁸ (октябрь 1186 г.). Произведение Иоанна Сиропула датируется 1187 г.; на этот же год отнесен и третий поход. Поэтому назначение Враны отнесено на конец ноября 1185—февраль 1186 гг., мятеж — на 22 марта—21 апреля 1186 г., первый поход — на май-июнь, второй —

²¹ *Евст. Сол.*, Соч., 43.35 и сл.

²² *И. Сир.*, 10.31.

²³ *С. Кол.*, 292.

²⁴ *Г. Торн. рит.*, Речь. 254.

²⁵ *Дуйчев И.* Проучвания върху българското средновековие. София, 1945, с. 44 и сл.

²⁶ *Ф. Вальс.*, Эп., 28.

²⁷ *Евф. Торн.*, 125 и сл.

²⁸ *С. Кол.*, 292; *Дуйчев И.* Указ. соч., с. 80—81.

на осень 1186 г. Эти даты (с оговорками) были приняты Г. Г. Литавриным.²⁹

Однако в результате дальнейшего анализа датировки И. Дуйчева были отвергнуты.³⁰ Отнесение речи Георгия Торника к 1186 г. невозможно, ибо сказано, что уже 8 лет, как Исаак на троне. В большинстве случаев речь датируется 1193³¹ или 1192—1193 гг.;³² речь Сергия Коливы — 1193 г.³³ К более раннему времени, по-видимому, относятся речи Иоанна Сиропула, а также слово к Исааку Ангелу Константина Стилва,³⁴ отнесенное вначале к XI в.,³⁵ затем датированное серединой 80-х гг. XII в.³⁶

²⁹ *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI—XII вв., М., 1960, с. 438 и сл.; те же датировки отмечены в кн.: *Hecht W.* Die byzantinische Aussenpolitik zur Zeit der letzten Komnenenkaiser (1180—1185). Würzburg, 1967, S. 76.

³⁰ *Van Dieten J.-L.* Niketas Choniates. Erläuterungen... S. 68 ff.

³¹ *Idem.* Das genau Datum der Rede des Georgios Tornikès an Isaak II Angelos. — *Byzantinische Forschungen*, 1968 (1971). Bd. 3, S. 114—116.

³² *Darrouès J.* Notes sur Euthymios Tornikès, Euthyme Malakès et Georgios Tornikès. — *Revue des études byzantines*. 1965, vol. 23.

³³ См.: *Byzantion*, 1965, t. 35, p. 170 sq.

³⁴ *К. См.*, 36 и сл.

³⁵ *Browning R.* An anonymous λόγος βασιλικός addressed to Alexios I Comnenos. — *Byzantion*, 1959, t. 28, p. 34—35.

³⁶ *Darrouès J.* Le Mémoire de Constantin Stilbès contre les Latins. — *Revue des études byzantines*, 1963, vol. 21, p. 56 sq.

Таким образом, датировка основных источников дискуссионна. Принятые нами даты³⁷ (см. ниже) ни в коей мере не являются окончательными.

Самостоятельные набеги куманов (40—70-е гг. XII в.)

Половецко-византийская война 1148 г. Касаясь источниковедческой стороны, рассмотрим проблему некоторых атрибуций, что позволит нам привлечь новые источники. Помимо известных данных Иоанна Киннама³⁸ и Никиты Хониата,³⁹ к этим событиям можно отнести и сообщение о разорении Дристры «придунайскими волками, частью скифов, племенем вероломным, рабским и варварским», в письме Иоанна Цеца,⁴⁰ датированном теперь не 1147,⁴¹ а 1148 г.⁴² Такое понимание данных источника заставляет пересмотреть

³⁷ *Van Dielen J.-L. Niketas Choniates. Erläuterungen...* S. 58—59; ср.: *Sankova-Petkova G. La liberation de la Bulgarie de la domination byzantine. — Byzantinobulgarica. Sofia, 1978, t. 5; Malingoudis Ph. Die Nachrichten des Niketas Choniates über die Entstehung des Zweiten bulgarischen Staates. Byzántina, 1978, t. 10.*

³⁸ *Кинн.*, 93.1—95.21.

³⁹ *Н. Хон.*, Ист., 78.39—42.

⁴⁰ *Цец. Пис.*, 94.6—7.

⁴¹ *Hart G. De Tzetzarum nomine, vitis, scriptis. — Jahrbuch für Classische Philologie. 1880, Supplb. 12, S. 44, Leone P. Prolegomena. — In: Цец. Пис., XIX.*

⁴² *Бибиков М. В. Византийские хроники... с. 19.*

отнесение Д. Моравчиком этнонима Цеца к узким племенам.⁴³ Получаемые сведения помогают и в локализации событий.⁴⁴

Другим источником является письмо митрополита Эфесского Георгия Торника к Алексею Гифарду, дуке фемы Фракисион,⁴⁵ где упоминаются победы последнего над «скифами», о командовании Алексеем Гифардом византийским вспомогательным отрядом «скифов» (вероятно, это печенеги и узы), нанесшим окончательное поражение куманам в этой войне, сообщает Киннам.⁴⁶

Дополнительные просопографические материалы можно почерпнуть из надгробного стихотворения Феодора Продрома, адресованного Константину Камицу (от имени супруги покойного Марии Комниной). Стереотипное риторическое указание на победы Константина над «варварами» в различных частях света, в том числе и над «западными», конкретизируется при сравнении с другим продромовским произведением. Имеется в виду монодия, написанная в утешение жене Камица — дочери порфирородной Феодоры, сестры автократора ромеев Иоанна⁴⁷ (сама монодия не имеет развернутой леммы: рассматриваемые сведения содержатся в продромовском «Утешитель-

⁴³ *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. 1, S. 342; Bd. 2, S. 281.*

⁴⁴ *Бибиков М. В. Византийские хроники... с. 17—22.*

⁴⁵ *Г. Торн. м-т., 151.2 и сл.*

⁴⁶ *Кинн., 94.20—95.13.*

⁴⁷ *Ф. Пр., Соч., 1423 АВ; Ф. Пр., Фр., 361.*

ном слове»,⁴⁸ к которому апеллирует наша монодия). Очевидное отождествление адресата монодии с Марией Комниной, женой Константина Камица, позволяет сблизить оба продромовских стихотворения — надгробное и монодию. В упоминаемых в последней «скифах», наряду с «франками» и «зверьями-островитянами» (имеются в виду события II Крестового похода и норманнской войны Мануила),⁴⁹ резонно видеть половцев 1148 г., поскольку весь внешнеполитический контекст произведения указывает на события конца 40-х гг.: вторжение «скифских» кочевников-куманов из-за Дуная (отсюда естественна их «западная», по византийским представлениям, локализация в надгробном слове Продрома)⁵⁰ в Византию в 1148 г. произошло в тот момент, когда император Мануил Комнин отправился навстречу норманнскому королю Сицилии Рожеру II для отвоевания греческих городов, захваченных сицилийцами,⁵¹ обострение отношений с которыми, совпавшее со II Крестовым походом, привело к византийско-норманнской войне.⁵² Итак, на осно-

⁴⁸ Ф. Пр., Фр., 360.

⁴⁹ Ф. Пр., 360 и сл.

⁵⁰ Ф. Пр., Соч., 1423 АВ; ср.: Miller E. Recueil des historiens des croisades. Historiens grecs. Farnborough, 1967, vol. 2, p. 503.

⁵¹ Caspar E. Roger II (1101—1154) und die Grundung der Normanischsizilischen Monarchie. Darmstadt, 1968, S. 376 ff.; Lamma P. Comneni e Staufer. Roma, 1955, t. 1, p. 75 sq.

⁵² Rassow P. Zum byzantinisch-normannischen Krieg 1147—1149. — In: Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. Wien, 1954, S. 213—219.

вании рассмотренных продромовских произведений устанавливается участие Константина Камнца в половецкой войне 1148 г. Риторическая деконкретизованность этих сведений не позволяет определить его функции в ней. Однако сам топографический материал, почерпнутый из сочинений Георгия Торника и Продрома, показателен. В эпизодическом, на первый взгляд незначительном военном столкновении участвуют как сам византийский император Мануил Комнин, так и некоторые высшие военные сановники — дука Алексей Гифард и Константин Камниц, имевший, возможно, титул севаста.⁵³

Вопрос о локализации рассматриваемых событий до сих пор дискусионен: в последних работах театр военных действий перемещается на север от Добруджи, к междуречью Сирета и Берлада,⁵⁴ или, согласно другой точке зрения, события отодвигаются далеко на запад — к Олту.⁵⁵ Подробное рассмотрение проблемы в специальной работе⁵⁶ позволяет сейчас не останавли-

⁵³ Кемалов К., Николов Д. Византийски моливдовулы от с. Вълкосел, Благоевградско. — В кн.: Музеи и паметници на културата. София, 1966, т. 6, № 4, с. 14.

⁵⁴ См.: *Bolşacov-Ghîmpu A. A. La localisation de la cité byzantine de Demnitzikos.* — *Revue des études Sud-Est Européenes*, 1967, vol. 5, № 3—4, p. 543.

⁵⁵ *Năsturel P. S. Valaques, Coumans et Byzantins sous le règne de Manuel Comnène.* — *Byzantina*, 1969, T. 1, с. 171—172.

⁵⁶ Бибииков М. В. Византийские хроники... с. 18 и сл.

ваться на ней детально, но указать лишь основные выводы о территории, на которой проходила кампания 1148 г. Вторгшиеся из-за Дуная куманы не только не перешли, вопреки мнению В. Г. Васильевского,⁵⁷ Балканский хребет, но и их распространение *вплоть* до Балкан⁵⁸ не определено четко источниками: война проходила на более ограниченном пространстве, близком к Дунаю. В результате половецкого набега подвергся разорению крупный дунайский горд Дристра, что определяется на основании данных Цеца.⁵⁹ С районом Дристры в основном и связываются нами события войны.⁶⁰

События войны территориально имеют отношение и к Руси: по Киннаму, византийский отряд, преследуя куманов, достигает горы, «возвышающейся вблизи пределов Тавроскифии».⁶¹ Толкование этого места также вызывает большие споры,⁶² и приходится констатировать пока отсутствие удовлетворительного решения пробле-

⁵⁷ Васильевский В. Г. Из истории Византии в XII в. — В кн.: Васильевский В. Г. Труды. Л., 1930, т. 4, с. 30.

⁵⁸ Грот К. Я. Из истории Угрии и славянства в XII в. Варшава, 1889, с. 130.

⁵⁹ Цец. Пис., 93.10 и сл.

⁶⁰ Мутафчиев П. Съдбините на средновековния Дръстър. — В кн.: Избрани произведения. София, 1973, т. 2, с. 86.

⁶¹ Кинн., 94.12.

⁶² Подробнее см. в кн.: Бибиков М. В. Византийские хроники... с. 20 и сл.

мы. Возможно, здесь речь идет о южных отрогах Восточных Карпат: под «Тавроскифской» землей в нашем источнике обычно понимается Галицкая Русь.⁶³ Действительно, западные пределы Галицкого княжества упирались в Восточные Карпаты. Таким образом, несостоятельным оказывается распространение далеко на юг в это время (что делается *только* на основании свидетельства Киннама) границ Галицкой земли.⁶⁴ Половецко-византийская война 1148 г. скорее шла на более ограниченной территории, не только не распространяясь на русские земли, но вряд ли заходя далеко в половецкую степь. В середине XII в. низовья Днестра, Прута и Сирета, видимо, находились под контролем половцев,⁶⁵ внедрявшихся, впрочем, в более северные районы Руси.⁶⁶ Галицкая же территория, более или менее устойчивая граница которой проходила по городам Ушица, Кучелмин, Онут, Микулин, Коломыя,⁶⁷ не доходила даже до места современного Могилева на Днестре.⁶⁸

⁶³ Васильевский В. Г. Из истории Византии... с. 31.

⁶⁴ Грот К. Я. Указ. соч., с. 134.

⁶⁵ Кудряшов К. В. О местоположении половецких веж в северном Причерноморье в XII в. — Тр. Ин-та этногр. Новая сер., 1947, т. 1, с. 109; ср.: Расовский Д. А. Половцы. III. Пределы «поля половецкого». — *Анналы Института им. Н. П. Кондакова*, 1937, т. 9, с. 158; *Он же*. Половцы. IV, с. 120.

⁶⁶ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 280—281.

⁶⁷ Кудряшов К. В. Половецкая степь. М., 1948, с. 125.

⁶⁸ Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 168—171.

Война 1148 г. оказалась единственным в царствование Мануила Комнина победным византийским походом на половцев, «оправдывающим» обычное упоминание кочевников-«скифов» в византийских энкомиях в честь Мануила Комнина при перечислении покоренных им в войнах народов.⁶⁹

Война Кальмана с половцами (около 1152 г.) Описанный у Никиты Хониата⁷⁰ набег «скифов»-половцев не упоминается в других источниках, в том числе и в «Истории» Киннама. После опустошительных действий на правом берегу Дуная куманы возвращаются снова за Истр, разбив посланный против них отряд «некоего Каламана». Вряд ли он может быть отождествлен с упоминаемым Киннамом в связи с событиями середины 60—начала 70-х гг. Константином Каламаном.⁷¹ П. Нэстурел считает его Борисом Кальмановичем⁷² (Каламановичем), известным, по Киннаму,⁷³ сыном венгерского короля Кальмана (Каламана) и дочери Владимира Мономаха Евфимии.⁷⁴ Он был рожден на Руси после того, как Кальман развелся с Евфимией и отослал ее на родину.

⁶⁹ Код. Вен., 37.21—22; 44.21—23; 128.18—22; 146₁.14—26; 154₂.7—8; ср.: *И. Диог.*, 305.22; 308.10.

⁷⁰ *Ник. Хон. Ист.*, 93.72 и сл.

⁷¹ *Кинн.*, 216.3—4; 286.11 и сл.

⁷² *Násturel P. S. Op. cit.*, p. 176.

⁷³ *Кинн.*, 117.18 и сл.

⁷⁴ *Розанов С. П.* Евфимия Владимировна и Борис Каламанович. — *Изв. АН СССР. Отделение гуманитар. наук*, 1930, № 9, с. 649—671.

Вернувшись в Византию при Иоанне II, снискав высокие чины, он участвовал в многочисленных войнах с Венгрией.⁷⁵

Трудности датировки связаны с размытостью хронологических определений источника. Сообщение об этом походе Никита Хониат начинает с указания на его одновременность с возвращением Мануила в Константинополь после победных действий в Венгрии (в междуречье Дуная и Савы — взятие Зевгина и пр.),⁷⁶ что соответствует весне 1152 г.⁷⁷ Однако война Каламана непосредственно примыкает к последующим событиям, относимым уже к 1155 г.,⁷⁸ на основании чего рассматриваемые события датируются 1154⁷⁹ или 1155—1156 гг.⁸⁰

В источнике отсутствуют какие бы то ни было сведения о локализации событий. Однако описание войны позволяет видеть в ней незначительный однократный набег половцев на правобережье Дуная. Косвенным подтверждением такой оценки могут служить и действия византийского правительства: против куманов отправляется небольшой отряд, поражение которого никак не

⁷⁵ *Gumplowicz M. Borys Kolomanowic, krolewicz węgierski (1105—1156). — Przegląd historyczny, 1906, t. 2, p. 12.*

⁷⁶ *Ник. Хон., Ист., 93.59; ср.: Кинн., 118.18—19.*

⁷⁷ *Ник. Хон., Ист., 93.*

⁷⁸ Там же, 93.72 и сл.

⁷⁹ *Расовский Д. А. Половцы. IV, с. 106.*

⁸⁰ *Chalandon F. Les Comnènes (Jean II Comnène et Manuel I Comnène). Paris, 1912, vol. 2, p. 413—414.*

сказалось на внешнеполитическом положении Византийской империи.

Куманский набег 1160 г. Краткое сообщение об обстоятельствах набега содержится у Киннама. «Скифы»-половцы переправились через Истр в то время, когда Мануил с войском находился в Малой Азии после победы над иконийским султаном Кылич-Арсланом II и направлялся в Константинополь после удачных переговоров с побежденными,⁸¹ т. е. в 1160 г.

В источнике подробно прослеживается маршрут Мануила навстречу куманам из Малой Азии: свернув с прямого пути в столицу, он идет в район Авида, затем у Галлиполи переправляется на европейский берег, откуда спешит к Дунаю; не дойдя до него, узнает, что противники при известии о приближении византийского войска успели вернуться за Истр. Таким образом, нет никаких оснований предполагать замысел глубокого рейда куманов через Балканы во Фракию, как считал В. Златарский.⁸² Фракийская территория упоминается в источнике лишь как исходный пункт движения Мануила на кочевников и не имеет отношения к локализации их опустошительных действий. Налицо характерный грабительский набег половцев, воспользовавшихся ведением византийской армией далекой войны в Азии и вернувшихся на север тотчас при вести о близости ромейских войск.

⁸¹ Кинн., 201.3—18.

⁸² Златарски В. Н. История... Т. 2, с. 395.

Походы половцев на Византию в составе союзных войск. Половцы в византийской армии (40—70-е гг. XII в.)

Наряду с самостоятельными набегами куманов в рассматриваемый период половецкие части входили как в войска антивизантийских союзов, так и в византийскую армию.

Судя по нашим данным, вероятно привлечение половцев во время войн Мануила в Венгрии и Сербии в начале 50-х гг. Прямых свидетельств об участии куманских отрядов в составе венгерского и сербского войск, аналогичных указанию Киннама⁸³ на воевавших на стороне Сербии печенегов в 1150 г., нет. Однако косвенные сведения речи к Мануилу Михаила—магистра риторов (родственника или близкого человека солунского митрополита) указывают на антивизантийскую коалицию на Дунае того времени: наряду с «гепидами» — венграми упоминаются «скифы» и «сарматы», покоренные и подвластные Византии, под которыми подразумеваются кочевники⁸⁴ (возможно, дифференцированно — печенеги и половцы). Показательно зафиксированное в источнике отношение к придунайским кочевникам как к данникам византийского василевса, т. е. поражение Каламана (см. выше) не имело серьезных международных политических последствий.

⁸³ *Кинн.*, 107.9—17.

⁸⁴ *М. Сол.*, 158.18 sq.

Неоднократно упоминаются «скифы», очевидно, половцы, а также печенеги в качестве составной части армии венгерского короля Стефана (Иштвана) III, направленной против Византии в 60-х гг. XII в.⁸⁵ События разворачиваются в районе Срема, Зевгмина (Землина).⁸⁶ Итак, половцы принимали участие не только в краткосрочной, но и в длительной борьбе государств Центральной Европы против Византии, участвуя в нескольких кампаниях на протяжении целого ряда лет.

Представление о подунайских кочевниках как о данниках византийского императора четко зафиксировано источниками: к упомянутой речи Михаила-ритора следует добавить энкомий Евфимия Торника в честь Мануила.⁸⁷ Говоря о победах императора над всеми подунайскими народами, автор называет города «пеонцев» и «даков», равнины «гетов», успехи в войнах с «трибаллами» и «далматами». Отдавая дань риторическому плеоназму, небезосновательно отождествить «гетов» Евфимия с кочевниками-тюрьками.⁸⁸ Более того, наряду со свидетельствами о многочисленных победах Мануила над кочевниками,⁸⁹ у Евстафия Солунского есть указание на подвластность «ски-

⁸⁵ *Кинн.*, 242.11—18; ср.: 218.8—10.

⁸⁶ *Грот К. Я.* Указ. соч., с. 374; *Chalandon F.* Op. cit., vol. 2, p. 489; *Hohlweg A.* Beitrage zur Verwaltungsgeschichte des Ostromischen Reiches unter den Komnenen. Munchen, 1965, S. 73—74.

⁸⁷ *Евф. Торн.*, 173.34 sq.

⁸⁸ Ср.: *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Bd. 2, S. 111.

⁸⁹ *М. Анх.*, 173—216.

фа» ромейскому василевсу: кочевники оказываются подданными, рабами империи.⁹⁰

Наибольшее количество сведений о половцах в рассматриваемый период относится к участию отрядов в византийской армии. «Скифы»-куманы находятся в византийском войске в битве у Пикридиона с Конрадом III в 1147 г. во время II Крестового похода;⁹¹ в 50-х гг. они участвуют в войнах в Италии (упоминаются в битве при Бари);⁹² о «скифских» наемниках говорится в связи с подготовкой похода 1160 г. на иконийского султана;⁹³ неоднократно сообщается о куманах в армии Мануила во время его венгерских кампаний с 1162 по 1167 гг.;⁹⁴ половцы отправляются и на войну Византии с Кылич-Арсланом в 1175 г.⁹⁵

Таким образом, первый выделенный нами этап развития международных отношений в Подунавье XII—XIII вв. ограничивается 40—70-ми гг. XII в. и характеризуется прежде всего наличием самостоятельных походов кочевников: в последующие периоды куманы будут составлять лишь часть союзных сил. Подводя итоги этому этапу, следует отметить единичность самостоятельных набегов куманов, известных по нашим источникам; их характер: мелкие грабительские набеги; анализ дан-

⁹⁰ *Евст. Сол.*, Соч., 210.70.

⁹¹ *Кинн.*, 77.9—23.

⁹² Там же, 143.6—11.

⁹³ Там же, 199.12—15.

⁹⁴ Там же, 236.13—18; 271.3—20.

⁹⁵ *Н. Хон.*, Ист., 178.8.

ных о локализации половецких войн показывает узкое территориальное распространение этих кампаний; имевшие место победы куманов над византийскими военными частями не имеют серьезных последствий для государств Юго-Восточной и Центральной Европы, т. е. самостоятельная военная сила куманов минимальна; еще меньшими сведениями мы располагаем об участии кочевников в союзных войнах против Византии, причем итогом этих (известных нам) кампаний оказывается поражение войск антивизантийских коалиций; подавляющее большинство сведений за первый период — о куманах в византийской армии; половцы участвуют практически во *всех* крупных внешнеполитических военных мероприятиях Византии по всем направлениям: II Крестовый поход, Итальянские войны, походы на Кылич-Арслана, войны со Стефаном III; основная функция куманских частей традиционна — это конные отряды.

Византия, половцы и освобождение Болгарии от византийского господства

С конца 70-х до середины 80-х гг. в византийских источниках нет никаких данных о половецах. Вновь сведения о них появляются в связи с событиями освобождения Болгарии от византийского господства.

После неудачи в результате первого болгарского похода Исаака⁹⁶ к отступившим за Дунай

⁹⁶ *Sankova Petkova G. Op. cit., p. 108.*

вождям восстания Петру и Асеню⁹⁷ присоединились куманы, которые участвовали во всех их последующих военных операциях. Д. А. Расовский писал о количественном преобладании половцев в армии Асений, в результате чего участие их оценивалось как решающий фактор в войнах болгар с греками и латинянами в конце XII—начале XIII в.⁹⁸ Однако в докладе на XIV Международном конгрессе исторических наук (Сан-Франциско, 1975) К. Джуреску, рассматривая вопрос об этническом составе восстания Асений, говорил только о болгарах и влахах-румынах, отождествляя с последними как «влахов», так и «скифов» наших источников.⁹⁹ Впрочем, здесь видимо, имеет место традиционно спорный вопрос о соотношении валашского и болгарского элементов в среде восставших, которые в одних случаях именуются «влахами»,¹⁰⁰ в других — «болгарами»,¹⁰¹ в третьих — «мизами».¹⁰² Что касается валашско-болгарской дилеммы, то, думается,

⁹⁷ Н. Хон., Ист., 372.55 и сл.; Н. Хон., Речи., 7.27 и сл.

⁹⁸ Расовский Д. А. Роль половцев в войнах Асений с византийской и латинской империями в 1186—1207 гг. — В кн.: Списание на Българската Академия на науките. София, 1939, с. 205—206.

⁹⁹ Giurescu C. C. Populations nomades dans l'espace euroasiatique et leur rôle dans la formation des états médiévaux. Thèses dactylogr. Bucarest, 1975.

¹⁰⁰ Н. Хон., Ист., 397.88.

¹⁰¹ Там же, 374.86.

¹⁰² Там же.

принципиальное ее решение (вне зависимости от вопроса о национальной принадлежности вождей восстания) Г. Г. Литавриным¹⁰³ убедительно. Но к вопросу о роли половцев в рассматриваемых событиях это не имеет прямого отношения: оснований для пересмотра вопроса об участии половецких соединений в борьбе болгарского народа за независимость нет.

Итак, отступившие за Дунай участники восстания встретились со «скифами»-половцами.¹⁰⁴ Точную локализацию событий досконально восстановить трудно.¹⁰⁵ Петра «искали, но место его не было найдено».¹⁰⁶ Вероятно, кампания проходила в районе Филиппополя (на что есть намек в эпиграмме Феодора Вальсамона),¹⁰⁷ возможно, в Преславе.¹⁰⁸ Но не исключено, что присоединение куманов состоялось уже после нового похода Асений из-за Дуная.¹⁰⁹

Соединенная с куманами армия Асений и совершила поход на «Мизию»,¹¹⁰ вслед за чем состоялся второй поход Исаака Ангела. Никита Хониат указывает, что бои охватили «Мизию», т. е. территорию между Дунаем и Балканами, что свидетельствует о сравнительно большом территори-

¹⁰³ Литаврин Г. Г. Указ. соч., с. 432 и сл.

¹⁰⁴ Н. Хон., Ист., 373.53 и сл.

¹⁰⁵ Ср.: Сапкова-Petkova G. Op. cit., p. 104 и сл.

¹⁰⁶ М. Хон., I. 250.

¹⁰⁷ Ф. Вальс., Эп. 28 и сл.

¹⁰⁸ Литаврин Г. Г. Указ. соч., с. 450.

¹⁰⁹ Там же, с. 457.

¹¹⁰ Н. Хон., Ист., 374.79 и сл.

альном распространении кампании. Никита Хониат, сам участвовавший в походе,¹¹¹ составив послание синоду с отчетом о нем,¹¹² локализует события. Эти действия датируются 1187 г.¹¹³ К моменту выхода Исаака из Константинополя на Адрианополь куманы находились у Агафополя.¹¹⁴ Бои распространились на район Лардеи,¹¹⁵ Вастерн:¹¹⁶ битва у Вастерн произошла по пути императора в Веррою¹¹⁷ (современная Стара Загора), так как стало известно о действиях куманов с «Мизами» у Веррои.¹¹⁸ Затем василевс возвратился в Агафополь, а «варвары» оказались в окрестностях Филиппополя. Ряд других топонимов, сообщаемых в послании Никиты Хониата патриарху и синоду, показывает широкое территориальное распространение военных операций.¹¹⁹ Второй поход Исаака не коснулся забалканских районов,¹²⁰ в то время как повстанцы действовали на большом пространстве между Дунаем и Балканским хребтом.

¹¹¹ Там же, 397.87—88.

¹¹² *Н. Хон.*, Речи., 6.22 и сл.

¹¹³ *Van Dieten J.-L. Niketas Choniates. Erlautungen...*

S. 76, п. 96.

¹¹⁴ *Н. Хон.*, Ист., 394.24.

¹¹⁵ Там же, 396.71 и сл.

¹¹⁶ Ср.: *Санкова-Петкова Г.* *Op. cit.*, p. 117.

¹¹⁷ *Н. Хон.*, Ист., 396.75.

¹¹⁸ Там же, 398.15 и сл.

¹¹⁹ *Н. Хон.*, Речи., 9.29 и сл.

¹²⁰ *Литаурин Г. Г.* Указ. соч., с. 453.

Неудачей для Византии закончился и третий поход Исаака, датируемый 1188 г.¹²¹ Из скупого сообщения Хониата мы знаем лишь о неудачной трехмесячной осаде византийцами Ловеча, после чего василевс вернулся в Константинополь.¹²² Конкретных данных о действиях куманов нет, но их участие вероятно.¹²³

В результате договора, заключенного после очередного похода, устанавливалась фактическая независимость Болгарии от Византии. Дальнейшее развитие событий связано с освобождением Северо-Восточной Болгарии.

Новые болгаро-византийские войны, в которых принимали участие куманы, проходили с начала 90-х гг. Куманы вторгались из-за Дуная весной 1190 г., в результате чего Исаак вынужден был отступить на юг за Балканы.¹²⁴ В этой связи говорится о *постоянных* походах противников: данному событию посвящена речь Никиты Хониата, обращенная к Исааку Ангелу перед его

¹²¹ *Vlachos Th.* Aufstände und Verschwörungen während der Kaiserzeit Isaakiōs II. Angelos (1185—1195). — *Byzantina*, 1974. Т. 6, σ 162.

¹²² Н. Хон., Ист., 399.43 и сл.

¹²³ Так в кн.: *Успенский Ф. И.* Образование... с. 154; *Васильевский В. Г.* Указ. рец., с. 198; *Расовский Д. А.* Роль... с. 207—208; *Vachmann M.* Op. cit., S. 87. 1191 г. в кн.: *Успенский Ф. И.* Византийский писатель Никита Акоминат из Хон. СПб., 1874, с. 184; *Cognasso F.* Un imperatore bizantino della decadenza, Isaaco II Angelo. — *Bessarione*, 1915. № 19, p. 273—274.

¹²⁴ Н. Хон., Ист., 428.64.

отправлением в поход.¹²⁵ Поход оказался безрезультатным для византийского императора, вынужденного его прекратить.¹²⁶

Из военных столкновений 90-х гг. с куманами единственно удачной для Византии оказалась кампания 1190—1191 гг.,¹²⁷ закончившаяся битвой на Мораве. Здесь как у Хониата, так и у Евстафия куманы — «скифы» — упоминаются в качестве союзников «влахов» и «болгар». Эта битва состоялась в окрестностях Филиппополя.¹²⁸ По данным Евстафия Солунского и Иоанна Сиропула, она завершилась как будто бы полной победой Византии. В аналогичных случаях в конце XI—начале XII в. подобные описания у византийских авторов итогов походов на кочевников касаются, например, битвы при Левунионе 1091 г., последнего набега печенегов 1121—1122 гг., т. е. действительно разгромов, после которых надолго или навсегда исчезали в истории сведения об этих «скифах».

Теперь же — совсем иное дело. Никита Хониат пишет как раз о начавшемся с этого времени *беспрестанном* наступлении болгар с куманами.¹²⁹ При этом сфера действий распространилась практически на всю территорию между Дунаем и Балканами.

¹²⁵ Н. Хон., Речи., 3.5 и сл.

¹²⁶ Н. Хон., Ист., 429.72 и сл.

¹²⁷ Дата указана по кн.: Van Dieten J.-L. Niketas Choniates. Erlautungen... S. 62 ff.

¹²⁸ Н. Хон., Ист., 434.25 и сл.; *Евст. Сол.*, Соч., 44.87; 41.79—80; ср.: *И. Сир.*, 19.27.

¹²⁹ Н. Хон., Ист., 437.9—15.

Известные военные столкновения этого периода неизменно неудачны для Византии: около 1195 г. — поражение Алексея Гида и Василия Ватаца близ Аркадиополя,¹³⁰ около 1196 г. — поражение севастократора Исаака при Серрах¹³¹ и т. д. Оценивая их результаты, Хониат говорит об образовавшейся «пустыне Фракии и Македонии», простиравшейся вплоть до Гема.¹³² Характерно, что новый император — Алексей III Ангел, задумавший в 1197 г. поход для восстановления фракийских городов после болгаро-куманских войн, не сумел его осуществить,¹³³ а в 1199 г. куманы с частью «влахов» захватили в течение года фракийские города, — «все, — замечает Никита Хониат, — что находятся между Месиной и Чурулом».¹³⁴ При этом часть их продвинулась и дальше.¹³⁵ В описанном Хониатом¹³⁶ последнем сражении перевес оказался на стороне византийцев, однако значение этой победы во многом фиктивно: куманы захватили указанные селения. Не случайно об опустошении всей Македонии в 1199 г. Хониат говорит как о самом ужасном набеге кочевников за все времена.¹³⁷

¹³⁰ Там же, 446.63 и сл.

¹³¹ Там же, 468.16.

¹³² Там же, 473.64 и сл.

¹³³ Там же, 487.56—75.

¹³⁴ Там же, 499.54—60.

¹³⁵ Там же, 499.61 и сл.

¹³⁶ Там же, 500.68 и сл.

¹³⁷ Там же, 508.67 и сл.; ср. данные о кладах византийских монет в Подунавье с выводами об усилении

Таким образом, второй этап характеризуется многочисленными победными походами болгар и куманов на Византию; несмотря на участие видных византийских полководцев в выступлениях императора, успехов они не имеют; события развиваются на очень большой территории — практически на всем пространстве между Дунаем и Балканами; помимо отмеченных военно-политических последствий событий второго периода, от предыдущего он отличается еще в одном отношении: характерно практическое отсутствие «скифов» в византийском войске, в составе союзных с Византией армий; однако куманы теперь составляют только часть болгарских воинских соединений; самостоятельных же их набегов больше нет.

Подунавье в первой половине XIII в.

Новый этап в истории половецких войн в Подунавье связан с событиями, происшедшими в самой Византии: захватом и разорением Константинополя крестоносцами в 1204 г. и установле-

куманских опустошительных набегов в конце XII в.: *Metcalf D. M. Coinage in the Balkans. 820—1355. Thessalonike, 1965, p. 91; Preda C. The Byzantine Coins — an Expression of the Relations between the Empire and the Populations North of the Danube in the 6th—13th Cent. — In: Relations between the autochthonous Populations and the migratory populations on the territory of Romania. București, 1975, p. 231.*

нием на ромейской территории Латинской империи.

Походы болгар, владов и куманов возглавил Калоян.¹³⁸ Уже вскоре после 1204 г. начались действия Калояна по освобождению Болгарии. Значительную ударную силу, по сообщениям Никиты Хониата, составляла куманская конница.¹³⁹ В отличие от предыдущих периодов эти походы обратились против латинян.¹⁴⁰ Весной 1205 г. Калоян с куманским войском пришел к Адрианополю и Дидимотике.¹⁴¹ В марте там собрались войска ромеев, болгар и куманов для ведения совместных военных действий против Балдуина.¹⁴² Результатом знаменитого сражения у Адрианополя стал разгром сил латинян, причем сам император Балдуин был пленен.¹⁴³ Описывающий

¹³⁸ Krantonelli A. 'Ηκατὰ Λατίνων Ἑλληνο-Βουλγαρικὴ σύμπραξις ἐν Θράκη. 1204—1206. Athenai, 1964, p. 66 sq.

¹³⁹ Н. Хон., Ист., 613.80 и др. Ср. упоминания куманских полководцев Калояна: И. Ставр., 370.

¹⁴⁰ Н. Хон., Ист., 612.51 и сл.; ср.: Цанкова-Петкова Г. Българо-гръцки и българо-латински отношения при Калоян и Борил. — Известия на Института за история, 1970, т. 21, с. 149—162.

¹⁴¹ Н. Хон., Ист., 613.70 и сл.

¹⁴² Там же, 614.8.

¹⁴³ Н. Хон., Ист., 616.42 и сл. Ср.: Петров П. Поражението на латинците при Одрин през 1205 г. и неговото историческо значение. — Исторически преглед, 1960, т. 16, кн. 4, с. 26—51; Prinzing G. Die Bedeutung Bulgariens und Serbiens in den Jahren 1204—1219 im Zusammenhang mit der Entstehung und Entwicklung der byzantinischen Teilstaaten nach der Einnahme Konstantinopels in Folge des 4. Kreuzzuges. München, 1972, S. 48—53.

эти события Хониат был хорошо о них осведомлен: по его словам,¹⁴⁴ он находился тогда в Силимврии, получая необходимые свидетельства. Главную роль в разгроме латинского войска историк приписывает «скифам» — куманам.¹⁴⁵

Вслед за победой при Адрианополе Калоян с куманами успешно действует против подвластных латинянам городов.¹⁴⁶ Многочисленные победы в различных частях Балканского полуострова были одержаны Калояном: в 1205 г. — победа при Серрах над Бонифацием Монферратским;¹⁴⁷ победы над латинянами при осаде последними Орестиады,¹⁴⁸ захват Веррои, взятие Ружия и Апроса, Перинфа, Даонии, Аркадиополя, Месины, Чурула, Афин и других городов; в 1205—1206 гг. взяты Дидимотика, Адрианополь, подвержена военным действиям вся Фракия.¹⁴⁹ Глубина распространения на юг действий куманов и болгар необычайная: они совершают походы даже на пригороды Константинополя, доходя до его стен.¹⁵⁰ Никита Хониат отмечает специальную подготовку Калояна к этим войнам.¹⁵¹ Следует отметить, что даже отдельные поражения войск Калояна, например, в 1206 г. от Генриха

¹⁴⁴ Н. Хон., Ист., 617.67, 83 и сл.

¹⁴⁵ Там же, 617.91 и сл.

¹⁴⁶ Там же, 618.95 и сл.

¹⁴⁷ Там же, 620.71 и сл.

¹⁴⁸ Там же, 622.18 и сл.

¹⁴⁹ Там же, 627.76 и сл.; 630.91 и сл.

¹⁵⁰ Там же, 631.5 и сл.

¹⁵¹ Там же, 628.7 и сл.

Фландрского,¹⁵² не оказывают существенного влияния на ход дальнейших действий болгар, влахов и куманов.

Непрерывное наступление на Византию продолжалось и впоследствии, при Феодоре Ласкаре, о чем свидетельствует лемма одной из речей Никиты Хониата.¹⁵³ Новые походы с участием куманских отрядов организовал болгарский царь Иван Асень II,¹⁵⁴ находившийся во время правления Борила на Руси и получивший власть в Болгарии с помощью русских дружин.¹⁵⁵ В 20-х гг. XIII в. о куманах византийские риторы говорят, как о таких же врагах ромеев, как и латиняне.¹⁵⁶ В середине XIII в. сообщается о большом пространственном охвате направлений набегов кочевников — они занимают как Фракию и Македонию, так и Иллирию,¹⁵⁷ углубляясь на юг.

¹⁵² Там же, 645.89 и сл.

¹⁵³ Н. Хон., Речи, 129.2—5; ср.: 184.27 и сл. См.: *Gjuzelev V. Bulgarien und das Kaiserreich von Nikaia (1207—1261). — Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik, 1977, Bd. 26, S. 143—154; Данчева-Василева А. България и Латинската империя. 1207—1208. — Исторически преглед, 1977, т. 33, кн. 1, с. 35—51.*

¹⁵⁴ *Златарски В. Н. Иван Асень II (1218—1241). — Българска историческа библиотека, год. 3. 1930, т. 3.*

¹⁵⁵ Г. Акр., I.32.25 и сл.

¹⁵⁶ *Васильевский В. Г. Epirotica saeculi XIII. — Византийский временник, 1896, т. III, с. 285.19 и сл.*

¹⁵⁷ *Иак. Болг., 86.24.*

Завершение последнего этапа половецких войн в Причерноморье связывается с вытеснением и покорением куманов монголо-татарами, о чем ретроспективно повествуют историки конца XIII в. Так, Георгий Акрополит именно с этим связывает разгром Македонии куманами.¹⁵⁸ Монголо-татары уже в первой половине XIII в. представляли грозную силу для самой Византии, так что против них был заключен союз с иконийским султаном.¹⁵⁹

Таким образом, для третьего, заключительного этапа характерно, что по-прежнему набеги совершаются в составе союзных сил — вместе с болгарями, влахами, а не самостоятельно, но территория ведения военных действий небывалая — до Константинополя и Иллирии; противниками оказываются то латиняне, то ромеи; союзы заключаются то с одними, то с другими; стратегическая цель половецких набегов остается прежней — ограбление городов, захват пленных, продажа их в рабство.¹⁶⁰ Такое лавирование между враждующими сторонами на Балканах, быстрота действий обуславливают минимальные поражения куманов в этот период.

Место половцев Причерноморья в истории Руси

На основе анализа изменений в характере, направленности, территориальном распространении

¹⁵⁸ Г. Акр., I.53.22 и сл.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Например: Н. Хон., Речи, 12.11.

нии куманских походов выделяются три периода развития международных отношений в Подунавье XII—первой половины XIII в. Как показывают наши данные, это развитие определяется, с одной стороны, уменьшением количества самостоятельных действий половцев и все большим вовлечением их в местную этническую и политическую среду; с другой стороны, устанавливается переход от самостоятельных мелких, узколокально ограниченных действий куманов к многолетним, охватывающим огромные пространства и эффективным в военном отношении операциям в составе объединенных сил местного населения Подунавья и Причерноморья.

Правомерно определить место полученных результатов в изучении истории Древней Руси, ее взаимоотношений со степью. По материалам археологических данных и русских летописей внутренняя история половцев на территории Руси разделена С. А. Плетневой на четыре периода: первый — от середины XI до начала XII в., второй — 20—60-е гг. XII в., третий — вторая половина XII в., четвертый — с конца XII до монголо-татарского нашествия в XIII в.¹⁶¹

Первый период характеризуется преобладанием самостоятельных удачных набегов кочевников при неопределенности территории, захватываемой лишь на временные кочевья. Второй период отмечен большим количеством совместных походов половцев с русскими князьями, увеличением

¹⁶¹ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 265—266.

количества неудачных куманских походов, почти отсутствием сведений об их успехах; одновременно начинается сильный натиск Руси на кочевников. В третий период наблюдается пик военной активности русских князей в борьбе с куманами при максимальном числе неудачных действий последних. Наконец, в четвертый период исчезают самостоятельные походы половцев; единственной формой их военно-политической деятельности оказываются совместные операции в составе русских княжеских дружин. Руси окончательно подчиняется половецкая степь,¹⁶² подвергшаяся в дальнейшем монголо-татарскому завоеванию.

Если сопоставить эти наблюдения с данными византийских источников о куманах в северо-болгарских землях в XII—первой половине XIII в., то обнаружится интересная закономерность. Характеристики первого этапа «русской истории» половцев — до 20-х гг. XII в. — применимы к первому выделенному нами периоду — 40—70-м гг. XII в. Сопоставимы второй период половецкой истории на территории Руси в 20—60-е гг. с аналогичными процессами в Подунавье в 80-х гг. — XII в. до начала XIII в. Наконец, соизмеримы результаты последнего нашего периода с событиями на Руси — до середины XIII в. Наблюдаемое в 60—90-х гг. XII в. большое число самостоятельных куманских походов — как победных, так и неудачных — на Руси не имеет аналогичных данных для освещаемого в визан-

¹⁶² Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 272—273.

тийских источниках региона: видимо, военное могущество, необходимое для ведения самостоятельных операций, у половцев, вытесняемых к концу XII в. в Подунавье, было ослаблено войнами на Руси.

Таким образом, удается фиксировать как бы «смещение по фазе» в отношении сопоставляемых периодов: факты, характеризующие действия половецких кочевников на Руси в данный хронологический отрезок, устанавливаются на территории Подунавья в следующий. Соответственно и хронологические границы периодов, определенных по византийским данным, сдвинуты на 10—15 лет.

Конечно, не следует считать, что каждый толчок, вытесняющий половцев с русской территории (в свете наших данных мы ограничиваемся лишь внешнеполитической стороной истории степи, не рассматривая пока процесс оседания кочевников на Руси и в Подунавье), имел последствием то или иное конкретное движение (набег и т. п.) на запад, за Дунай. Речь идет лишь об общих улавливаемых закономерностях.

Таким образом, периоды политических взаимоотношений Болгарии, Руси, кочевников и Византии, установленные как на русском материале,¹⁶³ так и на основе рассмотренных данных,¹⁶⁴ отмечены известным стадильным сходством.

¹⁶³ Расовский Д. А. Половцы. IV... с. 92 и сл.

¹⁶⁴ Ср. выводы в кн.: *Diaconu P. Les Coumans au Bas-Danube aux XIe et XIIe siècles.* Bucarest, 1978, p. 114—119, 130 sq.

Глава 3

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ПОЛОВЕЦКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Исследование заключительного этапа половецкой истории, в частности русско-половецких отношений, имеет особенность. Постепенное ослабление военно-политического значения половцев, натиск на них Руси и вытеснение со своей территории в различные районы Восточной и Южной Европы обусловили зависимость дальнейшего существования этих кочевников от оседлых народов, с которыми они оказались в соприкосновении: судьбы кочевников определялись их возможностью или невозможностью приобщения к оседлой жизни, развитием симбиоза, основанного на экономических связях.¹ Таким образом, проблема оседания половцев имеет как политическую, так и экономическую и правовую стороны. И указанная специфика заключается в неравномерности наших знаний об этих сферах: действительно, до сих пор были известны сведения — при этом в основном из нарративных источников — о самом факте неоднократных расселений куманов в тех или иных областях Руси, Византии, Венгрии, однако конкретных данных об экономической основе, правовых условиях отношений кочев-

¹ См.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 98 и сл.

ников с местным населением было мало. Методически же оправданным для исследования процесса их оседания будет анализ форм и структур самих поселений кочевников, систематизация сведений о которых поможет конкретизации поставленной проблемы. В этой связи важные и уникальные материалы дают нам некоторые документы афонской Лавры св. Афанасия.

Акт Лавр., 65, датированный августом 1181 г., опубликован в новом издании впервые. В специальной литературе он не использовался, его данные не включались в сводные работы по истории тюркских народов, населения Балканского полуострова; упоминаемые в нем императорские постановления не зафиксированы в регестах.² Это оригинал практика вестиярита Андроника Ватаца, свинцовая печать которого сохранилась на оборотной стороне акта. Очень плохая сохранность документа (так что текст восстанавливается с большим трудом и не полностью) обусловила, видимо, отсутствие его как в копиях, так и в картуляриях. Дипломатически наш акт трехсложен; сначала приводится простагма Алексея II Лавре от апреля 1181 г., затем другая простагма его же, определяющая функции Андроника Ватаца, и, наконец, следует собственно практик —

² *Dölger F. Regesten...; Grumel V. Les Regestes...*; см. также: *Заимов И. Заселение на българските славяни на Балканския полуостров. Проучване на жителските имена в българската топонимия. София, 1967.*

опись владения, предназначенного для передачи владельцу.

Речь идет о двух проастиях, полученных Лаврой от семьи Кефалы,³ в феме Моглена, о париках одного из которых (Хостианы) у монахов возникла тяжба с куманами-стратиотами Моглены. Этим куманам, получившим пронию, чиновниками, совершавшими передачу проний (παράδοσις) в указанной феме, были переданы жившие на монастырской земле парики. Текст здесь сохранен лишь частично, и, к сожалению, нельзя узнать деталей ни наделения куманов прониями, ни передачи им париков. Для расследования конфликта и определения прав Лавры императором отправляется на место веститарит Андроник Ватац, производящий передачу проний в феме Моглена (12—13). Выясняется, что по первой императорской простагме парики, полученные куманами и занесенные в их практики, находились во владении (δεσπότηια, κυριότης) монастыря, а куманам были предоставлены в «пользование и управление» (χρησις, νομή) на срок жизни последних, т. е. ad terminum vitae, с возвращением

³ Реконструкцию знаменитого «досье» Кефалы см.: Акт. Лавр., р. 336—337. Из многочисленных работ об этом укажем следующие: *Острогорский Г. А.* К истории иммунитета в Византии. — Византийский временник, 1958, т. 13, с. 65 и сл.; *Тивчев П.* Нарастането на едрово землевладение във Византия през XII в. — Известия на Института за история, т. 9, с. 230; *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, с. 153.

и этих прав Лавре (24—31). Парики использовались куманами на правах прони. Плохая сохранность текста не позволяет точно дифференцировать упоминаемые права, а также выяснить, что говорится о других куманах, оставшихся после смерти первых прониаров (29, — т. е., видимо, их потомках). По второму императорскому предписанию Андронику Ватацу надлежало, вероятно (текст читается лишь местами), вернуть париков-хостианитов Лавре, а куманам выделить других (39—43). При этом следует свести с различных лаврских земель воедино все куманские жилища-биваки,⁴ огородив их, дабы не испытывала обитель бесчинств со стороны куманов (45—47). На основании этих постановлений Андроник производит опись, перечисляя поименно 16 стратиотов-куманов (51—55), а ниже — 62 парика (64—74). Все парики — зевгараты. В итоге постановляется переселить этих стратиотов из Хостианы в другое место, ликвидировав их «икии и катуны» (55—57). Парики же, находившиеся там и предоставленные в виде прони куманам, переходят во владение Лавре. А лишенным их куманам предлагается предоставить париков в других местах (очень неопределенно: лакуны в тексте — 61—80).

Таким образом, видна ограниченность прав поселяемых куманских пришельцев, невозможность для них прочного обоснования и «оседа-

⁴ В тексте «икии и катуны», о «катунах» см.: Horger A. Katona. — Magyar Nyeiv, 1942, t. 38, S. 334—337.

ния». Поэтому не случайны последствия: парики у куманов отбираются, их самих со всем имуществом выселяют, никаких конкретных распоряжений об их дальнейшей судьбе не дается; кто даст им пристанище, париков и т. д., неизвестно.

Это не единственный материал актов, рисующий положение «осевших» кочевников. По известной простагме Андроника I Комнина (Акт. Лавр., 66) от февраля 1184 г., живущие в феме Моглена куманы облагаются дополнительными фискальными повинностями в отношении Лавры сверх десятины, уплачиваемой за пользование принадлежащей монастырю территорией для выгона скота.⁵ При этом куманам запрещается и использование владов и болгар, которые относятся к Лавре (5—8). В данном случае в отношении куманов, владов и болгар употреблен термин «экскуссия» в значении незаконного присвоения.⁶

В этом же акте говорится и о дулевтах Хостианы, двое из которых находились в пронии у куманов, теперь же должны быть переданы монастырю Иоанна Предтечи чиновником, совершающим передачу проний в феме Моглена.

⁵ Подробнее см.: *Rouilland G. La dime des bergers...* p. 780 sq; *Anastasijević D., Ostrogorsky G. Op. cit.*, p. 19—29; *Литаврин Г. Г. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, с. 153.*

⁶ Ср.: *Бибиков М. В. Афонские акты...* с. 225, примеч. 93.

Куманам же следует дать других (10—23), т. е. опять-таки наблюдается притеснение куманов, о дальнейшей жизни которых конкретно ничего не известно.

Этот документ, уже привлекавшийся исследователями, однако до сих пор известный лишь по копии Спиридона с картулярия 1802 г. Феодорита, теперь издан по аутентичной копии конца XII в., скрепленной солунским митрополитом Иоанном Хрисанфом — преемником Евстафия Солунского.⁷ Сейчас изготовление этой копии связывается предположительно с получением императорского распоряжения, которое является актом Лавр., 69.⁸ Это прошение лавриотов и заключение (λύσις) Алексея III Ангела⁹ датируется теперь октябрём 1196 г., а не 1091 или 1106, как в первом издании (Акт. Лавр., РК 47). В прошении говорится о предоставлении монастырем в феме Веррой земли, полученной от севастократора Иоанна Дуки, стратиотам Моглены (а также парикам епископа Моглены) с взиманием десятины. За нарушение условий этого просители требуют увеличить причитающееся им вдвое, что и удовлетворяется василевсом (5—9). Можно довольно уверенно предположить, что и здесь име-

⁷ *Laurent V. La succession épiscopale de la métropole de la Thessalonique dans la première moitié du XIIIe siècle.* — *Byzantinische Zeitschrift*, 1963, Bd. 56, S. 287 ff.

⁸ Византийский временник, 1973, т. 34, с. 37.

⁹ Отсутствует в кн.: *Dölger F. Regesten...*

ются в виду стратиоты-куманы. И вновь мы видим трудности для них при их расселении.

Итак, материалы, касающиеся правовой стороны половецких оседлых поселений на Балканах, показывают нестабильность последних, практическую невозможность при данных условиях для пришельцев с севера наладить оседлое хозяйство, закрепиться на определенном участке.

Кратко суммируя результаты анализа византийских источников по истории кочевников Причерноморья, следует отметить связь их исторических судеб на территории Юго-Восточной Европы, в западных пограничных областях Руси с направлением внешней политики Руси, с одной стороны, и Византии, Болгарии и прочих государств в Подунавье — с другой. Вытеснение кочевников с территории Руси вызывает усиление их действий в Подунавье и Западном Причерноморье. Сопоставление разнотиповых и разножанровых византийских памятников со сведениями русских летописей западно-европейских и восточных источников позволяет проследить процесс вытеснения печенегов с исторической сцены средневекового мира, выяснить условия постепенного прекращения активной военной политики куманов на территории Европы. Одновременно удастся определить возможности использования византийским правительством и русскими князьями кочевников в качестве политического фактора для укрепления своего влияния в Причерноморье — традиционной зоне встречи интересов Византии и Руси.

Часть V

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В ВИЗАНТИЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ XII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIII в.

Глава 1

ЭТНОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Подобно тому как Русь и тюрки-кочевники Причерноморья связываются византийцами с другими «северными» народами «скифской» общностью, определенное положение в последней занимают народы Кавказа и Предкавказья. К ним имеют отношение два из трех традиционных¹ «скифских» племен — «кавказские» и «меотские».²

Раздел о двенадцати ветрах в «Историях» Иоанна Цеца выделяется среди тринадцати тысяч стихов произведения не только метрически: ис-

¹ Ср.: *Strab.*, XI.498; *Ptolem.*, *Geogr.*, VI.14.

² *Цец. Ист.*, VIII.762—776.

следование вскрывает неоднократное редактирование его автором, пересмотр текста.³ И это не случайно: в соответствии с направлениями каждого из ветров в эту классификацию попадает и территория между Черным и Каспийским морями. Так, северный ветер Борей овеивает «скифов» и Эвксинский понт, а «гиркан» и «колхов» — Мес.⁴ Итак, Северокавказский регион ограничен с одной стороны Кавказским хребтом с Каспийскими воротами,⁵ с другой — Гирканским, т. е. Каспийским морем.⁶

Но это пространство очерчено для византийца и другими своеобразными пределами: оно располагается между двумя традиционно принимаемыми границами Европы и Азии, каковыми считались Танаис-Дон⁷ либо Кавказские ворота.⁸

В соответствии с этим ориентиром и строились византийские землеописательные сочинения. Встречаемые в них этносы в историографии нередко привлекаются для анализа этногенеза северокавказских народов. Так, например, рассматриваются античные и византийские сведения о

³ Leone P. A. M. *Significato e limiti della revisione della «Historiae» di Giovanni Tzetzes.* — *Aevum*, 1963, vol. 37, p. 245 sq.

⁴ *Цец. Ист.*, VIII.674—677.

⁵ *Н. Вас.*, Энк. Анд. Комн., 196 и сл.; *К. Ман.*, Мон., 308.195 и сл.; ср.: *М. Ит.*, 100.13 и сл.

⁶ *Цец. Ист.*, VIII.772—773; *М. Хон.*, I.172.

⁷ *Н. Вл.*, 463.42; *Цец. Комм. Лик.*, 1288; *Евст. Сол.*, Комм. Дион., 14.652.

⁸ *Цец. Комм. Лик.*, 887.

киммерийцах, скифах, меотах, синдах, керкетах, зихах, исседонах, меланхленах, агафирсах, гуннах, хазарах, половцах и др., принимаемых в качестве предков современных северокавказских народностей.⁹

Большинство из перечисленных народов упоминается в анализируемых источниках (как «скифские» или «северные» племена). Сначала представим себе их суммарную сводку, получаемую на основе наших источников. На рассматриваемой территории византийскими авторами XII—первой половины XIII в. поселяются «скифы», «сарматы», «киммерийцы», «меоты», «кавказцы», «синды», «кораксы», «аримаспы», «иссидоны», «масагеты», «гиркане», «меланхлены», «агафирсы», «гелоны», «аланы», «авасги», южнее — «колхи» и «лазы», а также «гунны», «узы», «саки», «геты», «даки», «вастарны», «иппимолги», «невры», «иппиподы», «левкосиры». Эти народы включаются и в византийские этногеографические классификации.¹⁰

⁹ Народы Кавказа. М., 1960, т. 1, с. 63 и сл.; ср.: Гаглойти Ю. С. Этногенез осетин по данным письменных источников. — В кн.: Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967, с. 74 и сл.; Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 395 и сл.; Он же. Средневековая Ингушетия. М., 1971, с. 40 и сл.; и др.

¹⁰ Цец. Ист., XII.887 и сл.; Цец. Комм. Лик., 887; Н. Вл., 464, 9 sq. Евст. Сол., Комм. Дион., 302.

Наконец, основная масса сведений о кавказцах связана с «ивирами»,¹¹ имя которых стало, по византийским представлениям, собирательным для ряда кавказских народностей.¹² Однако поскольку основное значение в наших памятниках «ивир» — грузин, то в силу наложенных в начале ограничений по региону (рассматривается только Северный Кавказ), большей изученности данных византийских источников о Грузии¹³ этот сюжет здесь окажется вне поля непосредственного анализа.

Таков общий взгляд византийцев на народы, связанные с этой областью. Таким образом, внешне этногеографическая структура населения территории между Черным и Каспийским морями представляется неоднородной и путаной. Что же действительно относится к Кавказу и Предкавказью и может быть использовано для анализа его этногеографии? Ведь в наших разнородных сведениях возможно косвенное отражение этногенетического процесса (в порядке ретроспекции).

Принципиальную основу византийских этногеографических предствлений составляет античная традиция. Выявление их античного субстрата, а затем двустороннее их сравнение поможет установить реальные, «живые» этнические наименования кавказских народов, актуализировать этнонимы, отмеченные по К. Дитериху,¹⁴

¹¹ Цец. Ист., V.588 и сл.

¹² Например: Цец. Пис., 10.4; Цец. Ист., I.706—707.

¹³ Каухчишвили С. Г. *Georgica*. Тбилиси, 1967, т. 7.

¹⁴ Dieterich K. *Byzantinische Quellen*. Bd. 1, S. XVII ff.

«литературным атавизмом», выявить «нулевые» этниконы с определением их места и функции в анализируемой системе.

Скифы. Помимо собирательного значения термина¹⁵ и антикизированного,¹⁶ имеет и узкоэтническое: «собственно скифы».¹⁷ Языковые данные, приводимые нашими источниками («скифское» приветствие, являющееся фактически куманским,¹⁸ «скифское» название Меотиды — Азовского моря — «Карбалык»),¹⁹ свидетельствуют о тюркском содержании этникона. Это соответствует основному его значению в византийской литературе XII—XIII вв.²⁰ В этом же плане объяснимы и деконкретизованные термины риторов, описывающих внешнеполитические успехи василевса Мануила I, в частности против «скифов»: ²¹ военно-географический контекст речей (войны в Венгрии, Подунавье, на Корфу) делает естественным понимание под упоминаемыми рядом «скифами» и «савроматами» придунайских тюркских кочевников, а не жителей Кавказа. К тому же к середине—концу 50-х гг.

¹⁵ *Цец. Пис.*, 62.16; *К. Ман.*, Речь., 182.320—321; *Цец. Ист.*, XII.896—900.

¹⁶ *Цец. Пис.*, 137.6—14; *Цец. Ист.*, XII.868—879 — ср.: *Dion. Perieg.*, 654 sq.; *Ael. v. H.*, XII.38; *Anonym. de Mulier. Paradox. Gr.* 213 West; *Herod.*, IV.121 sq.

¹⁷ *Цец. Ист.*, XII.896—900.

¹⁸ *Цец. Теог.*, 304 и сл.

¹⁹ *Цец. Ист.*, VIII.766 и сл.

²⁰ *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica.* Bd. 2, S. 281.

²¹ *М. Сол.*, 158.20; *М. Ант.*, 379—380.

(а именно к событиям этого времени относятся рассматриваемые свидетельства) кавказских походов Мануила не было. Иначе — у Феодора Аланского: по пути от Боспора Киммерийского (Керчи) в центр аланской епископии он углубляется в середину «Скифии».²² Он же сообщает о заселении «Скифии» аланами.²³ Если оставить в стороне собирательный смысл термина (который распространяется и на аланов), то, судя по контексту, речь идет о приазовских степях, которые, по античным традиционным представлениям, могут относиться к «Скифии».²⁴ Итак, данные о кавказской локализации византийскими авторами XII—XIII вв. (без специальных оговорок!) этнически конкретных (т. е. не «собирательных» или антиклизированно-литературных) «скифов» нет; при наличии специальных атрибуций географически «Скифия» может относиться и к предкавказской степной зоне (Приазовье), что, однако, связано с античной литературной традицией; первый тезис не исключает вопрос о тюркском элементе в этнической структуре населения Кавказа XII—XIII вв.

Киммерийцы. Наиболее употребительна традиционная литературная поговорка о «киммерийской тьме», восходящая к античности.²⁵ Со ссыл-

²² Ф. Ал., 11 и сл.

²³ Ф. Ал., 5.

²⁴ Цец. Ист., VIII.761 и сл.

²⁵ Евст. Сол., Соч., 265.73—74; Евст. Сол., Речи, 62.9; Евст. Сол., Комм. Од., 1642.27 и сл. (X.86); Ф. Пр., Кат., 11; Н. Вас., Энк. Адр. Комн., 81; Евм. М., 267.29; М. Хон., II.101.4; Цец. Пис., 136.23; Цец. Ист., XII.837

ками на античных авторов, «киммерийцы» локализируются в Крыму.²⁶ Неоднократно упоминаются гомеровские киммерийцы Италии.²⁷ В переносном смысле как о «киммерийцах» говорится о земле сербов²⁸ и жителях Солуни.²⁹ Итак, их локализация, основанная на определенных литературных традициях, не имеет отношения к Кавказу и Предкавказью; сам термин в рассматриваемых источниках не несет этнического содержания.

Савроматы и сарматы. Представления о «сарматах» («савроматах») ³⁰ и локализация их неоднозначны. Помимо античного мифа о «сарматках» — воинах,³¹ упоминаются и савроматы как конкретная этническая единица наряду с «росами» — русскими и «собственно скифами» — тюр-

и сл.; *Цец.* Комм. Лик., 1427; ср. *Евст. Сол.*, Соч., 235.84—85; *Ф. Пр.*, Фр., 160.

²⁶ *Евст. Сол.*, Комм. Од., 1671 (XI.14); *Цец. Ист.*, XII.835—836; ср.: *Schol. Aesch. Prom.*, 830; *Sch. Hom. K* 86; *Plut. Mar.*, 11.6 sq., *Dion. Per.*, V.168.

²⁷ *Цец. Алл.*, XI.9, 12, 19, 20, 23; XII.8; *Цец. Комм. Лик.*, 695; *Цец. Ист.*, XII.843 и сл.

²⁸ *Евст. Сол.*, Соч., 349.92.

²⁹ *Ф. Пр.*, Фр., 286—287.

³⁰ Здесь в отличие от античных памятников данных для отнесения «савроматов» к матриархату (в противоположность «сарматам») нет; ср.: *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925, с. 11; *Граков Б. Н.* Пережитки матриархата у сарматов. — *Вестник древней истории*, 1947, № 3.

³¹ *Евст. Сол.*, Комм. Ил., 1159.51 (XVIII.514); *Цец. Ист.*, XII.868—879; ср.: *Dion. Per.*, 654 sq.

ками.³² Здесь возможно следование античной традиции при перечислении «северных» народов, как в ряде одних случаев,³³ но возможно и обозначение этим этнонимом тюркских кочевников Причерноморья, как в других.³⁴ Прослеживаются следы связи са(в)р(о)матов с Кавказом: территория «Савроматии» заселяется аланами;³⁵ там же находится горный хребет Алан, от которого якобы произошло название «аланы»;³⁶ «савроматы» упоминаются вместе с «колхами» и жителями районов Нижнего Кавказа и Фасиса.³⁷ Вместе с тем Иоанн Цец, пристальный интерес которого к Кавказу известен, сообщая о «кавказских скифах» по Страбону,³⁸ не относит к ним «сарматов», хотя в его источнике указывается, что «сарматы» в большинстве своем — все «кавказцы».³⁹ Итак, наряду с античными реминисценциями, термин «сарматы (савроматы)» употребляется в «актуализованном», этническом смысле. Прослеживается связь с Кавказом: территория предкавказских степей и предгорий. Это, возможно, ретроспективное отражение миграций и этногенетических процессов на Северном Кавказе (с Предкавказьем). Однако, вероятно, ввиду распространен-

³² *Цец. Ист.*, XII.896.

³³ *Евст. Сол.*, Комм. Дион., 302; *Н. Вл.*, 460.35 и сл.

³⁴ *М. Сол.*, 158.20; *М. Анх.*, 379—380.

³⁵ *Ф. Ал.*, 5.

³⁶ *Евст. Сол.*, Комм. Дион., 305.

³⁷ *К. Ман.*, Мон., 308.196.

³⁸ *Цец. Ист.*, VIII.772 и сл.

³⁹ *Strab.*, XI.498.

ности тюркского содержания этнонима в XII—XIII вв. «савроматы» не включаются в кавказские классификации византийцев.

Мас(с)агеты. Помимо античного мифа о воинственных «масагетках»,⁴⁰ «масагеты» вместе с «аримаспами» помещаются на краю земли, за Кавказом;⁴¹ упоминается и замысел похода Кира Великого на «массагетов» и «иссидонян».⁴² Наши источники дают недвусмысленные атрибуции: «массагеты» византийцами прямо отождествляются с авасгами,⁴³ аланами⁴⁴ или албанами.⁴⁵ Неоднозначность этих атрибуций объяснима неточностью этнических дефиниций византийцев в отношении трех последних кавказских народностей. Кавказцами представляются «массагеты», участвовавшие в совместных военных действиях с «ивирами».⁴⁶ Не исключен кавказский смысл «массагетов» — гостей (как и «скифов») Михаила Айофеодорита.⁴⁷ Вместе с тем в других случаях возможно понимание «массагетов» как тюркских кочевников Придунавья.⁴⁸ В этой связи встает проблема индивидуального авторского употребле-

⁴⁰ *Цец. Ист.*, XII.893 и сл.

⁴¹ *К. Ман.*, Ром., II.92.

⁴² *К. Ман.*, Энк., 94.197.

⁴³ *Цец. Ист.*, V.587; XII.893; *Цец. Комм. Лик.*, 887.

⁴⁴ *Н. Григ.*, 34.1.

⁴⁵ *Зон.*, XI.24.

⁴⁶ *Кинн.*, 166.

⁴⁷ *К. Ман.*, Речь, 182.320—321.

⁴⁸ *Н. Вас.*, Речь, 332.22; *Н. Вас.*, Энк. Акс., 210;

Н. Хон., Речи, 150.14—22.

ния этнонимов. Итак, византийские авторы актуализируют архаический термин, прямо отождествляя «массагетов» с современными народами Кавказа. Сам этноним употребляется в «живом», обиходном повествовании; смысл термина проясняется при учете его кавказских атрибуций. В связи с тем что кавказская локализация массагетов в наших источниках не единственная, встает проблема преимущественного авторского употребления: для Цеца, например, «массагеты» — исключительно древнее название авасгов, в то время как Никифор Васибеки подразумевает под «массагетами» придунайских кочевников.

Гуны. Узы. Сведения о них («кавказские скифы» вблизи Гирканского—Каспийского моря)⁴⁹ не выходят за рамки античной традиции.⁵⁰ Ретроспективно отражена их кавказская локализация.

Аримасы. Исси/(е)д(он)ы. Со ссылкой на античные источники⁵¹ локализуются рядом друг с другом.⁵² Сведения идентичны античным.⁵³ Намек на некоторую близость к Кавказу,⁵⁴ связь с «массагетами» — кавказцами⁵⁵ — этих мифических племен необходимо иметь в виду: в свете

⁴⁹ *Цец. Ист.*, VIII.772—773.

⁵⁰ *Strab.*, XI.505 sq.; *Dion. Per.*, 714.1134.

⁵¹ *Zenoth. Peripl.*, 650—651; ср.: *Schol. Aristoph. Plut.*, 586 (p. 140.19).

⁵² *Цец. Ист.*, VII.675—684.

⁵³ См.: *Arist.*, fr. I, p. 245 Kinkel.

⁵⁴ *К. Ман.*, Ром., II.92.

⁵⁵ Там же; *К. Ман.*, Энк., 94.198.

этих сближений возможна закаспийская локализация.

Меоты. Упоминаются лишь как один из «северных» народов.⁵⁶ Показательна практическая неупотребимость даже в переносном значении, хотя количественно немало упоминаний о Меотиде, населении Северного Причерноморья: возможно, этот этноним (даже в плане ретроспекции) уже вытеснен (например, «аланами»).

Кораксы. Синды. Упоминаются наряду с «восточными ивирами» (т. е. кавказскими в отличие от «западных ивиров» — испанцев) как лучшие производители тканей.⁵⁷ Характерна «актуализированная» окраска сообщения, несмотря на его античный субстрат.⁵⁸ Архаизированный термин, относящийся к кавказскому причерноморскому населению. Приводятся античные цитаты о кораксах.⁵⁹

Меланхлены. Со ссылкой на древних авторов понимаются как «черноризцы» (в иносказательном смысле);⁶⁰ упоминаются в каталоге «северных» народов — по Дионисию Периегету.⁶¹ Самостоятельного значения не имеют.

⁵⁶ *Цец. Ист.*, VIII.761; *Цец. Пис.*, 62.15; ср.: *Schol. Ar. Ran.*, 298a, p. 783, 11.

⁵⁷ *Цец. Ист.*, XI.835—838.

⁵⁸ *Paus.*, VI.26.4; *Luc. Cat.*, 21; *Schol. Luc. Macr.*, 5 de Salt. 63; *Plut. de Pyth. or.*, 4; *Plin. Nat. hist.*, VI.17.

⁵⁹ *Цец. Ист.*, X.371—374; ср.: *Hippon. fr. D*; *Strab.*, XII.578; *Aelian. Nat. an.*, 17, 34.

⁶⁰ *Евст. Сол.*, Соч., 239.7; 255.28.

⁶¹ *Евст. Сол.*, Комм. Дион., 302, 309.

Иппимолги. Невры. Иппиподы. Вастарны. Последнее замечание справедливо и в данном случае: перечисление в каталоге «северных» народов (по Дионисию)⁶² не дает возможности использования этих свидетельств для наших целей. Отождествление «иппиподов» с «хазарами» не приближает нас к Кавказу, так как «хазары» в источниках XII в. обозначают население Сугдеи (Сурожа).⁶³ Вариант написания этнонима «вастарны» приводит Никифор Влеммид («ватарны»).⁶⁴

Агафирсы. Гелоны. Помимо комментария Евстафия,⁶⁵ упоминаются Цецем в качестве «северных» народов (вместе с «меотами», «скифами», «кавказцами»).⁶⁶ Помещаются по античной традиции⁶⁷ между Апарктийским ветром и Бореем⁶⁸ («гелоны» — к северу от Эвксинского понта), не имея тем самым отношения к Кавказу и Предкавказью.

«Кавказцы». Упоминаются в числе «северных» племен:⁶⁹ очевидно собирательное — не этническое — значение термина.

⁶² Там же.

⁶³ *Цец. Ист.*, XIII.84—88.

⁶⁴ *Н. Вл.*, 460.35—36.

⁶⁵ *Евст. Сол.*, Комм. Дион., 302.

⁶⁶ *Цец. Пис.*, 62.15; ср.: *Schol. Ar. Ran.*, 298a, p. 783.

11 sq. *Koster.*

⁶⁷ Агафисты — *Herod.*, IV.48; *Ptolem. Geogr.*, III.5.2.

Гелоны — *Herod.*, IV.10; *Steph. Byz. S. v.*

⁶⁸ *Цец. Ист.*, VIII.752—753.

⁶⁹ *Цец. Пис.*, 42.16.

Албаны. В соответствии с региональными ограничениями мы не рассматриваем сведения о Кавказской Албании; важно отметить, однако, что этот этноним нередко смешивается с именем «аланы».⁷⁰

Колхи. Идентичны «лазам», помещаются вблизи «массагетов» — авасгов; иначе называются «азиатскими скифами» и «левкосирами».⁷¹ Живут в пределах τῆς Ἀσίας («Ассии»?) у Фасиса:⁷² очевидна закавказская локализация.

Лазы. Идентичны «колхам».⁷³ Указываются «лазские» моды.⁷⁴ Сближаются с Трапезундом,⁷⁵ близки Понту.⁷⁶

Халивы. «Скифский» этнос.⁷⁷ Локализуются в Армении⁷⁸ или в Керчи.⁷⁹

Аласты. Встречаются единственный раз в послании патриарха Германа II.⁸⁰ Ни с кем не отождествляются; сопоставление с латинской вер-

⁷⁰ Зон., XV.1 и сл.; *И. Ант.*, 1125 В; ср.: *Н. Вас.*, Энк. Адр. Комн., 203 в рукописном чтении: *Cod. Escor. gr. Y — II — 10, 11 v.*

⁷¹ *Цец. Комм. Лик.*, 887.

⁷² *К. Ман.*, Мон., 309.196.

⁷³ *Цец. Комм. Лик.*, 174; 887.

⁷⁴ *Евст. Сол.*, Взят., 50.21—33.

⁷⁵ *Нил Докс.*, 1198.

⁷⁶ *И. Ап.*, 274.21—27.

⁷⁷ *Цец. Комм. Лик.*, 1109.

⁷⁸ *М. Хон.*, II.5.7—9, см. *Lampros Sp.—М. Хон.*,

II.550.

⁷⁹ *Феодальная Россия...* С. 100.

⁸⁰ *Герм.*

сией послания⁸¹ позволяет идентифицировать их с «лазами» (*lapsus calami* писца?).

Зихи. Помимо титулов в актах,⁸² сообщается о подчинении монголо-татарам.⁸³ Традиционная античная локализация «зихов» — джигов.

Гиркане. Их овевает ветер Мес.⁸⁴ Упоминаемые среди восточных стран между Ассирией и Двуречьем,⁸⁵ «гиркане» локализуются тем самым на южном берегу Каспия, не относясь к Северному Кавказу. «Гиркания» представляется северной границей парфян.⁸⁶

Аланы. Данные языка свидетельствуют о индоевропейском происхождении «аланов» наших источников.⁸⁷ По Иосифу Флавия, — «европейские скифы» — у Меотиды и Танаиса.⁸⁸ Распространились с Кавказских гор на «Ивирию», заполнили почти всю «Скифию и Савроматию».⁸⁹ Алан — горный хребет в «Сарматии», от которого пошло имя «аланов».⁹⁰ Термин употребляется

⁸¹ Matthei Parisiensis monachi Sancti Albani Chronica Majora / ed. H. R. Luard. — Rerum Britannicarum medii aevi SS. London, 1876, vol. 3, № 57, p. 448 sq.

⁸² Н. Хон., Догм., 273; Акт. Ман., 485; 22—24; Тип. И. Пр., 62.22.

⁸³ Г. Пах., I.345. 5—9.

⁸⁴ Цец. Ист., VIII.674—677.

⁸⁵ Н. Хон., Ист., 787.10—788.1.

⁸⁶ М. Ит., 100.12—13.

⁸⁷ Цец. Теог., 18 и сл.; ср.: Н. Хон., Ист., 250.19; 252.16.

⁸⁸ Цец. Комм. Лик. 887; ср.: Ios. Flav. de b. Iud., VII.7, 4.

⁸⁹ Ф. Ал., 5.

⁹⁰ Евст. Сол., Комм. Дион.

в титулатуре.⁹¹ Аланская епархия на Кавказе.⁹² Аланы упоминаются как жители Крыма,⁹³ Константинополя,⁹⁴ Солуни,⁹⁵ Подунавья.⁹⁶ Завоеваны монголо-татарами.⁹⁷

Авасги. Термин употребляется исключительно в современном смысле, обозначая народ,⁹⁸ государство,⁹⁹ епархию константинопольского или антиохийского патриархата.¹⁰⁰

Геты. Даки. Перечислены в каталоге «северных» народов,¹⁰¹ как архаизированные термины употребляются для обозначения, скорее всего, дунайских кочевников.¹⁰² К Кавказу отношения не имеют.

Саки. Включены в «скифскую» общность.¹⁰³ Упоминается античный миф о женщинах «саков».¹⁰⁴

⁹¹ См. пометы в: Codd. Mosqu. Synod. (ГИМ) 324; Paris. Reg. 1004; Paris. gr. 880.

⁹² *Нил Докс.*, 1105. С; *Ф. Ал.*, 14; *И. Ант.*, 1125 В; Акт. Патр.

⁹³ *Ф. Ал.*, 5.

⁹⁴ *Цец. Ист.*, XIII.359.

⁹⁵ *Евст. Сол.*, *Взят.*, 88.22—23.

⁹⁶ *Н. Григ.*

⁹⁷ *Г. Пах.*, I.345.5—9.

⁹⁸ *Кинн.*, 183.6—13; *Зон.*, XV.1 и сл.

⁹⁹ *Зон.*, III.761.14; XVII.9, 14 и др.

¹⁰⁰ *Нил Докс.*, 1105 ВС.

¹⁰¹ *Евст. Сол.*, Комм. Дион., 302.

¹⁰² *Н. Вас. Речь.*, 332.23.

¹⁰³ *Цец. Ист.*, XII.896—900.

¹⁰⁴ *Цец. Пис.*, 137.9; и др.; ср.: *Aelian. v. Н.*, XII.38; *Demetr. de eloc.*, 3213; *Nic. Damasc.*, fr. 12 M. Anonym. de mulier. Paradox. Gr. 213 West.

Таким образом, применительно к территории Кавказа и Предкавказья «северные» народы, «скифскую» общность византийских источников XII—XIII вв. следует рассматривать дифференцированно: ряд антикизированных этниконов территориально не имеет отношения к кавказским народам; упоминание древних народов, некогда связанных с Северным Кавказом, но к XII в. уже исчезнувших или откочевавших (сарматы, массагеты, гунны, узы, меоты, кораксы, синды и др.), показательно в качестве ретроспективного отражения эволюционирования этнической структуры населения Северного Кавказа. Нередко в данном случае архаические этниконы актуализируются византийскими авторами, отождествляясь с современными народами. Сведения об аланах в основном относятся к событиям, современным источникам. Этникон в переносном или архаизированном смысле неупотребим. Термин относится к народу, к государству, к церковной епархии. Рассматриваемые данные не подтверждают бытующих предположений об отсутствии этнической категории «аланы» и об единственно политическом значении термина:¹⁰⁵ этнический и политический смысл этого термина не являются взаимоисключающими, а приводимые нашими источниками языковые факты подтверждают наличие особого, аланского этноса. Не опровергает

¹⁰⁵ Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966, с. 105, 165, ср.: Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа, с. 74.

этого и уже отмечавшаяся путаница в написании византийцами этнонима.

Глава 2

ЧЕРТЫ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ АЛАНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Как показано выше, византийские источники говорят о политическом объединении аланов. Действительно, в XII—XIII вв. на территории Северного Кавказа известно Аланское раннефеодальное государство.¹ Еще сравнительно недавно рассматриваемый период был мало изучен.² На основе гипотез, ретроспективного метода анализа этнографических материалов осетин (чуть ли не конец XIX в.) XII—XIII вв. представлялось периодом ослабления и упадка аланской государственности, политической раздробленности, культурного обеднения и затухания.³ К настоящему времени, преимущественно на основании археологических данных, получены убедительные данные о том, что аланское население центра Северного Кавказа в X—XII вв. переживало период как раз наи-

¹ См.: Кузнецов В. А. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа. — В кн.: Советская археология, 1959, № 2, с. 117.

² Ср.: Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, с. 6 и сл.

³ Ванеев З. Н. Средневековая Алания. Сталинири, 1959, с. 86 и сл., 142 и сл.

большого расцвета своей культуры и военного могущества. К этому времени относят и оформление раннефеодальной государственности у аланов,⁴ возникшей в результате постепенного разложения родовых отношений и феодализации аланского общества.⁵ Предприняты попытки анализа социальной структуры и политической организации средневековой Алании (движение процесса классовообразования по пути развития патриархально-феодальных отношений; роль территориальной общины и ее эволюция; проблема рабского труда; значение старой родовой аристократии; переплетение в государственном устройстве элементов феодальных с патриархальными пережитками и т. д.).⁶ На основе этих исследований были определены уровень и характерные черты феодализма в Алании: вывод о его раннем патриархальном характере и о переплетении феодальных элементов, свойственном раннему феодализму, сочетается с наблюдениями о развитии феодальных институтов, общей тенденции к государственной раздробленности.⁷ К концу XII— началу XIII в. относят начало феодальной раздробленности Алании.

⁴ Кузнецов В. А. Указ. соч., с. 198.

⁵ Кузнецов В. А. Локальные варианты аланской культуры Северного Кавказа: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1961, с. 8; ср.: Дидебулидзе З. Ц. Культурные связи народов Грузии и Центрального Предкавказья в X—XII вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1974, с. 8.

⁶ Кузнецов В. А. Алания... с. 203 и сл.

⁷ Там же, с. 239.

Основными данными этих выводов являются археологические материалы. Письменные источники содержат мало интересующих нас свидетельств. Вместе с тем исследование сообщений письменных источников (в данном случае — византийских) имеет принципиальное значение для коррекции полученных выводов. Анализ характеристики общественно-политического строя Алании по византийским источникам осложняется рассмотренным выше размытым употреблением этнонимов. Не проводя четкого различия, византийские авторы, сообщая, например, об абхазской царице Марии, дочери грузинского царя Баграта IV, называют ее «аланкой»,⁸ поэтому термины «властитель Алании», «цари Алании» и т. д., существенные при анализе государственного строя Алании, фактически применяются по отношению к абхазским династам. Но в данном случае важно другое: в социально-политической терминологии косвенно — через этнонимистику — отразились представления византийцев об общественно-политическом строе Алании.

Социально-политическая терминология аланского господствующего класса номинально разнообразна. Это вызвало стремление увидеть реальную разницу в различии титулатуры: упоминание Константином Порфирородным «эксусиократора Алании» и «архонта Асии»⁹ истолковывается как

⁸ См. выше. Ср.: *Иоул.*, 65.25.

⁹ *Constantinus Porphyrogenitus. De ceremoniis aulae Byzantinae. Bonnae, 1840, 688.2, 6.*

наличие, «наряду с чисто официально-государственным титулом экскусиократора Алании», понятия, «целиком связанного с родовым (!) строем», — «старейшины асов». ¹⁰ Однако такое понимание термина «архонт», основанное на одном из словарных значений слова, ¹¹ не оправдано. Архонтами в наших источниках называются различные представители господствующего класса Византии — местные феодалы, ¹² чиновники, ¹³ а также чужеземные правители (см. выше о Руси). В частности, Кекавмен включает архонтов в трехчленную стратификацию общества, в которой после «царей» фигурируют «архонты». ¹⁴ Употребляется термин и как синоним понятия «богатый». ¹⁵ Таким образом, неудовлетворительным оказывается осмысление указанного термина в его словарном, притом произвольно избирательном значении. «Архонт» у Константина обозначает местного аланского властителя, противопоставление которого феодальным правителям не подкреплено источниками.

¹⁰ Кузнецов В. А. Алания... С. 233.

¹¹ Liddel H. G., Scott R. A. Greek-English Lexicon. Oxford, 1953, p. 254.

¹² Jacoby D. Les états latins en Romanie. Actes du XVe Congrès International des Etudes Byzantines, (Histoire). Athenai, 1976, p. 5.

¹³ Guiland R. Recherches sur les institutions byzantines. Berlin; Amsterdam, 1967, Bd. 1, S. 393.

¹⁴ Лутаврин Г. Г. Советы и рассказы Кекавмена. М., 1973, с. 339.

¹⁵ Ср.: Georgii monachi chronicon/ed. E. Muralt. Petropoli, 1895, 874.22—3.

В анализируемых памятниках социально-политическая терминология господствующего класса Алании представляет собой перенесение на местную почву византийских представлений: местная знать описывается в категориях юридических норм Византии. Употребление термина «василисса»¹⁶ свидетельствует о наличии «царской» (по византийским понятиям) власти в аланском государственном образовании. Структура ее не ясна, но данных о вассальной зависимости Алании от Византии¹⁷ нет. Речь идет о самостоятельном государстве, равноправном с империей ромеев: византийскому василевсу соответствует аланская василисса.

Более того, Алания представляется крупным государственным образованием, возможно, даже политическим *объединением* различных социальных единиц: в наших источниках говорится о правителе «*всей Алании*»,¹⁸ в чем можно усмотреть отмеченное «собирательное» значение.

По нашим данным, «царская» власть в Алании не столько противопоставляется родовой аристократии, сколько эти представления совмещены. Так, Ирина Аланская — «василисса» определяется термином ἀρχαίοβλουτος¹⁹ — «исстари

¹⁶ Н. Вас., Энк. Адр. Комн., 204.

¹⁷ Основные сведения об отношениях с Византией — об аланском наемном военном корпусе см.: *Евст. Сол.*, Взят., 88.22—23.

¹⁸ См. рукописные пометы (гл. 1, примеч. 90).

¹⁹ Н. Вас., Энк. Адр. Комн., 204.

богатая», т. е. царская власть связывается с родовитостью и с богатством династа.

Таковы категории политической власти в Алании по данным наших источников. Итак, аланская социально-политическая действительность осмысливается византийцами в их собственных категориях, переносимых на местную почву. Но у этого явления есть и обратная сторона: на данной основе определяется сопоставимость обеих систем, устанавливается место чужого государства в византийской «орбите» средневекового мира.

Последнее подкрепляется многочисленными свидетельствами о церковных связях Византии и Алании;²⁰ в XIII в. Алания в византийских источниках представляется (подобно Руси и др.) оплотом православия в Европе.²¹

²⁰ Акт. соб., V.87.25 и сл.; Акт. патр., 1125; ср.: Акт. патр., 1014.

²¹ Герм.; ср.: Н. Вас., Энк. Адр. Комн., 206.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение истории древнейших государств на территории Восточной Европы в настоящее время является одной из наиболее актуальных проблем.¹ Значительное место в программе публикации Свода древнейших источников занимают византийские памятники, которые составляют самую объемную серию Свода (более чем вдвое превышающую каждую из других серий).² Как часть этой большой работы, осуществляемой коллективом специалистов, проведено и настоящее исследование византийских источников XII—первой половины XIII в. по истории Руси, кочевников и народов Северного Кавказа. Найденные и обработанные материалы по предварительному проекту займут полностью десять выпусков византийской серии Свода (серии AI—4, вып. 23—32) плюс части отдельных античных выпусков (AI—1, вып. 1, № 3; вып. 4, № 48; и др.).

¹ См.: Итоги и задачи изучения древнейших государств нашей страны. — История СССР, 1974, № 2, с. 83 и сл. Ср.: Основные направления развития естественных и общественных наук на 1976—1980 гг. М., 1975, с. 342.

² См.: Древнейшие источники по истории народов СССР: (Тематика и состав выпусков по Европейскому региону). М., 1976, с. 28—37; Древнейшие источники... М., 1980, ч. 2, с. 32—34.

Источниковедческие наблюдения позволили выявить новые данные византийских памятников по отечественной истории. Это прежде всего относится к ряду риторических, эпистолярных и поэтических сочинений, анализируемых в работе в соответствии с выработанной методикой системного подхода к источнику, которые еще не привлекались для исследований по отечественной истории или не изучались в связи с ней. Использование в большинстве случаев новейших изданий позволило учесть ряд чтений текстов, отличных от ранее принятых, и предположить новое их истолкование.

Специфика материала обусловила необходимость разработки особой методики исследования и конкретизации различных методических приемов применительно к тому или иному типу источника. Обоснование этих принципов анализа — составная часть монографии.

Широкий источниковедческий охват материала в соответствии с принятой методикой позволил получить ряд новых результатов. Это касается выявления основных этапов половецкой истории изучаемого периода по византийским материалам, этногеографических данных по Северному Кавказу, определения закономерностей функционирования этнической и политической номенклатуры Руси в разных типах источников, некоторых аспектов истории экспатриальных групп русского населения.

Вместе с тем следует наметить перспективы дальнейшей разработки поставленных в монографии проблем.

Необходимо дальнейшее развитие и совершенствование принятой системной *методики* источниковедческого анализа, основанной на комплексном охвате исследуемых материалов при имманентном подходе к ним. Так, важно выявить и представить конкретные жанровые, авторские системы определений интересующего нас мира, уточнить специфические мировоззренческие черты этих систем, установить социальные пружины их функционирования.

На этой основе возможным окажется сравнение этих систем в большем хронологическом поле, благодаря чему закономерным станет рассмотрение *эволюции* элементов отражения в иностранных памятниках социально-политической действительности и культурной жизни Руси и связанных с ней народов и государств.

Выявление динамики системы наших данных позволит провести координационные *сопоставления* материалов разноязычных, разножанровых источников по конкретным проблемам научных исследований — сравнительно-историческому анализу социального и политического развития отдельных регионов нашей страны в международном аспекте, установлению принципов отражения в политической, этнической терминологии существенных сторон исторического процесса изучаемого общества, фиксации определенных типов политического и культурного взаимодействия различных государственных и этнических организмов древнейших формаций на территории нашей Родины.

Приложение

СИСТЕМА ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ ВИЗАНТИЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ

В исследовании система отсылок к текстам источников соответствует общепринятым у византистов стандартам. Как правило, указываются страница соответствующего издания и (через точку) строка (иногда первая римская цифра обозначает том издания). В ряде случаев традицией установлена другая система. Например, «Истории» Иоанна Цеца разделены на «хилиады» — «тысячи» (стихов): здесь римские цифры обозначают номер «тысячи», арабские — строку. Издание произведений из Cod. Marc., 524, «исторических стихотворений» Феодора Продрома указывает номер произведения (римская цифра) и строку его (арабская). Сочинения, цитируемые по изданию *Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series Graeca*, определяются цифрой столбца (col.) и буквой абзаца. Встречаемые в статье виды отсылок к источникам являются общепринятыми и не вызовут затруднения у специалистов, обращающихся к текстам источников.

Акт. Аф. — Афонские акты: *Meyer Ph. Haupturkunden für die Geschichte der Athoskloster. Leipzig, 1894.*

Акт. Дион. — Акты монастыря Дионисия на Афоне: *Oikonomidès N. Actes de Dionysiou. Paris, 1968.*

Акт. Зогр. — Акты монастыря Зографа на Афоне: *Regel W., Kurz E., Korablew B. Actes de Zographou. — Византийский временник, 1907, т. XIII.*

Акт. Ис. — Акт императора Исаака Ангела 1169 г.: *Miklosich F., Müller I. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonnae, 1865, Bd. 3.*

Акт. имп. — Императорские акты: *Miklosich F., Müller I. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonnae, 1860—1865. Bd. 1—3.*

Акт. Ксен. — Акты монастыря Ксенофонта на Афоне: *Petit L. Actes de Xénophon. — Византийский временник, 1903, т. X.*

Акт. Ксир. — Акты монастыря Ксиропотамского (Афон): *Вотпайре J. Actes de Xéropotamou. Paris, 1964.*

Акт. Лавр. — Акты Лавры св. Афанасия на Афоне: *Lemerle P., Guillou A., Svoronos N. (coll. Papachryssanthou D.). Actes de Lavra. Paris, 1970, vol. 1.*

Акт. Лавр. РК — Акты Лавры св. Афанасия (1-е изд.): *Rouillard J., Collomp P. Actes de Lavra. Paris, 1937, t. 1.*

Акт. Лемв. — Акты монастыря Лемвиотисы: *Miklosich F., Müller I. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1890. Bd. 4.*

Акт. Ман. — Акт императора Мануила Комнина 1166 г.: *Zachariae a Lingenthal C. Jus Graeco-Romanum. Lipsiae, 1857, vol. 3.*

Акт. Пант. — Акты монастыря Пантократора на Афоне: *Petit L. Actes de Pantocrator. — Византийский временник, 1903, т. X.*

Акт. Патм. — Акты монастыря Иоанна Богослова на Патмосе: *Miklosich F., Müller I. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1890. Bd. 6.*

Акт. Патр. — Акты Константинопольского патриархата: См. в кн.: *Les Regestes des actes du patriarcat de Constantinople, vol. 1, f. 3 (Grumel V.); f. 4 (Laurent V.) Paris, 1947—1971.*

Акт. Пр. — Акты афонского протата: *Parachryssanthou D. Actes du Prôtaton. Paris, 1974.*

Акт. Росс. — Акты Русского монастыря на Афоне: Акты Русского на св. Афоне монастыря св. ... Пантелеимона. Киев, 1873.

Акт. соб. — Акты соборов: *Rhallis J., Potlis M. Σύνοδος τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων. Athenai, 1852—1858. T. 1—6.*

Акт. Фил. — Акты монастыря Филофея на Афоне: *Regel W., Kurz E., Korablew B. Actes de Philothée. — Византийский временник, 1913, т. XX.*

Акт. Хил. — Акты монастыря Хиландаря на Афоне: *Petit L. Actes de Chilandar*, p. 1. — Византийский временник, 1911, т. XVII.

Акт. Эсф. — Акты монастыря Эсфигмена на Афоне: *Lefort J. Actes d'Esphigménou*. Paris, 1973.

Анна. — Анна Комнина. Алексиада: *Anne Comnène. Alexiade (Règne de l'empereur Alexis Comnène. 1081—1118)*. Texte ét. et trad. B. Leib, t. 1—3. Paris, 1937—1945.

Атт. — Михаил Атталиат. История: *Michaelis Attaliothae Historia*. Rec. I. Bekker. Bonnae, 1853.

Бронт. — Бронтологий XII в.: *Martini A., Bassi D. Catalogus codicum astrologorum Graecorum. Codd. Mediolanenses*. Bruxelles, 1901, t. 3.

Ври. — Никифор Вриенний. Исторические записки: *Nicéphore Bryennios. Histoire*. Introd. texte, trad. et notes par. P. Gautier. Bruxelles, 1975.

Г. Акр. — Георгий Акрополит. Сочинения: *Heisenberg A. Georgii Acropolitae Opera*. Lipsiae, 1903, vol. 1—2.

Герод. — Геродот. История: *Herodoti Historiae*. Rec. C. Hude, vol. 1—2. Oxonii, 1933.

Г. Пах. — Георгий Пахимер. История: *Georgii Pachymeris De Michaele et Andronico Paleologis...*, vol. 1. Bonnae, 1835.

Г. Торн м-т. — Георгий Торник — митрополит. Речи, письма: *Darrouzès J. Georges et Démétrios Tornicès. Lettres et discours*. Paris, 1970.

Г. Торн. рит. Пис. — Георгий Торник — магистр риторов. Письмо Михаилу Хониату: *Lampros Sp. Μιχαήλ Ἀκομινάτου Χωνιάτου τὰ σωζόμενα*. Athenai, 1879, T. 2, σ. 420—427.

Г. Торн. рит. Речь. — Георгий Торник — магистр риторов. Речь: *Regel W. Fontes rerum byzantinorum*. Petropoli, 1917, t. 1, p. 2.

Герм. — Герман II — патриарх. Послание: См.: *Laurent V. Les Regestes des actes du patriarcat de Constantinople*. Paris, 1971, vol. 1, f. 4, № 1256.

Гр. Ант. Речи. — Григорий Антиох. Речи: Cod. Escor Y-II-10 (микрофильм).

Гр. Ант. Пис. — Григорий Антиох. Письма: *Darrouzès J. Deux lettres de Grégoire Antiochos, écrites en Bulgarie vers 1173*. — *Byzantinoslavica*, 1962, t. 23, p. 276—278; *Ibid.*, 1963, t. 24, p. 65—86.

Дук. — Дука. История: *Ducas. Historia Turcobyzantina*. Ed. *Grecu V. București*, 1958.

Д. Торн. — Дмитрий Торник. Речи: *Darrouzès J. Georges et Démétrios Tornicès. Lettres et discours*. Paris, 1970.

Д. Хом. — Димитрий Хоматиан. Сочинения: *Pitra J.-B. Analecta sacra et classica...*, 1891, vol. 6 (7).

Евм. М. — Евматий Макремволит. Роман об Исмине и Исминии: *Hercher R. Erotici scriptores Graeci*. Lipsiae, 1859, vol. 2, p. 159—286.

Евст. Сол. Взят. — Евстафий Солунский. Взятие Солуни: *Kyriakidis S. Eustazio di Thessalonica. La Espugnazione di Thessalonica*. Palermo, 1961.

Евст. Сол. Комм. Дион. — Евстафий Солунский. Комментарии к Дионисию Перизэгету: *Müller C. Geographi Graeci Minores*. Paris, 1882, vol. 2.

Евст. Сол. Комм. Ил. — Евстафий Солунский. Комментарии к «Илиаде» Гомера: [*Stallbaum G.*] *Eustathii Thessalonicensis Commentarii ad Homeri Iliadem*. Lipsiae, 1827—1830, v. 1—4.

Евст. Сол. Комм. Од. — Евстафий Солунский. Комментарии к «Одиссее» Гомера: [*Stallbaum G.*] *Eustathii Thessalonicensis Commentarii ad Homeri Odysseam*. Lipsiae, 1823—1827, v. 1—3.

Евст. Сол. Речи. — Евстафий Солунский. Речи: *Regel W. Fontes rerum byzantinarum*. Petropoli, 1892, t. I, p. 1.

Евст. Сол. Соч. — Евстафий Солунский. Сочинения: *Tafel Th. Eustathii Thessalonicensis Opuscula*. Amsterdam, 1964.

Евф. Мал. — Евфимий Малаки. Письма: *Bonis K. G. Εὐφυμίου τοῦ Μαλάκη τὰ σφζόμενα*. Athenai, 1937.

Евф. Торн. — Евфимий Торник. Речи: *Papadopoulos-Kerameus A. Noctes petropolitanae*. Petropoli, 1913.

Зон. — Иоанн Зонара. История. *Ioannes Zonaras. Epitome historiarum*. Bonnae, 1897, t. 3.

И. Ант. — Иоанн Антиохийский (V Оксит). О монастырской жизни: *Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series Graeca*, t. 132, col. 1118—1150.

И. Ап. — Иоанн Апокавк. Послания, акты: *Васильевский В. Г. Epirotica saeculi XIII*. — Византийский временник, 1896, т. III.

И. Диог. — Иоанн Диоген. Речь к Мануилу Комнину: *Regel W. Fontes rerum byzantinorum*. Petropoli, 1917, t. I, p. 2, № 19.

И. Ставр. — Иоанн Ставракий. Речи: *Joakeim Iberiotes J. Ἰωάννου Σταυρακίου λόγος εἰς τὰ θαύματα τοῦ ἁγίου Δημητρίου*. — Μακεδονικά, 1940, т. 1.

Иак. Болг. — Иаков Болгарский. Речь к Иоанну Дуке Ватацу: *Mercati S. G. Jacobi Bulgariae archiepiscopi opuscula*. — *Collectanea byzantina*, 1970, v. 1, p. 66—113.

Иоил. — Иоил. Хронография: *Ioelis Chronographia compendiaria*. Bonnae, 1836.

И. Сир. — Иоанн Сиропул. Речь к Исааку Ангелу: *Vachmann M. Die Rede des Johannes Syropulos an den Kaiser Isaak II. Angelos (1185—1195) nebst Beiträgen zur Geschichte Kaisers aus zeitgenössischen rhetorischen Quellen*. Diss. phil. München, 1935.

Кам. — Иоанн Каминиат. Взятие Солуни: *Ioannis Caminiatae De expugnatione Thessalonicae*. Rec. G. Böhlig. Berlin. New York, 1973.

Кек. — Кекавмен. Советы и рассказы: *Литаврин Г. Г. Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века*. М., 1972.

К. Ман. Ист. — Константин Манасси. Стихотворная история: *Constantini Manassis Breviarium historiae metricum*. Bonnae, 1837.

К. Ман. Мон. — Константин Манасси. Монодия на смерть Никифора Комнина: *Куриц Э. Евстафия Фессалоникийского и Константина Манасси монодии на кончину Никифора Комнина*. —

Византийский временник, 1910, т. XVII, с. 289—322.

К. Ман. Речь. — Константин Манасси. Речь к Михаилу Айофеодориту: *Horna K. Eine unedierte Rede des Konstantin Manasses.* — Wiener Studien, 1906. Bd. 28.

К. Ман. Ром. — Константин Манасси. Роман об Аристандре и Каллифее: *Hercher R. Erotici scriptores Graeci.* Lipsiae, 1859, vol. 2, p. 553—577.

К. Ман. Энк. — Константин Манасси. Речь к Мануилу Комнину: *Курц Э.* Еще два неизвестных произведения Константина Манасси. — Византийский временник, 1905, т. XII.

Кинн. — Иоанн Киннам. История: *Ioannis Cinnami Epitome regum...*, rec. E. Meineke. Bonnae, 1836.

Конст. — Константин Багрянородный. Об управлении империей: *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio*, ed. by Gy. Moravcsik, transl. by R. Jenkins. Budapest, 1949, v. 1.

К. Ст. — Константин Стилв. Речь к Исааку Ангелу: *Browning R. An anonymous λόγος βασιλικός*, addressed to Alexios I Comnenos. — Byzantion, 1959, t. 28, p. 31—50.

Код. Вен. — Стихи из Cod. Marc. 524: *Lampros Sp. 'Ο Μαρκιανὸς κῶδιξ 524.* — Νέος Ἑλληνομνήμων, 1911, τ. 8.

Л. Гр. — Лев Грамматик. Хронография: *Leonis Grammatici Chronographia.* Rec. I. Bekker. Bonnae, 1842.

Л. Диак. — Лев Диакон. История: *Leonis Diaconi Caloënsis historiae libri decem...* Rec. C. V. Hasii. Bonnae, 1828.

Лог. — Георгий Логофет. Хроника: *Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus.* Rec. I. Bekker. Bonnae, 1838.

М. Авр. — Марк Аврелий. Сочинения: *Marcus Aurelius*, ed. W. Theiler. Lipsiae, 1951.

М. Анх. — Михаил-ритор (близкий человек митрополита Анхиала). Речь к Мануилу Комнину: *Browning R. A New Source on Byzantino-Hungarian Relations in the XII-th Cent.* — *Balkan Studies*, 1961, vol. 2, p. 173—216.

М. Гл. Анн. — Михаил Глика. Анналы: *Michaelis Glycae Annales.* Bonnae, 1836.

М. Гл. Ст. — Михаил Глика. Стихи из тюрьмы: *Tzolakis E. Th. Μιχαήλ Γλυκᾶ στίχοι, οὐς ἔγραψε καὶ ὄν καθεσχέθη καιρόν.* Thessalonike, 1959.

Мет. — Федор Метохит. Сочинения: *Theodori Metochitae miscellanea philosophica et historica*, ed. Chr. G. Müller. Th. Kiessling. Lipsiae, 1821.

М. Ит. — Михаил Италик. Речи, письма: *Gautier P. Michel Italicos. Lettres et discours.* Paris, 1972.

М. Сол. — Михаил-ритор (близкий митрополита Солуни). Речь к Мануилу Комнину: *Regel W. Fontes rerum byzantinarum.* Petropoli, 1917, t. 1, p. 1, № 8.

М. Хон. — Михаил Хониат. Речи, письма: *Lampros Sp. Μιχαήλ Ἀκομινάτου Χωνιάτου τὰ σωζόμενα.* Athenai, 1879, т. 1, 2.

Ман. Сар. — Мануил Сарандин. Послание митрополиту Навпакта: *Vasильевский В. Г. Epitroica saeculi...*, с. 268—269.

Н. Вас. Облич. — Никифор Васибеки. Обличение Вароа: *Garzya A. Una declamazione giudiziaria di Niceforo Basilace.* — 'Ελετηρὶς Ἐταιρεία τῶν Βυζαντινῶν Σπουδῶν, 1968, т. 36.

Н. Вас. Пис. — Никифор Васибеки. Письма: *Garzya A. Quattro epistole di Niceforo Basilace.* — *Byzantinische Zeitschrift*, 1963. Bd. 56.

Н. Вас. Речь. — Никифор Васибеки. Речь к Иоанну Комнину: *Regel W. Fontes rerum byzantinorum.* Petropoli, 1917, т. 1, р. 2, № 21.

Н. Вас. Энк. Адр. Комн. — Никифор Васибеки. Энкомий в честь Андриана Комнина (Иоанна Болгарского): *Garzya A. Niceforo Basilace. Encomio di Adriano Comneno.* Napoli, 1965.

Н. Вас. Энк. Акс. — Никифор Васибеки. Речь к Иоанну Аксуху: *Garzya A. Encomio inedito di Niceforo Basilace per Giovanni Axuch.* — *Rivista di Studi Bizantini e Neellenici*, 1969—1970, т. 6—7 (XVI—XVII).

Н. Вас. Энк. Ал. Ар. — Никифор Васибеки. Энкомий в честь Алексея Аристиона: *Garzya A. Encomio inedito di Niceforo Basilace per Alessio Aristeno.* — *Byzantinische Forschungen*, 1966. Bd. 1.

Н. Вл. — Никифор Влеммид. Комментарии к Дионисию Перизегету: *Müller C. Geographi Graeci Minores.* Paris, 1861.

Н. Григ. — Никифор Григора. История: Nicephori Gregorae Historia Byzantina. Bonnae, 1829, t. 1.

Ник. — Никифор патриарх. Бревиарий: Nicephori patriarchae Constantinopolitani Breviarium... Rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1837.

Н. Калл. — Николай Калликл. Сочинения; *Sternbach L. Nicolai Calliclis carmina.* — *Rozprawy Akademii Umiejtnosci*, 1903, ser. 2, t. 2.

Н. Кат. Ж. — Николай Катаскепин. Житие Кирилла Фелеота: *Лопарев Хр.* Описание некоторых греческих житий святых. — Византийский временник, 1897, IV, с. 378—401 (фр.).

Н. Мес. Диал. — Николай Месарит. Беседа с латинским патриархом: *Heisenberg A. Neue Quellen zur Geschichte des Lateinischen Kaisertums — und Kirchenunion, II. Die Unionsverhandlungen vom 30. August 1206.* SBAW, Phil.-hist. Kl., München, 1923.

Н. Мес. Речь. — Николай Месарит. Речь о мятеже Иоанна Комнина: *Heisenberg A. Nikolaos Mesarites. Die Palastrevolution des Johannes Komnenos, Würzburg*, 1907.

Н. Мес. Сообщ. — Николай Месарит. Сообщение о переговорах с папским легатом: *Heisenberg A. Neue Quellen...*, III: *Der Bericht des Nikolaos Mesarites über die politischen und kirchlichen Ereignissen des Jahres 1214*, München, 1923.

Н. Меф. Ж. — Николай Мефонский. Житие Мелетия: *Васильевский В. Г.* Николая епископа Мефонского и Феодора Продрома жития Мелетия

Нового. — Православный Палестинский сборник, 1886, XVII, с. 1—39.

Н. Сол. — Никита Солунский. Слово на чудеса св. Димитрия: *Sigalas A. Νικήτα ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης. Εἰς τὰ θαύματα τοῦ ἁγίου Δημητρίου.* — 'Ελετηρὶς 'Εταιρείας τῶν βυζαντινῶν Σπουδῶν, 1936, т. 12.

Н. Хон. Догм. — Никита Хониат. Догматическое всеоружие: *Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series graeca, t. 140; Van Dieten J.-L. Niketas Choniatas. Panoplia dogmatike. Zur Überlieferung und Veröffentlichung der Panoplia dogmatike des Niketas Choniates.* Amsterdam, 1970.

Н. Хон. Ист. — Никита Хониат. История: *Van Dieten J.-L. Nicetae Choniatae Historia.* Berlin, 1975.

Н. Хон. Речи. — Никита Хониат. Речи, письма: *Van Dieten J.-L. Nicetae Choniatae orationes et epistolae.* Berolini et Novi Eboraci, 1972.

Н. Хрис. — Никифор Хрисоверг. Речи: *Treu M. Nicephori Chrysobergae ad Angelos orationes tres.* Breslau, 1892.

Нил Докс. — Нил Доксапатр. Список епархий: *Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series Graeca, t. 132, col. 1083—1114.*

Печ. Вас. — Печать Василия Мономаха из-под Новгорода: См.: *Янин В. Л., Литаврин Г. Г. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха.* — В кн.: *Историко-археологический сборник.* М., 1962.

Печ. И. — Печать Иоанна из коллекции Орхидан: *Laurent V. Documents de sigillographie byzantine. La collection C. Orghidan. Paris, 1952.*

Печ. Мих. — Печать Михаила из Диногечии: *Barnea I. Byzance, Kiev et l'Orient sur le Bas-Danube du Xe au XIIe s. — In: Nouvelles études d'histoire. Bucarest, 1955, p. 175.*

Пс. Пр. — «Псевдо-Продром». Сочинения: *Miller E. Poèmes historiques de Théodore Prodrome. — Revue archéologique, 1873, t. 26.*

Пс. — Михаил Пселл. Хронография: *Michel Psellos. Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976—1077). Texte ét. et trad. par E. Renauld. Paris, 1926—1928, t. 1—2.*

Пр. Феоф. — Продолжатель Феофана. Хроника: = Лог.

С. Кол. — Сергей Колива. Речь к Исааку Ангелу: *Regel W. Fontes rerum byzantinarum. Petropoli, 1917, t. 1, p. 2, № 17.*

Сп. еп. — Список епархий XII в.: *Gelzer H. Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae Episcopatum (ABA zu München. Ph.-H. Kl. 21). München, 1901.*

Сим. — Феофилакт Симокатта. История: *Theophylacti Simocattae Historiae. Ed. C. de Boor, corr. v. P. Wirth. Stuttgart, 1972.*

Скил. — Иоанн Скилица. История: *Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum. Rec. H. Thurn. Berlin; New York, 1973.*

Скут. — Феодор Скутариот. История: *Sathas K. N. Bibliotheca graeca medii aevi. Venetia, Paris, 1894, vol. 7.*

Страб. — Страбон. География: *The Geography of Strabo*, ed. and transl. by H. L. Jones. Cambridge (Mass.); London, 1944—1954, v. 1—8.

Тим. — «Тимарион»: *Romano R. Pseudo-Luciano. Timarione*, Napoli, 1974.

Тип. И. Пр. — Типик монастыря Иоанна Предтечи: *Papadopoulos-Kerameus A. Noctes...*

Тип. Пант. — Типик монастыря Пантократора: *Gautier P. Le Typikon du Christ Sauveur Pantocrator*. Paris, 1974.

Ф. Ал. — Феодор Аланский. Речь: *Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series Graeca*, t. 140, col. 388—413.

Ф. Вальс. Соч. — Феодор Вальсамон. Сочинения: *Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series Graeca*, t. 137—138.

Ф. Вальс. Эп. — Феодор Вальсамон. Эпиграмма: *Horna K. Die Epigramme des Theodores Balsamon*. — *Wiener Studien*, 1903. Bd. 25/2.

Ф. Диак. — Феодосий Диакон. Взятие Крита.: *Panagiotakis N. M. Θεοδοσίος ὁ Διάκονος καὶ τὸ ποίημα αὐτοῦ ἸΑλωσις τῆς Κρήτης*. Herakleion, 1960.

Феоф. — Феофан. Хронография: *Theophanis Chronographia*. Rec. C. de Voog. Lipsiae, 1883.

Ф. Пр. Ж. — Феодор Продром. Житие Мелетия: *Васильевский В. Г. Николая епископа Мефонского и Феодора Продрома жития Мелетия Нового*. — *Православный Палестинский сборник*, 1886, т. XVII, с. 40 и сл.

Ф. Пр. И. Ст. — Феодор Продром. Исторические стихотворения: *Hörandner W. Theodoros Prodromos. Historische Gedichte. Wien, 1974.*

Ф. Пр. Кат. — Феодор Продром. Катомиомахия: *Hunger H. Der byzantinische Katz-Mäuse Krieg. Graz; Wien; Köln, 1968.*

Ф. Пр. Манг. — Феодор Продром. Манганские стихотворения: *Bernardinello S. Theodori Prodromi De Manganis. Padova, 1972.*

Ф. Пр. Речи — Феодор Продром. Речи: *Majuri A. Anecdota Prodromea dal Vat. gr. 305. — Rendiconti della Acc. dei Lincei. Cl. di sc. mor., st. e fil., 1908, ser. 5, v. 17.*

Ф. Пр. Соч. — Феодор Продром. Сочинения: *Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series Graeca, t. 133.*

Ф. Пр. Фр. — Феодор Продром. (Фрагменты различных произведений): *Пападимитриу С. Д. Феодор Продром. Одесса, 1905.*

Фук. — Фукидид. История: *Thucydidis Historia. Ed. O. Luschnat. Lipsiae, 1954.*

Цец. Алл. — Иоанн Цец. Аллегории к Гомеру: *Matranga P. Anecdota graeca e mss. bibliothecis Vaticana. Angelica... Romae, 1850, v. 1—2.*

Цец. Ист. — Иоанн Цец. Истории («Халияды»): *Leone P. A. M. Ioannis Tzetzae Historiae. Napoli, 1968.*

Цец. Комм. Лик. — Иоанн Цец. Комментарии к Ликофрону: *Leone P. A. M. Excerpta Vaticana ex Ioannis Tzetzae Commentario in Lycophronem et Historiis. — Atti Ac. Sc. Stor. e Fil., 1964—1965, v. 99.*

Цец. Пис. — Иоанн Цец. Письма: *Leone P. A. M. Ioannis Tzetzae Epistulae. Leipzig, 1972.*

Цец. Теог. — Иоанн Цец. Эпилог «Теогонии»: *Hunger H. Zum Epilog der Theogonie des Iohannes Tzetzes. — Byzantinische Zeitschrift, 1953. Bd. 46.*

Цец. Ямб. — Иоанн Цец. Ямбы: *Kiessling Th. Historiarum Variarum Chiliades. Lipsiae, 1826.*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. В. Бибииков. Византийские источники по истории Руси и Причерноморья (XII—XIII вв.)</i>	
Часть 1. История изучения темы. Задачи исследования	5
<i>Глава 1. Первые опыты изучения византийских источников по истории Руси, Северного Причерноморья, Кавказа . . .</i>	<i>7</i>
<i>Глава 2. Период становления проблематики</i>	<i>17</i>
<i>Глава 3. Современный период изучения темы.</i>	<i>44</i>
<i>Глава 4. Итоги и задачи исследования .</i>	<i>61</i>
Часть II. Проблемы изучения источников. Вопросы методики.	65
<i>Глава 1. Территориальные и хронологические рамки исследования</i>	<i>65</i>
<i>Глава 2. Основные виды изучаемых источников</i>	<i>71</i>
<i>Глава 3. Личный опыт и традиционные представления византийских авторов . .</i>	<i>79</i>
<i>Глава 4. Проблема этнонимов, территориальных и государственных наименований</i>	<i>83</i>
<i>Глава 5. Этногеографические представления</i>	<i>90</i>
<i>Глава 6. К анализу этнического портрета</i>	<i>97</i>
<i>Глава 7. К проблеме средневекового историзма</i>	<i>101</i>
Часть III. Русь в византийских источниках XII—первой половины XIII в.	123

<i>Глава 1. Этногеографические данные о Руси</i>	123
<i>Глава 2. Византийские источники о месте Руси в международной политической жизни.</i>	136
<i>Глава 3. Афонские акты как источник по истории русского военного корпуса в Византии</i>	156
<i>Глава 4. Из истории Русского монастыря на Афоне</i>	185
Часть IV. Кочевники Северного Причерноморья в византийских источниках	199
<i>Глава 1. Последние сведения о печенегах</i>	199
<i>Глава 2. Основные этапы военно-политической истории половцев в Причерноморье в XII—первой половине XIII в. . . .</i>	228
<i>Глава 3. Материалы к истории половецких поселений.</i>	265
Часть V. Северный Кавказ в византийских источниках XII—первой половине XIII в.	272
<i>Глава 1. Этногеографические данные о Северном Кавказе</i>	272
<i>Глава 2. Черты общественно-политического строя Аланского государства</i>	288
Заключение	294
Приложение. Система принятых сокращений византийских источников	297